

ISSN 2522-199X

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выходит 1 раз в год

Выпуск 10

Периодическое научное электронное издание

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2025

Редакционная коллегия:

*П.В. Гридюшко (ответственный редактор);
И.А. Анищенко, А.В. Балиткин, Е.В. Боровая, П.Л. Боровик, А.Н. Дрозд,
Н.И. Козелецкая, М.А. Кравцова, А.С. Кривонощенко, В.Н. Крюков,
О.И. Левицук, С.Г. Луговский, А.И. Мурашко, Г.А. Павловец, Е.А. Реутская,
Ю.А. Сурженко, А.А. Тит, Д.Л. Харевич, И.Н. Яхновец*

Технический редактор *Ю.С. Санина*
Корректор *М.С. Прушак*

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, в том числе научные статьи победителей и призеров конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД в 2025 году.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Афанасенко А.В.</i> Применение беспилотных летательных аппаратов органами внутренних дел Республики Беларусь	6
<i>Богаткевич А.А.</i> История развития досудебного соглашения о сотрудничестве	11
<i>Буданов В.И.</i> Общественные работы как новый вид административного взыскания	17
<i>Бурая А.А.</i> Правовое регулирование цифровых прав в Республике Беларусь и Российской Федерации	25
<i>Гриб И.А.</i> Женевские конвенции 1949 г. и дополнительные протоколы к ним как основа международного гуманитарного права	32
<i>Козырев И.В.</i> Соотношение норм права и морали при решении служебных задач сотрудниками правоохранительных органов	41
<i>Копонович Е.Д.</i> Генезис и современное значение института бойкота	46
<i>Крупский Я.В.</i> Особенности применения программно-технических средств при проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный осмотр», а также выявления и установления лиц, осуществляющих несанкционированный доступ	52
<i>Кузьмин В.А.</i> Совершенствование правового регулирования оборота гражданского оружия	61
<i>Кухаренко А.В.</i> Цифровые права и их место в системе объектов гражданского права	67
<i>Молодыхов В.А.</i> О совершенствовании института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности	73
<i>Молодыхов В.А., Козырев И.В.</i> Присвоение либо растрата окрашенного нефтяного топлива	80
<i>Нестерович Я.С.</i> История развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы на территории Беларуси	85
<i>Полякович А.В.</i> Исполнение наказания в виде общественных работ: теоретико-прикладные вопросы повышения эффективности	91
<i>Понкратенко А.И.</i> Понятие и структура правового сознания: теоретико-правовые аспекты	99
<i>Прокопович И.А.</i> Самооборона как разновидность мер принуждения в современных геополитических реалиях	105
<i>Старовойтова Е.А.</i> Статья 342 ¹ «Пропаганда самоубийства» Уголовного кодекса Республики Беларусь: вопросы квалификации и отграничения от смежных составов	113

Цалко К.А. Конституционно-правовое регулирование свободы передвижения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств	121
Шустерман К.А. О детерминантах бытового взяточничества	129

КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ АКАДЕМИИ МВД В 2025 г.

Статьи победителей и призеров

Анишкевич И.О. Некоторые аспекты противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием информационных технологий	135
Ардус К.А. Криминалистическая характеристика незаконного пересечения государственной границы	141
Афанасенко А.В. Применение беспилотных летательных аппаратов в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел	147
Богаткевич А.А. Сравнительно-правовой анализ института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Беларусь и зарубежных государств	152
Богаткевич А.А. Тактические особенности осмотра места происшествия при раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет	159
Воронко С.А. Эволюция правового статуса прокурора как участника уголовного процесса	166
Гриб И.А. Социально-экономический вектор развития Республики Беларусь в контексте реализации норм международного публичного права	171
Гринь П.С. Экспертный эксперимент при решении задач по установлению выстрела из огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок ...	180
Ерофеев К.А. Риски и угрозы совершения правонарушений в сфере государственных закупок товаров (работ, услуг)	187
Козырев И.В. Организация и тактика выявления (раскрытия) присвоения либо растраты на объектах транспорта	193
Криволевиц А.И., Сидляревич Т.А. Правовой режим цифровых технологий в контексте устойчивого развития физической культуры и спорта	198
Крупский Я.В. Правовые основы борьбы с несанкционированным доступом к компьютерной информации	204
Кузьмин В.А. История развития института правового регулирования оборота гражданского оружия	209
Легуцкий Н.М. Историко-правовой аспект исследования холодного оружия	217
Малецкая А.М. Право на необходимую оборону: условия и проблемы совершенствования законодательства	222

Некрашевич Т.А. Правовое воздействие на лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, и пути повышения его эффективности	227
Нестерович Я.С. Особенности правового регулирования псевдонимов (вымышленных имен) как средств индивидуализации участников гражданских правоотношений в зарубежных странах	233
Осипова Н.А. Проблемные аспекты при организации проведения проверки по материалам о преступлениях, предусмотренных ст. 371 ¹ , 371 ² Уголовного кодекса Республики Беларусь	240
Прокопович И.А. О правомерности применения односторонних санкций ...	246
Русецкий К.А. Анализ сущности наказания в виде лишения свободы: правовая природа, цели и проблемы правоприменения	252
Сацук П.И. Криминалистическая характеристика личности преступника, осуществляющего незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов	257
Ходер В.Б. Развитие уголовно-правового института прикосновенности к преступлению на территории Республики Беларусь	265
Шатило В.В. О самостоятельности эксгумации	271
Швед И.Д. Технологии, применяемые для фиксации, изъятия и исследования трасологических следов	277
Шустерман К.А. О личности преступника-коррупционера	282
Ясинская Т.А. О некоторых криминологических особенностях насильственной преступности и мерах ее предупреждения	290

УДК 343.985.8

А.В. Афанасенко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Б.В. Ковалик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.С. Кудрявцев*

ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются опыт применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности правоохранительных органов, вопрос о расширении сфер применения данных технических средств, а также регламентации порядка их эксплуатации при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Развитие современных технологий идет быстрыми темпами и обусловливает появление новых возможностей для различных областей жизни общества, в том числе и работы правоохранительных органов. Одна из значимых инноваций последних лет – беспилотные летательные аппараты (БЛА). Их все чаще используют не только в военной сфере, но и в гражданской жизни: от тушения пожаров до сельского хозяйства и правоохранительной деятельности.

Популярность БЛА растет год за годом. По оценкам экспертов, рынок БЛА развивается темпами не менее 10 % в год, что говорит о большом интересе к указанным устройствам. Интерес к данным устройствам обусловлен рядом причин: они мобильны, сравнительно недороги в эксплуатации и могут выполнять задачи, которые для человека могут быть сложными или опасными [1, с. 606–614].

Анализ литературных источников показал, что основные направления применения дронов условно можно разделить на две большие группы: использование БЛА гражданскими организациями и военизированными структурами. В каждой из этих областей БЛА выполняют разные функции, но их объединяет одно – высокая эффективность и относительно низкие затраты по сравнению с традиционными методами работы.

Современные технологии позволяют создавать точные карты и планы местности с помощью дронов. Это особенно важно при проведении кадастровых работ, мониторинге земельных участков и подготовке гра-

достроительных проектов. При этом использование БЛА оказывается экономически выгодным, особенно на больших территориях. Фермеры используют дроны для наблюдения за состоянием посевов, определения всхожести культур и оценки урожайности. Это позволяет принимать более точные решения по уходу за полями и повышает эффективность труда в колхозно-фермерских хозяйствах [2, с. 47–51].

Одним из первых массовое применение БЛА военизированными структурами началось в вооруженных силах. Сегодня трудно представить современные военные действия без применения БЛА. Они используются для разведки, корректировки огня, наблюдения за противником и даже для нанесения ударов. Например, в ходе военных операций в Сирии Вооруженные Силы Российской Федерации активно применяли беспилотники для сбора информации, контроля за перемещением боевиков и обеспечения безопасности своих войск. Дроны позволяли фиксировать обстановку в реальном времени, что давало командованию полную картину происходящего на поле боя. БЛА активно используют в информационной поддержке военных действий. Получаемые с них видеоматериалы используются для анализа обстановки, документирования целей и передачи данных в средства массовой информации [2].

Благодаря возможности быстрого взлета и работы в сложных условиях, БЛА помогают МЧС оценивать масштаб пожара, выявлять его очаги и планировать действия спасателей. Например, в Российской Федерации БЛА успешно использовались при ликвидации лесных пожаров. Дроны позволяют экономить время и силы сотрудников, а также предотвратить распространение огня на близлежащие населенные пункты [3, с. 165].

По вышеназванным причинам БЛА все чаще применяются в работе правоохранительных органов. Их мобильность, возможность быстрого взлета и маневрирования в условиях городской застройки и способность работать в сложных условиях делают БЛА ценным инструментом для решения широкого круга задач: от поиска пропавших людей до фиксации административных правонарушений.

В международной практике наблюдается устойчивая тенденция к расширению сфер применения БЛА в деятельности правоохранительных органов. В частности, зарубежные полицейские структуры используют дроны для патрулирования улиц, фиксации правонарушений, отслеживания хода проведения массовых мероприятий, а также в целях поиска лиц, пропавших без вести и осмотра мест происшествий. Современные БЛА оснащаются оборудованием, позволяющим осуществить видеонализ и биометрическую идентификацию [4, с. 25–29].

Во всех случаях дроны помогают сотрудникам органов внутренних дел действовать эффективнее и безопаснее. БЛА может быстро охватить большую территорию, особенно если требуется найти человека в лесу, на пустыре или в других труднодоступных местах. Уже сегодня Государственная автомобильная инспекция использует дроны для фиксации нарушений Правил дорожного движения (ПДД), наблюдения за дорожной ситуацией и помощи в поиске скрывшихся водителей [5].

Кроме того, дроны помогают при проведении осмотров мест происшествий. Е.Р. Леонова и Ю.Ю. Звертаева в своей работе отмечают, что применение БЛА при расследовании преступлений, связанных с совершением дорожно-транспортных происшествий (ДТП) позволяет получить полную картину обстановки с воздуха, зафиксировать следы, которые невозможно разглядеть с земли, и правильно определить обстоятельства ДТП. Современные модели дронов способны находиться в воздухе более 40 минут, подниматься на высоту до 500 метров и передавать видео в реальном времени. Это позволяет оператору с высоты следить за ситуацией на дороге и вовремя информировать наземные экипажи о возможных нарушениях [6, с. 101–105].

При охране общественного порядка в сфере дорожного движения с помощью беспилотников органы внутренних дел могут решать следующие задачи: выявление нарушения ПДД; фиксация фактов управления транспортом в состоянии опьянения; отслеживать движение автомобилей, скрывающихся с места ДТП; контроль загруженности дорог и выявлять причины пробок.

Преимущество использования дронов в деятельности правоохранительных органов в том числе выражается в возможности их применения в удаленных районах, где нет стационарных камер видеонаблюдения или радаров.

На массовых мероприятиях обеспечение общественного порядка требует значительного количества личного состава. При решении данной задачи также возможно использование БЛА, которые позволяют: отслеживать перемещения граждан; своевременно выявлять потенциальные угрозы; идентифицировать лиц, нарушающих порядок; координировать действия сотрудников.

Это особенно актуально в условиях, когда наземный обзор ограничен, а передвижение затруднено. Благодаря возможности вести наблюдение с воздуха, орган внутренних дел получает преимущество в контроле оперативной обстановки. Данное преимущество также выражается, когда доступ к участку местности для сотрудника невозможен или затруднен. Например, при проведении осмотра места происшествия на

болотистых территориях или при неблагоприятных погодных условиях. Современные БЛА оснащаются тепловизионными камерами, что позволяет находить людей даже ночью или в лесной местности. Они могут использоваться также для поиска пропавших без вести, особенно в случаях, когда речь идет о малолетних детях или людях с ограниченными возможностями.

Особое значение приобретает применение БЛА в рамках оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Учитывая характер ОРД, БЛА становятся важным инструментом, позволяющим конфиденциально и оперативно получать необходимую информацию и принимать соответствующие решения. Благодаря мобильности, скрытности, способности к высокоточному наблюдению и дистанционному сбору данных, БЛА позволяют оперативно реагировать на вызовы и эффективно решать задачи, стоящие перед органами, осуществляющими ОРД. Их применение в ОРД может существенно повысить качество визуального контроля за объектами, упростить осмотр территорий ограниченного доступа, сократить сроки поиска и идентификации объектов, представляющих оперативный интерес, а также оптимизировать затрату сил и ресурсов.

Заимствование и адаптация данной технологии в ОРД не является новшеством, а представляет собой закономерный этап развития практики внедрения технических решений из смежных отраслей. ОРД традиционно характеризуется высокой восприимчивостью к инновациям, включая аудио- и видеозаписывающее оборудование, навигационные и информационные технологии, которые первоначально применялись в гражданских или военных сферах. Применение БЛА логично продолжает данный подход: адаптированные как средства негласного получения информации, они могут эффективно использоваться при решении задач ОРД.

Несмотря на вышеперечисленные преимущества, эффективное применение БЛА в ОРД требует реализации ряда мер.

1. Необходимость совершенствования материально-технической базы. Не каждая модель БЛА подходит для решения задач ОРД, что может влиять на его стоимость. Кроме того, помимо самого БЛА необходимы средства для его технического обслуживания.

2. Необходимость обучения сотрудников. Управление БЛА требует навыков. Решение данной задачи реализуется посредством организации учебных программ в органах внутренних дел, в том числе для курсантов и слушателей Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Однако для обучения необходимого количества специалистов, спрос на которых постоянно возрастает, требуется время.

3. Совершенствование правового регулирования. На национальном уровне в Республике Беларусь осуществляется формирование нормативной базы, регламентирующей эксплуатацию БЛА. Указ Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» регламентировал необходимость и порядок регистрации БЛА и установил требования к подготовке операторов. Введение таких механизмов правового регулирования направлено на обеспечение безопасности и предотвращение неправомерного использования БЛА в гражданском обороте.

С учетом указанного опыта обоснованной представляется инициатива по включению БЛА в перечень штатных технических средств, используемых в ОРД. Полагаем, что в ведомственных нормативных актах возможно закрепить перечень мероприятий, допускающих применение БЛА. Наиболее детально следует рассмотреть вопрос о регламентации порядка эксплуатации БЛА при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, включая регламентацию процедуры использования указанных технических средств в рамках рассматриваемой деятельности; квалификации операторов; порядка передачи и хранения полученной информации и других аспектов. Данная регламентация позволит обеспечить соблюдение принципов законности и целесообразности при применении БЛА в ОРД.

Полагаем, что БЛА, как современное техническое средство, существенно расширяют потенциал решения задач ОРД. Нормативное закрепление их использования может стать важным направлением развития правоохранительной системы в данном направлении, о чем свидетельствует опыт применения БЛА в других сферах. При этом в дальнейшем необходимо обеспечить не только расширение сфер применения БЛА, но и детальную регламентацию порядка эксплуатации их в соответствии с действующим законодательством об ОРД, с учетом особенностей конкретных оперативно-розыскных мероприятий.

Список использованных источников

1. Казакова, Д.А. Становление и развитие беспилотных летательных аппаратов / Д.А. Казакова // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 33. – С. 606–614.
2. Зубарев, Ю.Н. Использование беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве / Ю.Н. Зубарев, Д.С. Фомин, А.Н. Чашин, М.В. Заболотнова // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2019. – № 2. – С. 47–51.
3. Хисамутдинов, Р.М. Правовые аспекты применения беспилотных воздушных судов в системе МЧС России / Р.М. Хисамутдинов, А.В. Антонов, И.Ф. Ту-

чин, И.Н. Татаркин // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 165.

4. Косовский, В.Б. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации / В.Б. Косовский, С.Н. Мартынюк // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 3. – С. 25–29.

5. SB news: В ГАИ начали использовать дроны для поиска нарушителей правил дорожного движения : [сайт]. – Минск, 1998–2025. – URL: <https://www.sb.by/articles/im-sverkhu-vidno-vse-ty-tak-i-znay.html> (дата обращения: 20.04.2025).

6. Леонова, Е.Р. К вопросу возможности использования беспилотных летательных аппаратов при производстве осмотра места происшествия по делам о дорожно-транспортных происшествиях / Е.Р. Леонова, Ю.Ю. Звертаева // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Орел, 12 нояб. 2018 г. / Орлов. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации им. В.В. Лукьянова ; под ред. Ю.Н. Калужного. – Орел, 2018. – С. 101–105.

УДК 343.13

А.А. Богаткевич, студент факультета права

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Мелешко*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Рассматривается эволюция института досудебного соглашения о сотрудничестве. Анализируются исторические предпосылки формирования, начиная с древних времен и заканчивая современным этапом. Особое внимание уделяется заимствованным моделям зарубежных правовых систем.

В условиях глобальных трансформаций уголовной политики, вызванных как внутренними, так и внешними факторами, в том числе ростом организованной преступности, возникает объективная необходимость поиска более гибких и эффективных механизмов раскрытия и расследования преступлений.

В Древнем мире, в частности в Древнем Египте, Месопотамии и Древней Греции, существовали похожие институты, которые можно считать предшественниками современного досудебного соглашения о сотрудничестве. В этих культурах суды часто позволяли обвиняемым смягчать наказания или даже избежать наказания в случае признания вины и сотрудничества с властями. В отличие от Древнего Востока,

установленные в античный период процессуальные правила Древнего Рима регламентировались законом достаточно строго, при этом возможности реализации уголовного процесса в ускоренном темпе были довольно большими. А это уже в то время гарантировало на достаточно высоком уровне права членов общества Афин, особенно государства Древнего Рима на справедливое судопроизводство.

В эпоху Древнего Рима существовали соглашения между обвиняемыми и судьями, хотя такого института, как досудебное соглашение о сотрудничестве, не существовало, в некоторых случаях применялась возможность смягчения наказания за содействие в раскрытии преступления, что можно рассматривать как прототип современных сделок со следствием. Римляне могли применять смягчение наказания к тем, кто помогал раскрывать преступления, особенно в случаях, когда обвиняемый согласился быть свидетелем более профессиональных преступников.

В Средние века в европейских правовых системах часто практиковались различные формы помилования и амнистии для тех, кто помогал государству в борьбе с преступностью. Это не было формализовано в виде соглашений, но власти использовали показания и помощь обвиняемых для раскрытия преступлений и изобличения соучастников.

В некоторых странах существовали особые соглашения с преступниками, которые также помогали раскрывать преступления. В период формирования современных правовых систем, начиная с XVII в., многие западноевропейские страны стали вводить более формализованные механизмы сотрудничества между обвиняемыми и властями. В Англии одним из известных инструментов была система «королевского свидетельства», когда обвиняемый мог получить более мягкое наказание за помощь в расследовании или за дачу показаний против других обвиняемых.

В Русской Правде содержались положения, на основании которых лицо, совершившее преступление, могло быть освобождено от ответственности при условии его раскаяния. Соборное уложение 1649 г. предусматривало уменьшение размера наказания вдвое в случае признания вины. В результате принятия Соборного уложения 1649 г. также была отменена смертная казнь для лиц, явившихся с повинной.

Более детально порядок уголовного процесса был регламентирован Уставом уголовного судопроизводства, введенным в действие 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства предусматривал для суда возможность, не производя исследования всех доказательств, перейти к заключительным прениям. Это влекло существенное сокращение процедур, предшествующих принятию решения по делу. Обязательными основаниями для принятия судом такого решения были согласие подсу-

димого с предъявленным обвинением и отсутствие сомнений суда в виновности подсудимого по результатам его ответов на вопросы по обстоятельствам совершенного преступления.

В советский период развития уголовного законодательства положения, затрагивающие возможности заключения досудебного соглашения, получили закрепление в Декрете СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. В уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. предусматривалась возможность освобождения от уголовной ответственности в случаях сообщения о фактах взяточничества и оказания содействия при раскрытии преступления.

В период Великой Отечественной войны и послевоенные годы законодательством СССР также предусматривался ряд обстоятельств, влияющих на наказание. В частности, освобождению от уголовной ответственности подлежали те лица, которые самостоятельно сдавали оружие на освобожденных территориях. С принятием УК РСФСР 1960 г. возник обширный перечень обстоятельств, смягчающих наказание лицам, активно сотрудничающим со следствием.

Существует несколько сходных институтов с досудебным соглашением о сотрудничестве как в национальном, так и в международном праве:

а) Соглашение о признании вины – это аналог досудебного соглашения о сотрудничестве, используемый в странах англосаксонской правовой системы, в первую очередь в США и Великобритании [2, с. 77]. Обвиняемый признает свою вину в обмен на смягчение наказания, это соглашение позволяет сторонам ускорить процесс;

б) Амнистия – законодательные акты, которые освобождают от уголовной ответственности или снижают наказание для определенных категорий лиц, тех, кто совершил преступления в определенный период или по особым причинам;

в) Программа защиты свидетелей – этот институт обеспечивает защиту лиц, готовых сотрудничать с правоохранительными органами, давая им анонимность или новое место жительства в обмен на помощь в раскрытии преступлений.

Исторические источники англосаксонского права (преимущественно Великая хартия вольностей 1215 г.) заложили основу для права на справедливый процесс, что позднее развилось в практику сделок о признании вины. Возможность заключения таких сделок в США появилась достаточно давно, начиная с XIX в. Постепенно, в процессе развития института сделки в системе правосудия, происходило совершенствование механизма реализации данного института, направленное на экономию материальных и временных средств.

В России досудебное соглашение о сотрудничестве было введено в уголовно-процессуальное законодательство в 2009 г. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве стал важным инструментом в борьбе с организованной преступностью, поскольку позволяет добиться более быстрого расследования за счет сотрудничества и показаний обвиняемого. Обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на любой стадии расследования уголовного дела (с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия). Досудебное соглашение о сотрудничестве заключается добровольно и при обязательном участии защитника [3, с. 108].

В конце XX в. и начале XXI в., с развитием международного уголовного судопроизводства, практика заключения соглашений о сотрудничестве получила широкое распространение в международных правовых системах. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) стала важным международным источником для разработки национальных систем соглашений о сотрудничестве. В этих документах международное сообщество утвердило необходимость использования всех доступных средств для борьбы с транснациональной преступностью, включая заключение соглашений с обвиняемыми, которые помогали бы раскрывать преступления.

Источники для создания досудебного соглашения о сотрудничестве:

а) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) – основополагающий международный документ, который стимулировал развитие аналогичных институтов в национальных законодательствах;

б) Уголовно-процессуальные кодексы разных стран (США, Великобритания, Франция) – национальные акты, регулирующие условия заключения соглашений о сотрудничестве;

в) Решения международных судов (например, Международный уголовный суд), которые на практике использовали этот инструмент для борьбы с преступностью на международном уровне.

История возникновения досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь связана с развитием уголовно-процессуального законодательства, а также стремлением повысить эффективность борьбы с преступностью. Первым этапом формирования института досудебного соглашения о сотрудничестве стало принятие поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). В 2015 г. в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь появился новый процессуальный институт – «досудебное соглашение о сотрудничестве».

Основная цель досудебного соглашения заключается в том, чтобы мотивировать подозреваемых (обвиняемых) содействовать раскрытию преступлений, особенно если речь идет об организованных преступных группах, коррупции, экономических преступлениях. Несмотря на хорошие результаты внедрения института досудебного соглашения о сотрудничестве, существует необходимость его дальнейшей правовой оптимизации для обеспечения должной защиты прав подозреваемых (обвиняемых).

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Беларусь регулируется несколькими источниками права. Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) является основным источником права, который устанавливает общие принципы правосудия и прав человека, в том числе права подозреваемых (обвиняемых). Хотя в Конституции прямо не регулируется институт досудебного соглашения о сотрудничестве, ее положения создают основу для существования такого соглашения. Ст. 25 Конституции гарантирует гражданам право на защиту от необоснованного обвинения и наказания. Ст. 26 Конституции подтверждает, что никто не может быть принужден к признанию своей вины, что соответствует принципу презумпции невиновности. Однако это право может быть ограничено в случаях, когда обвиняемый решает заключить соглашение о сотрудничестве, что позволяет соблюдать баланс между правами обвиняемого и интересами правосудия.

Основным источником регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве является УПК, он регулирует весь уголовный процесс, включая заключение досудебных соглашений.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (г. Палермо, «Палермо-конвенция»), с которой Республика Беларусь сотрудничает в борьбе с организованной преступностью, может послужить основанием для разработки законодательных актов, предусматривающих сотрудничество обвиняемых с правоохранительными органами в обмен на смягчение наказания. Международные соглашения о правовой помощи в уголовных делах также могут содержать положения о сотрудничестве, которые теоретически могут быть использованы как примеры для разработки внутреннего законодательства, в том числе относительно досудебных соглашений о сотрудничестве.

Научная литература и исследования в области уголовного процесса также служат важным источником для понимания и применения института досудебного соглашения о сотрудничестве. Это касается не только теоретических аспектов, но и анализа практики, что помогает в совершенствовании законодательства.

Досудебное соглашение о сотрудничестве, как процессуальный институт, является результатом длительного развития правовых механизмов, направленных на упрощение и ускорение уголовного судопроизводства. В истории уголовного процесса можно проследить примеры практик, сходных с современным досудебным соглашением о сотрудничестве, начиная с античных времен.

В России и других странах Восточной Европы существовали законодательные нормы, которые предусматривали смягчение наказания за содействие в расследовании преступлений. Эти практики демонстрируют стремление законодателей использовать сотрудничество обвиняемых в целях эффективного расследования и борьбы с преступностью. В странах англосаксонской правовой системы, таких как США и Великобритания, сделки о признании вины стали широко применяться еще в XIX в., а институты, сходные с досудебным соглашением, начали развиваться в рамках системы уголовного процесса [1, с. 168]. Они обеспечивали более быстрые процессы и снижали нагрузку на суды. Эти международные практики, в частности, на основе американской модели «*plea bargaining*», повлияли на формирование соответствующих институтов в других странах, включая Беларусь.

В основе развития досудебного соглашения о сотрудничестве выступала необходимость балансировать между правами обвиняемых и интересами правосудия. Конституционные принципы, такие как право на защиту от необоснованного обвинения и презумпция невиновности, должны были учитываться при создании новых институтов.

Источниками для введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в современных правовых системах стали как национальные, так и международные нормы. В Республике Беларусь, например, важнейшей вехой стало принятие поправок в УПК в 2015 г., что позволило внедрить механизм досудебного соглашения в уголовный процесс. Применение международных договоров, таких как «Палермо-конвенция», также сыграло важную роль в развитии этого института.

В заключение можно сказать, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве – это результат долгосрочной эволюции правовых механизмов, которые развивались в ответ на потребность в более эффективном и справедливом уголовном процессе. Такие источники, как международные соглашения и Конституция, создали правовую основу для внедрения и применения института досудебного соглашения о сотрудничестве, что позволило ускорить судебные процессы и повысить их эффективность, особенно в делах, связанных с организованной преступностью.

Досудебное соглашение о сотрудничестве повышает раскрываемость преступлений, противодействует организованным формам преступности путем привлечения правоохранительными органами к сотрудничеству подозреваемых (обвиняемых), состоящих в организованных преступных группах, стимулирует положительное посткриминальное поведение преступников, а также способствует процессуальной экономии.

Список использованных источников

1. Литвина, Е.Д. Досудебное соглашение о сотрудничестве: генезис и отличительные черты континентальной модели соглашения от англосаксонской «сделки с правосудием» / Е.Д. Литвина, Е.Б. Калашникова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2019. – № 2-2. – С. 168.
2. Фильченко, А.П. Сделка о признании вины: уголовно-правовое основание и процессуальная обоснованность / А.П. Фильченко, Н.Н. Лыткин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 77.
3. Юсупова, Г.Х. Реализация сделки о признании вины в судебной практике / Г.Х. Юсупова // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2012. – № 2. – С. 108.

УДК 342.9

В.И. Буданов, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.Н. Крюков*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Левшук*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ КАК НОВЫЙ ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Рассматриваются проблемные вопросы применения новой меры административного взыскания – общественных работ – и предлагаются пути их решения. Аргументируется необходимость исключения лиц, достигших установленного пенсионного возраста, и несовершеннолетних из перечня субъектов, к которым данный вид воздействия не может применяться.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), вступивший в силу 1 марта 2021 г., сохранил основные принципиальные подходы к порядку привлечения к административной ответственности. Законодатель предусмотрел ряд новшеств, включая такой вид взыскания, как общественные работы, расположив его между штрафом и административным арестом.

Наказания, связанные с обязательным трудом, известны истории юридической науки с давних времен. Так, принудительные работы без содержания под стражей стали применяться к заключенным в Советской Социалистической Республике Белоруссии (ССРБ) в 1921 г. Бюро принудительных работ для их организации было создано при карательном отделе Народного комиссариата юстиции ССРБ. Это давало возможность народным судам не направлять в дома принудительных работ осужденных, к которым можно было не применять лишение свободы. Как отмечает А.В. Вениосов, «ни в одном нормативном правовом акте тех дней не определялось, что труд должен являться средством исправления, или же средством самоокупаемости мест лишения свободы» [1].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., который распространял свое действие на всю территорию нынешней Республики Беларусь, предусматривал лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой и принудительные работы без содержания под стражей. Введенным в действие 15 ноября 1926 г. Исправительно-трудовым кодексом БССР регулировался порядок принудительных работ без содержания под стражей. Данному наказанию посвящалась XXII глава кодекса. Организацией принудительных работ занимались районные исполнительные комитеты и городские советы. Принудительные работы не оплачивались. За уклонение от их отбывания, за неявку на регистрацию, несоблюдение установленных правил, а также за недобросовестное исполнение работы приговоренного исполком мог в качестве взыскания перевести на другую работу или исключить из срока отбывания принудительных работ небрежно проработанного или самовольно пропущенного времени [2].

Уголовный кодекс БССР 1960 г. (с последующими изменениями и дополнениями) такого наказания, как общественные или принудительные работы, не предусматривал. Впервые наказание в виде «общественных работ» появилось в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК). При этом в КоАП 1984 г., 2003 г. общественных работ среди мер административного взыскания не было.

Общественные работы, согласно ч. 1 ст. 6.5 КоАП, заключаются в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных работ, направленных на достижение общественно полезных целей. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2021 г. № 302 утвержден Перечень общественных работ. Они могут включать благоустройство, озеленение и очистку территорий, восстановление историко-архитектурных памятников, комплексов, заповедных зон (озеленение, посадка, прополка, обрезка деревьев, вырубка и уборка поросли, скашивание травы и другое),

уборку помещений, лестничных площадок жилых домов, организаций, погрузочно-разгрузочные работы, социальные услуги для населения (помощь в обработке огородов, уборке урожая, заготовке дров и другое), а также иные виды работ в случаях, связанных с актуальными потребностями региона, а также определяемые особенностями психофизического состояния привлеченного к административной ответственности лица. Постановлением определено, что указанные в перечне виды работ не должны относиться к работам с повышенной опасностью, а также требующим прохождения предварительного обучения и (или) профессиональной подготовки.

Данное взыскание налагается судом и только с согласия физического лица, совершившего административное правонарушение.

Д.П. Семенюк обращает внимание, что «истребование указанного согласия перед применением данного вида взыскания свидетельствует о либерализации административной ответственности и поиске законодателем новых нестандартных решений в достижении задач административно-деликтной политики. В целом наличие согласия на применение административного взыскания является важной новеллой, которая в перспективе может быть использована при применении других мер административной ответственности» [3, с. 32].

Анализируя положения ст. 6.5 КоАП, можно сделать вывод о ее аналогии со ст. 49 УК, согласно которой общественные работы заключаются в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества. Разница выражается в количестве часов подобных работ: для административного взыскания они составляют от 8 до 60 часов и не более четырех часов в день, в качестве уголовного наказания – устанавливаются на срок от 60 до 360 часов, а также в истребовании согласия лица, привлекаемого к административной ответственности, о котором указывалось ранее.

Названная мера взыскания в соответствии с КоАП не применяется к лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста (согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХП (в ред. от 11 ноября 2024 г., с изм. и доп. от 2 декабря 2024 г.) «О пенсионном обеспечении» для женщин указанный возраст составляет 58 лет, для мужчин – 63 года), лицам от 14 до 18 лет, беременным и находящимся в отпуске по уходу за ребенком, инвалидам I и II группы, иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства, а также к тем, на кого распространяется статус военнослужащего, начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов финансовых расследований Комитета государ-

ственного контроля, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям.

Согласимся с мнением С.Г. Василевича о том, что рассматриваемая мера ответственности вполне могла бы применяться как к несовершеннолетним, так и к лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста, которые нередко продолжают активную трудовую деятельность после выхода на пенсию [4, с. 64]. Так, согласно ст. 49 УК общественные работы, как вид уголовного наказания, могут назначаться лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста. Предполагается, что на законодательном уровне необходимости закрепления в КоАП предельного возраста лица, к которому могут применяться общественные работы, не требуется. Принятие решения о возможности назначения рассматриваемой меры ответственности с учетом конкретных обстоятельств лежит на суде. При этом стоит обратить внимание на возможные сложности практического применения общественных работ к лицам от 14 до 18 лет. В случае уклонения последних от их выполнения, у органов, исполняющих административное взыскание, фактически не будет «рычагов» воздействия на указанных субъектов. В силу п. 1 ч. 2 ст. 6.6 КоАП административный арест к данной категории лиц не применяется, а штраф не может превышать двух базовых величин, и, как правило, назначается, если у несовершеннолетнего имеется заработок, стипендия или иной доход. Полагаем, разумным видится введение нормы, согласно которой несовершеннолетние должны будут выполнять общественные работы по месту учебы (реставрация книг в библиотеке, уборка школьной территории и т. д.) и только с письменного согласия законных представителей, что будет являться своего рода дополнительной гарантией исполнения наложенного взыскания.

В действующем КоАП общественные работы предусмотрены в качестве основного взыскания санкциями 27 статей и предполагают отнесение административного правонарушения, согласно ст. 2.2 КоАП, к категории грубых.

В случае возникновения в период выполнения общественных работ одного или нескольких обстоятельств, предусмотренных КоАП (беременность, инвалидность I и II группы, достижение общеустановленного пенсионного возраста и иные), препятствующих их исполнению, суд по представлению местного исполнительного и распорядительного органа освобождает лицо от дальнейшего исполнения взыскания. Перечень таких обстоятельств является исчерпывающим, что, по нашему мнению, не в полной мере учитывает один из важнейших принципов админи-

стративной ответственности – принцип гуманизма и индивидуализации исполнения административного взыскания (ст. 1.5 КоАП, ст. 16.5 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПиКоАП)). Так, наступление тяжелого заболевания (болезни), возникшего в период исполнения взыскания в виде общественных работ, не дает право лицу ходатайствовать перед судом об освобождении от дальнейшего исполнения назначенного взыскания. Ст. 22.5 ПИКоАП обязывает лицо уведомлять местный исполнительный и распорядительный орган, исполняющий административное взыскание, о наличии уважительных причин, препятствующих выполнению общественных работ. Время, в течение которого лицо не выполняло общественные работы по уважительным причинам, не засчитывается в срок взыскания.

Согласно ст. 8.7 КоАП физическое лицо, заболевшее после наложения на него административного взыскания психическим расстройством (заболеванием) или иным заболеванием, препятствующим исполнению наложенного взыскания, *по ходатайству органа, исполняющего постановление о наложении административного взыскания, может быть освобождено органом, вынесшим указанное постановление*, от административного взыскания, или налагаемое взыскание может быть заменено более мягким. При этом подобный порядок освобождения от административного взыскания или его замены законом детально не урегулирован. Также вызывает вопрос формулировка указанной нормы, в которой сказано, что освобождение или замена взыскания возможны лишь по ходатайству органа, исполняющего постановление о наложении административного взыскания, а не самого гражданина и лишь органом, вынесшим указанное постановление. Что делать в ситуации отказа органа, исполняющего постановление о наложении административного взыскания, обратиться с подобным ходатайством, закон не уточняет.

Законодательством не предусмотрено также право лица обратиться с просьбой об изменении вида (характера) и места исполнения общественных работ, что, на наш взгляд, также может свидетельствовать о нарушении принципа гуманизма, которым провозглашается, что наложение административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, не имеет своими целями унижение его человеческого достоинства, причинение ему физических или нравственных страданий.

За уклонение лица от выполнения общественных работ, согласно ст. 25.13 КоАП, установлена ответственность в виде штрафа в размере от двух до двадцати базовых величин или административный арест. По-

добный подход представляется спорным и требует проработки. Логичнее выглядит упомянутая норма ст. 49 УК, предусматривающая в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ право суда заменить их арестом или ограничением свободы. Поскольку, согласно ч. 4 ст. 7.1 КоАП, наложение административного взыскания не освобождает физическое или юридическое лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой оно было наложено, привлечение лица к ответственности за уклонение от общественных работ, не освобождает от их последующего выполнения. Однако на практике могут возникнуть ситуации, при которых лицо, подвергнутое взысканию за уклонение от общественных работ, в дальнейшем продолжит их не выполнять. Кроме того, несовершенство законодательства может позволить правонарушителю избежать, в частности, более крупного размера штрафа. Рассмотрим проблему на следующем примере: за жестокое обращение с животным, выразившимся в его истязании либо повлекшее его гибель или увечье (ч. 3 ст. 16.29 КоАП), предусмотрен штраф в размере от двадцати до тридцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест. Если судом в указанной ситуации к лицу будут применены общественные работы, от выполнения которых оно в дальнейшем уклонится, данное лицо по ст. 25.13 КоАП может быть подвергнуто штрафу, нижний предел которого составляет две базовые величины, а максимальный – двадцать базовых.

В ходе анализа 57 судебных постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 25.13 КоАП, размещенных в банке судебных решений, установлено, что штраф в качестве меры взыскания был применен в 12 случаях и его максимальный размер составил 5 базовых величин. Кроме того, из 57 дел по рассматриваемой статье судами прекращены 24. В качестве основания прекращения в основном применялся п. 2 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП – за отсутствием в деянии состава административного правонарушения, в двух случаях п. 11 названной статьи – в связи с недоказанностью виновности лица в совершении административного правонарушения и в восьми случаях п. 3 – в связи с истечением сроков наложения административного взыскания [5].

Считаем целесообразным добавить ч. 5 в ст. 6.5 КоАП в следующей редакции: «В случае уклонения лица от выполнения общественных работ суд по представлению органа, исполняющего административное взыскание в виде общественных работ, может заменить их штрафом полностью или неотбытую часть из расчета четыре базовые величины за восемь часов общественных работ». Максимальный размер штрафа при подобном пересчете не будет превышать 30 базовых величин.

Упомянутые выше ситуации возникают вследствие неправильного применения органом, ведущим административный процесс, положений ст. 22.6 ПИКоАП, регламентирующей ответственность за нарушение порядка и условий выполнения общественных работ, уклонения от их выполнения. Так, в банке судебных решений содержится постановление по делу об административном правонарушении суда Малоритского района Брестской области от 2 марта 2022 г., в котором указано: «Б., являясь лицом, которому постановлением суда Малоритского района от 14 декабря 2021 года назначено взыскание в виде общественных работ сроком на 24 часа, будучи предупрежденным 7 февраля 2022 года об административной ответственности за уклонение от указанного вида взыскания, уклонился от общественных работ. 8 февраля 2022 года и 9 февраля 2022 года не явился для выполнения общественных работ в Мокранский сельисполком без уважительных причин, что было установлено 18 февраля 2022 года» [6]. При этом п. 1 ч. 3 ст. 22.6 ПИКоАП устанавливает, что уклоняющимся от выполнения общественных работ признается лицо, не вышедшее на общественные работы без уважительных причин более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного взыскания. Более двух раз при буквальном толковании подразумевает как минимум три аналогичных случая. Так, 14 апреля 2022 г. судом Любанского района Минской области установлено: «К., будучи надлежащим образом уведомленным о явке в управление по труду, занятости и социальной защите, для выполнения общественных работ по постановлению суда не явился в установленный срок, без уважительных причин, чем уклонился от их выполнения. К. в судебном заседании вину признал и пояснил, что не явился для отбывания общественных работ, без уважительных причин». Постановлением судьи данного суда дело об административном правонарушении в отношении К. по ст. 25.13 КоАП прекращено за отсутствием в деянии состава административного правонарушения [7]. Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости исключения ст. 25.13 из КоАП.

Анализ зарубежного опыта показывает, что идея о замене общественных работ другим видом взыскания нашла свое применение в административно-деликтном законодательстве ряда стран. Рассматриваемая ранее ст. 37 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях предусматривает в случае уклонения от неоплачиваемого труда в пользу общества замену судом данного взыскания арестом из расчета один день ареста за два часа труда. Кодекс Литовской Республики об административных правонарушениях в ст. 6 устанавливает общественные работы в качестве альтернативной санкции, заменяющей штраф или его часть. Подобный

опыт видится перспективным направлением дальнейшей либерализации отечественного административно-деликтного законодательства.

Данные статистики Верховного Суда Республики Беларусь по назначению общественных работ характеризуются следующими сведениями: 2021 г. – 20 лиц, 2022 г. – 1 731 лицо, первое полугодие 2023 г. – 1 352 лица. Приведенные показатели свидетельствуют об активном применении районными (городскими) судами взыскания в виде общественных работ [8].

Положительно оценивая внесенные изменения в административно-деликтное законодательство, считаем, что оно нуждается в совершенствовании, которое с учетом зарубежного опыта поможет в большей мере отразить идею либерализации и дифференциации ответственности. Несмотря на закрепление в КоАП новой меры взыскания в виде общественных работ, ее практическая реализация требует дальнейшей проработки. В частности, предлагаем:

исключить п. 1–2 ч. 3 ст. 6.5 КоАП (общественные работы не могут быть наложены на лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста, и лиц в возрасте от 14 до 18 лет);

дополнить ст. 6.5 КоАП ч. 5 в следующей редакции: «В случае уклонения лица от выполнения общественных работ суд по представлению органа, исполняющего административное взыскание в виде общественных работ, может заменить их штрафом полностью или неотбытую часть из расчета четыре базовые величины за восемь часов общественных работ» с примечанием «В случае если неотбытая часть общественных работ составляет менее восьми часов, штраф уменьшается пропорционально оставшимся часам»;

исключить ст. 25.13 из КоАП.

Список использованных источников

1. Создание и развитие основ уголовно-исполнительного права в Республике Беларусь в начале 20-х годов XX века. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/43990/1/84_вениосов.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

2. Об опубликовании Исправительно-трудового кодекса БССР : постановление ЦИК Белорус. ССР, 16 окт. 1926 г. / Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1926. – Отд. 1. – № 52. – Ст. 202. – URL: https://pravo.by/ImgPravo/pdf/ITK_BSSR_1926.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

3. Семенюк, Д.П. Общественные работы как вид административного взыскания: понятие, правовая природа, содержание, условия и порядок применения / Д.П. Семенюк // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 32.

4. Василевич, С.Г. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / С.Г. Василевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – С. 64.

5. Общедоступный электронный банк судебных решений. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/poisk/?jur_type%5B%5D=2&case_number=&requestText=&date_single=&date_from=&date_to=&date_single_create=&date_from_create=&date_to_create=&article%5B%5D=573-3820&b_search_decision=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 15.05.2025).

6. Общедоступный электронный банк судебных решений. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/300707> (дата обращения: 15.05.2025).

7. Общедоступный электронный банк судебных решений. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/403877> (дата обращения: 15.05.2025).

8. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://www.court.gov.by/justice_RB/statistics/ (дата обращения: 12.05.2025).

УДК 340.1

А.А. Бурая, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Е.И. Стабровский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент **Д.А. Воронаев**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследуется законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, а также доктринальные положения, касающиеся правового регулирования цифровых прав. Отмечаются угрозы, связанные с использованием цифровых прав, и перспективы развития цифровых прав.

В современном цифровом обществе, характеризующемся стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, цифровая сфера становится неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека. Практически все сферы деятельности – от образования и здравоохранения до экономики и государственного управления – претерпевают глубокие изменения под воздействием цифровизации. В этом контексте вопросы защиты и реализации цифровых прав приоб-

ретают особую актуальность и значимость. Цифровые права представляют собой совокупность прав и свобод человека, реализуемых в цифровом пространстве, которые обеспечивают возможность безопасного, свободного и эффективного использования цифровых технологий. Они включают в себя такие аспекты, как право на доступ к информации, защиту персональных данных, неприкосновенность частной жизни, свободу выражения мнений в сети и многие другие.

Актуальность исследования цифровых прав обусловлена несколькими факторами. Во-первых, наблюдается стремительный рост объемов и значимости персональных данных, которые становятся объектом активного сбора, хранения и обработки как со стороны государственных органов, так и коммерческих организаций. Во-вторых, расширяется спектр онлайн-взаимодействий, что, с одной стороны, открывает новые возможности для коммуникации и развития, а с другой – порождает новые вызовы и риски, связанные с обеспечением правовой безопасности пользователей. В-третьих, цифровая трансформация сопровождается появлением новых форм преступлений в киберпространстве, таких как кибератаки, мошенничество, неправомерное использование данных и нарушение конфиденциальности, что требует адекватного правового реагирования и совершенствования механизмов защиты.

В современных условиях крайне важно не только четко определить понятие и сущность цифровых прав, но и разработать эффективные подходы к их регулированию, способные адекватно отвечать на возникающие угрозы и вызовы. Правовое регулирование цифровых прав становится ключевым фактором, обеспечивающим баланс интересов различных субъектов цифрового пространства – пользователей, государства и бизнеса. Особенно значимым является выработка комплексной и гибкой системы правовых норм, которая могла бы обеспечить защиту прав и свобод личности, стимулировать инновационное развитие и одновременно минимизировать риски злоупотреблений и нарушений.

Однако существующие механизмы защиты цифровых прав во многих странах сталкиваются с рядом серьезных проблем и угроз. К числу основных угроз относятся нарушение конфиденциальности и безопасности персональных данных, распространение дезинформации, киберпреступность, а также недостаточная правовая определенность и разрозненность норм, регулирующих цифровую сферу. Это требует комплексного анализа и поиска новых решений, способных обеспечить эффективную защиту цифровых прав в условиях динамично меняющейся технологической среды.

В связи с изложенным исследование перспектив правового регулирования цифровых прав является важным и своевременным направлением научной деятельности. Оно способствует формированию комплексной правовой политики, направленной на развитие цифровой экономики и общества, а также на защиту фундаментальных прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации. Такой подход позволит не только повысить уровень правовой защищенности пользователей, но и создать условия для устойчивого и безопасного развития цифровой среды.

Данная работа направлена на исследование правовых норм, регулирующих цифровую сферу, выявление основных угроз и рисков, связанных с использованием цифровых прав.

Цифровые права представляют собой, с одной стороны, расширение традиционных прав человека в условиях стремительной цифровизации общества, а с другой – совокупность обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационных систем. Они охватывают право на доступ к информации, управление личной информацией, защиту персональных данных, свободу выражения мнений в интернете, право на цифровую безопасность и др.

Республика Беларусь стала одной из первых стран, законодательно урегулировавших операции с токенами, правовой статус операторов криптовалютных платформ, что позволило создать благоприятные условия для развития цифровой экономики. Регулирование цифровых прав осуществляется в рамках развития цифровой экономики и информационного общества в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [1], который закрепил правовое регулирование криптовалют, блокчейн-технологий и смарт-контрактов и пр., предоставил возможность белорусским компаниям осуществлять операции с цифровыми активами и обеспечил налоговые льготы в рамках Парка высоких технологий. Также Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» определена стратегия цифровизации до 2030 года [2]. В Республике Беларусь реализуется Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, направленная на внедрение цифровых технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества [3].

В России цифровые права с 2019 г. законодательно определены в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], Федеральном законе Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О циф-

ровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Вопросы цифровых прав затрагиваются также в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152ФЗ «О персональных данных», который регулирует защиту информации пользователей в цифровой среде [6], а также в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [7].

Цифровые права охватывают широкий спектр элементов, относящихся к цифровым активам и технологиям, формирующим современную цифровую среду. Ключевые объекты цифровых прав включают в себя:

криптовалюту – цифровые финансовые активы, существующие на основе технологии блокчейн и не имеющие материального выражения;

токены – цифровые единицы, которые представляют собой запись в реестре блокчейна и могут использоваться как платежное средство или цифровой эквивалент имущества;

электронные кошельки – сервисы и устройства, предназначенные для хранения и осуществления операций с цифровыми активами;

технологии блокчейна – распределенные реестры, обеспечивающие безопасность и прозрачность цифровых транзакций;

цифровые биржи – платформы для обмена, торговли и хранения криптовалюты и токенов.

А.Е. Канакова исследует дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод». Цифровые права появляются только если технологическое новшество не имеет аналога в традиционном праве. В противном случае речь идет о цифровизации уже существующих прав. В научных кругах нет единого мнения относительно термина «цифровые права». Некоторые авторы предлагают альтернативные названия, но «виртуальные права» считаются излишними. А.Е. Канакова предлагает использовать термин «цифровые права» для указания на новые права, а термин «цифровизация прав и свобод» – для указания на трансформацию существующих норм, что поможет избежать терминологической путаницы [8, с. 26–27].

Следует отметить, что О.Н. Рудакова рассматривает цифровые права как новый элемент естественных прав человека, который становится необходимостью в условиях стремительной цифровизации общества. О.Н. Рудакова считает, что цифровая среда требует специфического правового регулирования, особенно в сфере защиты персональных данных [9, с. 738–739].

С развитием технологий цифровые права становятся неотъемлемой частью правового регулирования, поскольку интернет и цифровая среда оказывают значительное влияние на реализацию базовых прав человека. В современном мире доступ к интернету рассматривается не просто как техническая возможность, а как важное условие для полноценного участия в общественной жизни, получения образования, ведения бизнеса и взаимодействия с государственными органами и организациями.

Цифровизация общества и экономики привела к появлению новых вызовов, связанных с защитой цифровых прав граждан:

цифровая зависимость – рост влияния цифровых платформ и социальных сетей на поведение пользователей, что приводит к формированию зависимости от алгоритмов и цифрового контента;

манипуляция поведением через алгоритмы – использование искусственного интеллекта и алгоритмов для управления предпочтениями пользователей, влияния на их решения;

риски цифрового суверенитета – зависимость от иностранных технологических решений и платформ, что создает угрозу национальной безопасности и контроля над цифровыми активами;

сбор данных без согласия – практика сбора персональных данных без явного согласия пользователей, что создает риски нарушения конфиденциальности и использования информации в коммерческих или противоправных целях;

нарушение правил обработки данных – недостаточное обеспечение механизмов обработки и хранения персональных данных, что может привести к их утечке и неправомерному использованию.

Д.А. Конев анализирует риски использования искусственного интеллекта и технологий дипфейк в VRсреде и метавселенной. Исследователь считает, что виртуальная среда может вызывать психологическую зависимость, особенно у детей и подростков, что способствует искажению восприятия реальности и переносу агрессивного поведения в физический мир. Д.А. Конев предлагает создание международных и национальных регуляторов, разработку законодательных актов, сертификацию AI-компаний и проведение образовательных программ для повышения цифровой грамотности населения [10, с. 174–175].

Перспективными направлениями развития цифровых прав в Республике Беларусь с учетом опыта Российской Федерации выступают:

разработка Цифрового кодекса;

гармонизация национального законодательства с международными нормами, имеющими конструктивное правовое значение;

защита цифровых прав граждан и повышение цифровой грамотности – совершенствование механизмов контроля над обработкой персо-

нальных данных и деятельностью цифровых сервисов, популяризация цифровых знаний;

государственное регулирование цифровой среды – совершенствование правил работы интернет-ресурсов, цифровых платформ, социальных сетей и пр.

Республика Беларусь активно сотрудничает с международными организациями в области цифрового регулирования, стремясь создать прозрачную и безопасную цифровую среду для граждан и бизнеса.

Таким образом, в ходе проведенного исследования правового регулирования цифровых прав в Республике Беларусь и Российской Федерации было выявлено, что цифровые права представляют собой важный аспект современных правовых систем, отражающий сущность и специфику информационного общества. Цифровые права охватывают широкий спектр прав и свобод, связанных с доступом к цифровым технологиям, защите личных данных и другими аспектами цифровой жизни.

Анализ существующих подходов к регулированию цифровых прав показал, что оба государства стремятся создавать законодательные механизмы, обеспечивающие баланс между развитием цифровой сферы и защитой прав граждан. В Республике Беларусь и Российской Федерации наблюдается активное внедрение нормативных правовых актов, направленных на регулирование вопросов кибербезопасности, защиты персональных данных и противодействия цифровым угрозам.

В результате исследования выявлены угрозы цифровым правам, которые включают в себя риски нарушения конфиденциальности, кибератаки и недостаточную правовую защищенность пользователей. Эти проблемы требуют постоянного внимания со стороны государства, в том числе в сфере нормотворчества.

Перспективы регулирования цифровых прав в Республике Беларусь и Российской Федерации связаны с гармонизацией национальных норм с международными нормами, имеющими конструктивное правовое значение, развитием механизмов защиты прав в цифровой среде, а также с повышением правовой грамотности населения. Особое значение приобретает сотрудничество между двумя странами в области обмена опытом и совместной выработки эффективных правовых решений.

Правовое регулирование цифровых прав в Республике Беларусь и в Российской Федерации является динамично развивающейся областью, требующей комплексного подхода, учитывающего технические, социальные и правовые аспекты цифровой трансформации общества. Дальнейшие исследования и законодательные инициативы будут спо-

способствовать формированию устойчивой и защищенной цифровой среды, обеспечивающей реализацию прав и свобод граждан в информационную эпоху.

Список использованных источников

1. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 : в ред. от 18 марта 2021 г. № 1 // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

2. О цифровом развитии : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 нояб. 2023 г. № 381 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96 // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

3. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февр. 2021 г. № 66 : в ред. от 25 февр. 2025 г. № 119 // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации : 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 237-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2024 г. № 522-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

6. О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 233-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

8. Канакова, А.Е. Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод» / А.Е. Канакова // Юрислингвистика. – 2024. – № 32. – С. 26–27.

9. Рудакова, О.Н. Цифровые права как естественные права человека: реальность или перспектива будущего? / О.Н. Рудакова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX Междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 27–28 апр. 2023 г. : в 2 ч. / С.-Петерб. ун-т МВД России ; редкол.: Н.С. Нижник (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург, 2023. – Ч. 1. – С. 738–739.

10. Конев, Д.А. Риски использования искусственного интеллекта и систем дипфейк в VR-среде и метавселенной: анализ, перспективы, пути противодействия / Д.А. Конев // Юрист-Правовед. – 2024. – № 3. – С. 174–175.

И.А. Гриб, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *С.Ю. Дегонский*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Серета*

ЖЕНЕВСКИЕ КОНВЕНЦИИ 1949 г. И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ К НИМ КАК ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

На основе анализа четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., а также трех Дополнительных протоколов к ним показывается важность уяснения требований норм международного гуманитарного права как условий регулирования отношений в условиях вооруженных конфликтов.

На современном этапе развития человеческой цивилизации, несмотря на завершившуюся 80 лет назад Вторую мировую войну с ее катастрофическими людскими и материальными потерями, наблюдаются сходные негативные тенденции, угрожающие безопасности всего мирового сообщества и имевшие место накануне указанного мирового конфликта. К таковым в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, справедливо отнесены:

формирование, проникновение либо распространение идеологии нацизма, неофашизма, экстремизма, сепаратизма, расовой, национальной, религиозной либо иной социальной нетерпимости, возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих указанные взгляды, вовлечение граждан в экстремистскую деятельность;

поощрение и финансирование организаций, деятельность которых направлена на реабилитацию нацизма, героизацию нацистских преступников и их пособников, прославление их и совершенных ими преступлений.

В связи с этим основные направления нейтрализации обозначенных угроз, безусловно, должны быть направлены на противодействие распространению идеологии неофашизма, реабилитации нацизма. Неслучайно в ст. 59 Конституции Республики Беларусь закреплена обязанность государства принимать все доступные ему меры для создания не только внутреннего, но и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией.

Республика Беларусь, являясь полноправным членом международного сообщества, признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им своего законодательства. Так, в ст. 8 Конституции Республики Беларусь закреплены нормы о признании принципов международного права [1]. При этом в своей внешней политике белорусы исходят из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и других общепризнанных принципов и норм международного права. Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным [1, ст. 18]. В законодательстве отмечается, что внешняя политика Республики Беларусь основывается на соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права [2].

Однако, чтобы четко понимать, каковы же эти принципы и нормы международного права, которые направлены на нивелирование, в том числе вышеназванных вызовов и угроз в сфере безопасности, необходимо обратиться к тексту первоисточников норм международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право является значимой частью системы международного права. Его принципы и правила направлены на обеспечение сотрудничества между различными участниками, способствуя сохранению установленного после Второй мировой войны миропорядка.

Как справедливо отмечает отечественный ученый А.И. Бородич: «международное гуманитарное право нацелено на то, чтобы подчинить силе закона ситуацию существующего насилия (в отличие от всех других отраслей международного права, которые стремятся разрешать потенциальные конфликты без применения силовых средств). Никакая другая отрасль международного права не содержит таких норм. Международное гуманитарное право является вспомогательным международным инструментом в случаях пробелов, погрешностей и других недостатков внутреннего законодательства государства, которые обнаруживаются во время возникновения на его территории вооруженного конфликта» [3, с. 310].

На формирование и содержание этих норм повлияли бесчеловечные преступления нацистских солдат, офицеров и руководителей III Рейха на территориях стран Европы, в том числе на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Граждане СССР, наши предки, пострадали, как никто другой, от ужасов и тех бесчинств, что совершались фашистами и их пособниками на территории современной

Беларуси. Эти преступления, не имеющие сроков давности, выражались в пренебрежении к жизни и здоровью населения, раненым, пленным, женщинам, старикам и даже к детям. Геноцид белорусского народа в годы Второй мировой войны – общепризнанный факт.

Жестокие, бесчеловечные действия нацистов в период руководства Германией, в том числе в период с 1939 по 1945 г., международное сообщество признало недопустимыми ни при каких условиях. Поэтому в послевоенный период были приняты меры, направленные на исключение повторения подобных фактов. В рамках реализации данных мер Организацией Объединенных Наций (ООН) были приняты:

первая Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.;

вторая Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г.;

третья Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.;

четвертая Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.

Кроме того, были приняты:

Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г.;

Дополнительный протокол № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г.;

Дополнительный протокол № 3 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы, от 8 декабря 2005 г.

В Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. содержится ряд положений, действующих в период вооруженных конфликтов, войн, а также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления [4]. Помимо этого, данная Конвенция применяется в случаях, когда конфликт происходит на территории одного государства, а сторонами выступают не отдельные государства, а группы внутри государства, к примеру, в период гражданских войн.

Если говорить о больных и раненых, санитарном и духовном персонале, то в Конвенции однозначно установлено, что они не могут быть

лишены каких-либо прав, гарантированных Конвенцией и дополнительными соглашениями. Сторона, во власти которой оказалась данная категория, должна обеспечить им гуманное обращение и уход, без какой-либо дискриминации по таким признакам, как пол, раса, этническая принадлежность, вероисповедание, политические взгляды, или иным подобным факторам. Строго запрещается любое посягательство на их жизнь и личность, запрещается добывать или истреблять их, подвергать их пыткам, проводить над ними биологические опыты, преднамеренно оставлять их без медицинской помощи, ухода, преднамеренно создавать условия для их заражения.

Помимо этого, в Конвенции предусмотрено, что стороны, как на уровне государств, так и на местном уровне, могут заключать соглашения о перемирии или о прекращении огня, об эвакуации раненых и больных из осажденной или окруженной зоны, об обмене ими и о пропуске в эту зону направляющегося туда санитарного и духовного персонала, чтобы позволить подобрать раненых, оставшихся на поле боя, а также произвести обмен ими, вести учеты раненых, больных и умерших, чьими сведениями они располагают. Стараться захоронить умерших в индивидуальных могилах способом, предусмотренным их культурой и религией.

Важным направлением в Конвенции является защита постоянных учреждений и подвижных санитарных формирований медицинской службы, даже в том случае, если санитарный персонал имеет оружие, необходимое им для самообороны или защиты раненых и больных.

Однако если бы права и обязанности субъектов вооруженного конфликта были лишь названы в конвенциях, а норма, обеспечивающая выполнение этих обязательств, отсутствовала, то они бы носили декларативный характер, не выполнялись бы сторонами. В связи с этим важным является положение ст. 49, в которой сказано: Высокие Договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей Конвенции: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью.

Что же касается Конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на

море, то в ней содержатся положения, сходные с Конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, однако действует она на водных судах и в море [5]. В целом большинство положений Конвенции дублируют нормы вышеназванного международного нормативного акта, например, в отношении того, как она применяется, порядок исполнения тот же, однако есть особенности.

В частности, в случае военных действий между сухопутными и морскими силами сторон, находящихся в конфликте, постановления настоящей Конвенции применяются лишь к силам, погруженным на суда. Однако силы, высаженные на берег, уже подпадают под действие Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Любое военное судно воюющей стороны сможет потребовать передачи раненых, больных и потерпевших кораблекрушение, находящихся на военно-госпитальных судах и на госпитальных судах благотворительных обществ или частных лиц, а также на торговых судах, яхтах и мелких судах. Захвативший в плен имеет право решить, смотря по обстоятельствам, следует ли их оставить у себя, направить ли их в свой порт, в нейтральный порт или даже в порт противника. В последнем случае военнопленные, возвращенные таким образом своей стране, не смогут нести службу в продолжение всей войны. Стороны-участники могут обращаться с призывом к человеколюбию капитанов нейтральных торговых судов принять на борт раненых, больных и потерпевших кораблекрушение и ухаживать за ними, а также подбирать умерших. В случае боя на борту военного судна лазареты следует, насколько возможно, оберегать и щадить. Лазареты и их оборудование останутся подчиненными действию законов войны, но не могут получать другого назначения, пока они будут нужны для раненых и больных.

Ввиду появления во время любого военного конфликта таких субъектов, как военнопленные, отдельно необходимо рассмотреть положения Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. В ней содержатся нормы об условиях обращения с военнопленными. К примеру, нельзя пытаться их с целью получения информации, либо грозить ограничением их прав. Единственное, что военнопленный обязан сообщить – фамилию, имя, звание, дату рождения и личный номер или, за неимением такового, другую равноценную информацию [6]. В случае, если военнопленный сознательно нарушит это правило, согласно ч. 2 ст. 17 Конвенции, ему может угрожать ограничение преимуществ, предоставляемых военнопленным его звания или положения. Все вещи, за исключением оружия, лошадей, воинского снаряжения и военных документов, останутся во владении военноплен-

ных. Военнопленные должны располагать в той же мере, что и местное гражданское население, убежищами против воздушных налетов и других опасностей войны. Условия размещения военнопленных в лагерях должны быть не менее благоприятными, чем условия, которыми пользуются войска держащей в плену Державы, расположенные в той же местности. Держащая в плену Держава будет ежемесячно выплачивать всем военнопленным аванс в счет денежного довольствия.

Особым правовым статусом в любом военном конфликте обладают лица, не принимающие в нем непосредственного участия – гражданское население. Факты жестокого бесчеловечного обращения с данной категорией немецкой стороной во время Второй мировой войны предопределили формирование отдельной конвенции об обеспечении прав гражданского населения. В Конвенции о защите гражданского населения во время войны содержатся нормы о том, что необходимо ограничивать гражданские объекты от военных. Ни одно покровительствуемое лицо не может быть наказано за правонарушение, совершенное не им лично [7]. Коллективные наказания, так же как и всякие меры запугивания или террора, запрещены, ограбление воспрещается, репрессалии в отношении покровительствуемых лиц и их имущества воспрещаются. Воспрещаются по каким бы то ни было мотивам угон, а также депортирование покровительствуемых лиц из оккупированной территории. Также Конвенцией воспрещается уничтожать, использовать и портить имущество и объекты без веской на то причины.

Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. говорит о том, что гражданских лиц и комбатантов запрещается подвергать даже с их согласия: физическим увечьям, медицинским или научным экспериментам, удалению тканей или органов для пересадки, за исключением тех случаев, когда такие действия являются оправданными. В случае если была необходима какая-либо хирургическая операция и пациентом было отказано ее проведение, медицинский персонал должен стремиться получить соответствующее письменное заявление, подписанное или подтвержденное пациентом. Защита, на которую имеют право гражданские медицинские формирования, прекращается лишь в том случае, если они используются помимо их гуманитарных функций для совершения действий, наносящих ущерб противнику. Предоставление защиты может, однако, быть прекращено только после предупреждения с установлением в соответствующих случаях разумного срока и после того, как такое предупреждение не было принято во внимание. Также оккупирующая Держава

не может использовать медицинский персонал, их оборудования и материалы, за исключением надлежащей и неотложной медицинской помощи раненым и больным лицам обеих сторон, что это носит временный характер и не оказывает влияния на удовлетворение нужд гражданского медицинского персонала. Гражданский медицинский персонал имеет доступ к любому месту, где необходима его помощь, однако с учетом мер предосторожности, принятых сторонами конфликта.

Однако у гражданского населения есть и обязанности в период вооруженного конфликта. К таковым, в частности, относится уважение к раненым, больным и лицам, потерпевшим кораблекрушение, даже если они принадлежат к противной стороне, и не допускает по отношению к ним актов насилия.

Кроме того, в рассматриваемом протоколе содержатся следующие запреты: применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания; применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде [8]. Также есть запрет на уничтожение и использование гражданских объектов в военных целях.

Обстоятельства и причины начала Второй мировой войны послужили основанием для введения запрета на вероломства – действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия. В протоколе закреплены такие понятия, как «шпионы» и «наемники». Особенность правового статуса обозначенных лиц заключается в том, что они не будут являться военнопленными и комбатантами, а следовательно, на них не будут распространены соответствующие нормы Женевских конвенций.

Дополнительный протокол № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. рядом положений дублирует Дополнительный протокол № 1, за исключением ряда особенностей: не применяется в случаях нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности [9]. В Дополнительном протоколе закреплено, что «Все лица, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет, имеют право на уважение своей личности, своей чести, своих убеждений и своих религиозных об-

рядов», т. е. данное положение затрагивает интересы как комбатантов, так и интересы гражданского населения. Отдельно закрепляется положение лиц, лишенных свободы по причинам, связанных с вооруженным конфликтом. В ст. 6 закреплено положение, согласно которому те лица, что совершили уголовные правонарушения, связанным с вооруженным конфликтом, должны быть привлечены к уголовной ответственности в строго установленном порядке. Помимо этого, закреплен запрет на исполнение смертного приговора в отношении беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей.

Дополнительный протокол № 3 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы, от 8 декабря 2005 г. вводит в действие новую эмблему, которую могут применять государства и организации. Эта дополнительная отличительная эмблема, состоящая из красной рамки в форме стоящего на одной из своих вершин квадрата на белом фоне [10]. Эта отличительная эмблема называется «эмблемой третьего Протокола» и она обладает таким же статусом, как и другие эмблемы, которые используются медицинскими службами и духовным персоналом вооруженных сил, национальными обществами, Международный Комитет Красного Креста и Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. При этом она может использоваться в различных комбинациях с другими эмблемами.

Продолжающиеся вооруженные конфликты на нашей планете *de facto* подтверждают посыл о том, что человек не всегда делает выводы из «уроков истории», допуская повторение ошибок. Причины данных конфликтов различны. Вне всякого сомнения, необходимо помнить эти «уроки», что вкупе с развитым правовым сознанием, правовой культурой в обществах позволит минимизировать риск их наступления и наступления опасных последствий для всего человечества. Поэтому уяснение содержания норм международного гуманитарного права, условий и предпосылок их возникновения – весьма важный аспект в условиях современных вооруженных конфликтов, с учетом их гибридного характера. Знание основ международного гуманитарного права позволит, во-первых, обеспечить человеку возможность защиты его прав и законных интересов в случае попадания в вооруженный конфликт, исходя из его правового статуса в нем. Во-вторых, противоборствующие стороны на основе соблюдения норм международного гуманитарного права исключают нарушения прав и законных интересов различных субъектов конфликта и, соответственно, факт привлечения к ответственности, которую они понесут, если нарушат общепризнанные конвенционные

правила. В-третьих, в условиях информационно открытого общества, лица, наблюдающие за происходящим конфликтом извне, смогут критически оценить действия или бездействия его участников с точки зрения соответствия нормам международного гуманитарного права, не попадут под воздействие фейковой информации, распространяемой в чьих-либо корыстных интересах.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // *ilex* : информ.-правовая система (дата обращения: 29.05.2025).
2. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1518. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 29.05.2025).
3. Бородич, А.И. Международное публичное право : учеб. пособие / А.И. Бородич ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2022. – 466 с.
4. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901037> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901038> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901070> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 01.05.2025).
8. Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 01.05.2025).
9. Дополнительный протокол № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739146> (дата обращения: 01.05.2025).
10. Дополнительный протокол № 3 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы, от 8 декабря 2005 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/geneva_protocol_III.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

И.В. Козырев, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук **А.О. Мартынов**

Рецензент – кандидат юридических наук **Е.И. Стабровский**

СООТНОШЕНИЕ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ ПРИ РЕШЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Посвящается анализу соотношения норм права и морали в процессе принятия решений сотрудниками правоохранительных органов. Рассматриваются теоретические аспекты взаимосвязи правовых и нравственных норм, их влияние на профессиональную деятельность и служебные обязанности сотрудников. Особое внимание уделяется практическим ситуациям, в которых моральные и правовые аспекты могут вступать в противоречие, а также способам их урегулирования.

Государство, будучи организацией публичной власти, занимает ключевую позицию в современном белорусском обществе и, несомненно, выступает в качестве активного социального института, оказывающего влияние на развитие мировой цивилизации.

Вопросы, касающиеся государства и его функций в гражданском обществе, неизменно рассматриваются как одни из наиболее значимых [1, с. 145]. Это обусловлено тем, что государство играет ключевую роль в формировании характера и сути политической системы в целом, а вопросы, связанные с его развитием и положением в политической системе, непосредственно затрагивают интересы разнообразных социальных групп, общественных организаций и политических партий.

Государству присущи самые разнообразные направления его деятельности – функции государства. Так, А.Ф. Вишневский отмечает, что функции государства – это основные направления (виды) деятельности государства (всех его органов) по осуществлению важнейших задач, стоящих перед ним на определенных исторических этапах развития общества. Каждая функция государства обладает своим объектом влияния и уникальным содержанием. Объекты выступают в качестве основы для разграничения функций государства, а содержание функций отражает деятельность государства, управленческие действия в определенной области и конкретные задачи, выполняемые его органами.

В юридической литературе существуют различные подходы к классификации функций государства, включая их разделение по сферам деятельности, продолжительности выполнения, формам реализации и дру-

гим критериям. Существует мнение, что функции государства следует разделять на основные и второстепенные (производные от основных), однако критерий такого разграничения остается неясным. Так, профессор М.И. Байтин считает, что основные функции представляют собой наиболее общие и важные направления деятельности государства, направленные на решение ключевых стратегических задач и целей, актуальных для определенного исторического периода. Производные, по его мнению, являются структурными компонентами основных функций и отражают деятельность государства в более конкретных и узких сферах общественной жизни. Представляется, что данная позиция позволяет сформировать многоуровневый подход к анализу функций государства. Основные функции отражают глобальные задачи, стоящие перед государством, а производные помогают реализовать эти задачи на локальном уровне. Это разделение способствует лучшему пониманию структуры и механизмов работы государства в различных сферах общественной жизни.

В юридической литературе предлагается универсальная классификация функций государства. В рамках такой классификации выделяются функции, свойственные любому государству, речь идет об экономической, политической, социальной, правоохранительной, идеологической и др. Они направлены на решение задач обеспечения свободы, безопасности и собственности всего общества, государства, определенных социальных групп и граждан.

Рассмотрим более подробно правоохранительную функцию, которая занимает одно из ключевых положений, поскольку в рамках ее осуществления выполняется целый спектр задач, которые существенно влияют на жизнедеятельность граждан, начиная от охраны общественного порядка и заканчивая борьбой с преступностью [1, с. 147]. Правоохранительная функция государства, как и другие его функции, должна рассматриваться как результат взаимодействия между обществом, личностью и государством. Развитие правового государства приводит к тому, что его функции, включая правоохранительную, интегрируются с общественным контролем, а также с расширением участия институтов гражданского общества в управлении различными аспектами общественной жизни, что приводит к столкновению таких категорий, как мораль и право.

Взаимодействие морали и права в обществе характеризуется сложностью и наличием противоречий. Сложности складывались между морально-нравственными установками какого-либо общества и юридическими нормами. Однако в первую очередь необходимо разобраться в основных отличиях. Право, в отличие от морали, характеризуется нормативностью, формальной определенностью, общеобязательно-

стью, обеспеченностью государством, иерархичностью структуры и др. Таким образом, можно сделать вывод: право – комплексная категория. В правовом государстве право выступает государственным регулятором общественных отношений, развивает их.

Мораль же опирается на общественное мнение, а также свободу выбора конкретных норм и внешних правил поведения. Соответственно, мораль характеризуется в обществе представлениями о должном и недолжном. Кроме того, под влиянием норм морали формируются психологические установки человека, мотивы его поведения. Одна из главных общих черт состоит в том, что и право, и мораль являются разновидностью социальных норм, которые в своей совокупности образуют целостную систему нормативного регулирования поведения людей. Таким образом, мораль и право представляют собой два основных способа регуляции сознания и поведения людей в современном обществе.

Цели регулирования индивидуального поведения и поведения масс с помощью норм морали и права также различны. Целью моральной регуляции является гармонизация личных и общественных интересов, достижение социально полезного и при этом добровольного образа мыслей и поступков личности, действий социальных групп. Это значит, что нормы морали предписывают людям должную мотивацию и должные поступки. Цель правовой регуляции состоит в реализации основных прав личности путем выполнения этой личностью определенных обязанностей по отношению к другому лицу.

Взаимодействие морали и права можно найти в древнейших памятниках права. К таким из них относятся законы Хаммурапи, которые стали одним из самых значительных итогов правления шестого царя первой Вавилонской династии Хаммурапи. В этом источнике права мы можем видеть тесную связь права и религиозно-морального ритуала. В нем содержатся основные постулаты: «Не убей, не лги, не лжесвидетельствуй» [2, с. 136–147]. Если вести речь про славянское язычество, то там мораль и право в связи с единством их источника практически не различались. Источником являлось племя, а источником права и морали – обычаи. Княжий суд, осуществляемый на основании «правды и сердца», не делал различия между правовым обычаем и моральным долженствованием, а руководствовался лишь представлениями о нормальном и справедливом.

Из этого следует сделать вывод о том, что многие ценности морали в праве получают свое нормативное закрепление. Вместе с тем право не может и не должно в принципе противоречить требованиям морали. Создание условий для реализации моральных ценностей – это одно из нравственных требований, которые предъявляются к правовым за-

конам. Закон же, в свою очередь, – это средство, с помощью которого обеспечиваются социально-психологическое единство людей, их безопасность и личная свобода.

То же самое мы можем видеть и в наше время. Конституция, как Основной Закон государства, обязана содержать в себе идеологический компонент, который, с одной стороны, с помощью правового механизма закрепляет определенные моральные нормы, закладываемые в основу конституционного строя, с другой стороны, способствует формированию общественной морали, соответствующей взглядам и представлениям о развитии государства и общества. Например, согласно ст. 1 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство». Из этого можно сделать определенные выводы о моральных ценностях, транслируемых от государства обществу: равенство граждан, охрана жизни, чести, достоинства человека, личная неприкосновенность, забота государства о наиболее уязвимых категориях граждан и др. Внедрение норм морали в Конституцию также выражается в следующих формах: охрана правом моральных норм и влияние норм морали на формирование права. Охрана правом моральных норм осуществляется как напрямую, так и косвенно. Если говорить про прямую охрану здесь подразумевается непосредственное требование правовыми нормами соблюдать нормы моральные. Например, согласно ст. 16 Конституции Республики Беларусь: «Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам». Косвенная охрана нравственных норм состоит в том, что в силу совпадения, в большинстве своем, требований норм права и морали, выполнение первых предполагает соблюдение вторых. Такая форма охраны тесно связана со второй формой взаимодействия права и морали: влиянии норм морали на формирование правовых норм и фактическое закрепление их в нормативных правовых актах.

Таким образом, мораль и право имеют общее основание – они возникают в процессе сознательной деятельности людей, взаимодействующих в социальном поле, развиваются под воздействием одних и тех же социальных, экономических, государственно-политических факторов, определяются материальными и духовными условиями существования людей. Между моралью и правом существует смежная область, пограничная зона, куда входят понятия, идеи, нормы и представления, являющиеся как нравственными, так и правовыми. К таким нравственно-правовым идеям, понятиям, нормам и представлениям относятся понятия

естественного права, прав человека и правовой морали. Однако правовая жизнь общества не может развиваться вне моральных категорий гуманизма, справедливости, совести, чести. И в этой связи особо очевидно значение права как регулятора общественных отношений.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сосредоточить внимание на субъективных правах лиц. Практика показывает, что именно по деятельности правоохранительных органов, а в частности органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, люди формируют свое мнение о том, насколько данные органы действуют справедливо и законно. Здесь можно увидеть множество проблем: столкновение общественных интересов с индивидуальными, отношение государства в лице данных органов к личности, соотношение прав и обязанностей личности с правами и обязанностями данных органов [3, с. 186–191]. Разрешение морально-этических аспектов указанной проблемы затрудняется ненадлежащей информированностью общественности. Будучи преимущественно негласной, оперативно-розыскная деятельность не находится под непосредственным контролем общественности и в силу своих особенностей не в состоянии объяснить особенности применения оперативно-розыскных средств и методов. Необходимо отметить, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется на принципах законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно [4]. Соответственно, можно увидеть, что принципы оперативно-розыскной деятельности включают в себя конституционные принципы, а также специальные ввиду специфики ее деятельности.

Таким образом, следует сделать вывод, что в цивилизованном государстве правотворчество базируется на конституционном порядке, предлагающем возможность ограничения прав и свобод граждан. Поэтому такие оперативно-розыскные мероприятия, как «слуховой контроль», «контроль в сетях электросвязи», «контроль почтовых отправлений», «оперативное внедрение» и др., проводятся ввиду общественных интересов. Они проводятся ввиду задач, которые ставятся перед оперативно-розыскной деятельностью: сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, защита государственных секретов и др.

Список использованных источников

1. Пашкеев, М.А. Роль органов внутренних дел в правоохранительной функции современного государства / М.А. Пашкеев, Ю.Д. Высоцкий // 105 лет ми-

лиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 2 марта 2022 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: М.А. Пашкеев [и др.]. – Минск, 2022. – С. 145–147.

2. Иванов, Ю.А. Законы Хаммурапи: характерные особенности и их неожиданное эхо в современном уголовном законодательстве России / Ю.А. Иванов, А.Г. Кудрявцев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 3. – С. 136–147.

3. Маркушин, А.Г. Мораль и право в оперативно-розыскной деятельности / А.Г. Маркушин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 1. – С. 186–191.

4. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : с изм. от 24 апр. 2024 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

УДК 341.65

Е.Д. Кононович, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Е.И. Стабровский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент **Д.А. Воронаев**

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА БОЙКОТА

Исследуется бойкот как институт гражданского права и инструмент общественного воздействия за нарушение условий публичного договора, этические и правовые аспекты его применения. Анализируются правовые последствия, возникающие при реализации бойкота.

Право является универсальным социальным регулятором, способным привести к согласию стороны с различными взглядами. Если подобного согласия достичь не удастся, право должно защитить добросовестных участников общественных отношений. Одним из средств защиты может выступать право бойкота недобросовестных лиц, злоупотребляющих правом или нарушающих принятые в обществе нормы.

Бойкот и публичный договор являются особенно важными темами в контексте современных социально-экономических и правовых вызовов. В условиях трансформации общественных отношений и международного давления актуальность исследования этих явлений возрастает.

Для Республики Беларусь важность темы бойкота и публичного договора также связана с международным контекстом. Навязывание и внедрение «культуры отмены» в отношении граждан, организаций и государств, введение односторонних неправомерных мер экономического

принуждения (санкций) в отношении белорусских граждан и предприятий поднимают вопросы взаимодействия национального законодательства и международного права.

В современном обществе гражданские правоотношения, возникающие на основе предоставления различных услуг или продуктов, стали распространенным и повседневным явлением. Публичные договоры охраняются законодательством любого правового государства. Однако в связи со спецификой подобных правоотношений нередко возникают злоупотребления правом как со стороны недобросовестных покупателей, так и со стороны продавцов тех или иных товаров и услуг.

Все это в совокупности ставит вопрос о создании института общественного воздействия, который бы позволял влиять как на недобросовестных потребителей, так и на недобросовестных продавцов.

Анализируя международный опыт, можно обнаружить достаточно развитый и действенный институт общественного воздействия, которым выступает институт бойкота.

История бойкота тесно связана с правовыми, социальными и историческими аспектами. Бойкот, как форма ненасильственного протеста, получил свое название в XIX в. благодаря случаю с ирландским управляющим Чарльзом Бойкоттом. В 1880 г. местные жители, протестуя против его методов управления, отказались с ним сотрудничать, не работали на его земле и не предоставляли ему товары и услуги. Это событие стало символом коллективного отказа от взаимодействия, и термин «бойкот» с тех пор закрепился в общественно-политическом контексте.

Однако сами принципы бойкота существовали задолго до этого. В древности применялись практики социальной изоляции, например, остракизм в Древней Греции, когда гражданина изгоняли из города на основании решения сообщества. В Средние века католическая церковь использовала отлучение как форму бойкота, лишая человека не только религиозной, но и социальной поддержки.

В отечественном законодательстве предусмотрены различные меры, по решению данных проблем. К примеру, защита прав потребителя, требования принципа целесообразности в гражданском праве, который позволяет продавцу предлагать свои условия и правила, если они целесообразны, не противоречат гражданскому законодательству и несут исключительно полезные функции [1, с. 4]. Однако, как показывает практика, стороны правоотношений могут злоупотребить своими правами, игнорируя как принцип целесообразности, так и общепринятые моральные нормы [2, с. 46].

Бойкот, как правовое явление, представляет собой коллективный отказ от предоставления или приобретения услуг определенному лицу или кругу лиц [3, с. 143]. Это влечет за собой негативные последствия в виде застоя товара на складах и потерю прибыли для организаций, с одной стороны, а с другой стороны – невозможность получить желаемый продукт или услугу для недобросовестного покупателя за нарушение внутренних правил организации или моральных норм при заключении публичного договора.

Необходимо отметить, что бойкот не следует рассматривать как исключительно положительное явление. Злоупотребление бойкотом может оскорбить честь и достоинство личности, привести к потере корпоративной и деловой репутации, привести к убыткам и вплоть до прекращения деятельности организации. В свою очередь, злоупотребление бойкотом со стороны продавца, участвующего в публичном договоре, может повлечь за собой невозможность отдельных лиц получить необходимые для них услуги или товары.

В 2017 г. инженер компании Google Джеймс Дэймор был уволен после публикации внутреннего меморандума, в котором обсуждались гендерные различия и причины низкого представительства женщин в технологической отрасли. Этот документ вызвал жаркие споры: одни считали его сексистским, а другие – попыткой конструктивного обсуждения сложных вопросов. Увольнение Дэймора вызвало полемику о том, где проходит граница между свободой выражения мнений и корпоративной ответственностью.

Еще один пример связан с актером Крисом Праттом, которого подвергли общественному осуждению за его предполагаемые политические убеждения и членство в церкви с консервативными взглядами. Хотя никаких доказательств его личной дискриминации или негативных действий представлено не было, на него началась кампания отмены, что отразилось на его репутации.

Похожая ситуация произошла в 2021 г. с Рейчел Киркконнелл, участницей шоу The Bachelor. Старые фотографии, сделанные на студенческой вечеринке с тематикой плантаций на юге США, вызвали возмущение в социальных сетях. Несмотря на ее извинения и попытки объяснить, ее участие в проекте оказалось под угрозой, а общественное осуждение сказалось на ее имидже.

Эти примеры демонстрируют, что бойкот, являясь мощным инструментом социального давления, может приводить к непропорциональным и несправедливым последствиям. Он поднимает важные вопросы о необходимости ответственного подхода к такому инструменту воз-

действия и о значении контекста, нюансов и объективности при оценке действий или слов человека. Эти ситуации подчеркивают тонкую грань между правом общества на выражение несогласия и рисками разрушения чьей-либо репутации без должного анализа.

В XX в. бойкоты часто применялись в политических и социальных движениях. Например, в США движение за гражданские права активно использовало бойкоты как метод давления. Маршрутные бойкоты, такие как знаменитый бойкот общественного транспорта в городе Монтгомери во время борьбы против расовой сегрегации, стали важным инструментом протестов. Стоит отметить, что современное развитие медиа и социальных сетей значительно усилило подобные методы влияния общественного мнения.

В правовом контексте бойкоты и культура отмены имеют различные формы регулирования. Международное право, включая Всеобщую декларацию прав человека (1948) и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), защищает право на свободу выражения и мирные собрания, что может включать участие в бойкотах. В США Конституция, а именно Первая поправка, гарантирует свободу слова, однако антимонопольное законодательство накладывает ограничения на некоторые формы бойкотов. В Европейском союзе свобода выражения и собраний регулируется Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

В Республике Беларусь создана правовая основа для свободы выражения и собраний. Конституция Республики Беларусь, в частности ст. 33, гарантирует свободу убеждений и их свободное выражение. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях» регулирует порядок проведения собраний, митингов, которые можно считать проявлениями бойкота. В то же время Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях содержит нормы, касающиеся ответственности за несогласованные массовые мероприятия (например, ст. 23.34).

Коллективные бойкоты возможны и в сфере предпринимательской деятельности. К примеру, в США они применялись по сговору нескольких организаций для повышения цен на товар. Это противоречило принципу американского правосудия «per se», в результате чего пришлось пересмотреть политику судебной власти и разработать принцип «per se illegal», согласно которому коллективный сговор является антиконкурентным и, соответственно, незаконным [4, с. 159].

Особую опасность явлению бойкота также придает быстрая цифровизация современного общества [5, с. 163]. Социальные сети становятся

достаточно эффективной платформой для бойкотирования объекта воздействия, в том числе незаконного. К примеру, движение GamerGate, возникшее в 2014 г. Изначально его участники пытались привлечь внимание к вопросам этики в игровой журналистике и призывали бойкотировать определенные издания и разработчиков. Однако движение быстро переросло в масштабную онлайн-кампанию, сопровождаемую «троллингом», кибербуллингом и угрозами в адрес отдельных журналистов, разработчиков, пользователей. В результате участники GamerGate стали прибегать к бесчинствам, вплоть до организации систематической кампании онлайн-агрессии. Многие из тех, кто оказался в центре этого «бойкота», столкнулись с реальными разрушительными последствиями: пострадала их профессиональная репутация, некоторые были вынуждены покинуть свои рабочие места, а психологический стресс часто приводил к длительным личным кризисам. Таким образом, изначально заявленная инициатива, направленная на повышение прозрачности и улучшение стандартов в журналистике, обернулась токсичной средой, в которой коллективное давление привело к серьезным негативным последствиям как для отдельных людей, так и для целого сообщества.

Однако это не отменяет и позитивных результатов бойкота, как меры общественного воздействия. Одним из классических примеров позитивного, экономического бойкота, является бойкот продукции компании Nestlé, инициированный в конце 1970-х гг. В 1977 г. международные организации и группы защиты прав потребителей обвинили Nestlé в агрессивном продвижении детской смеси, что, по их мнению, способствовало снижению грудного вскармливания и ухудшению здоровья детей в развивающихся странах. В ответ активисты и потребители по всему миру призвали к массовому отказу от товаров компании, что привело к значительному экономическому давлению на корпорацию. Эта кампания вынудила Nestlé пересмотреть свою маркетинговую стратегию и повысить внимание к вопросам этики в продвижении продукции, что оказало долгосрочное влияние как на корпоративную практику, так и на стандарты отрасли.

Негативным примером, связанным с бойкотом и его последствиями, является кампания против белорусских государственных предприятий и государственных учреждений, компаний, государственных служащих и их родственников. Призывы к бойкоту таких организаций и их участников активно распространялись в социальных сетях и спонсировались из-за границы. Множество компаний и граждан столкнулись с нарушением их прав со стороны иностранных государств через односторонние меры экономического принуждения и политическое давление на Республику Беларусь.

Из данного примера можно подчеркнуть опасность неправильного использования бойкота, который может использоваться недобросовестными субъектами для дискриминации. Это наглядная демонстрация того, как бойкот, будучи инструментом социального и политического воздействия, может нанести вред отдельным людям.

Этим подчеркивается необходимость правильной оценки и надлежащего правового регулирования бойкота для защиты граждан и юридических лиц от противоправного бойкота.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что бойкот является средством общественного и экономического воздействия. Но в руках недобросовестных субъектов данный инструмент может нести за собой вред. Возможность внедрения бойкота как меры общественного воздействия на недобросовестных потребителей и продавцов требует дополнительных научных исследований в области общей теории права, гражданского и смежных отраслей права. Этот институт обладает перспективностью, так как позволяет с помощью мер правового и общественного воздействия ориентировать участников правоотношений на соблюдение принципов права и моральных норм.

Бойкот относительно новый правовой институт в мировой практике, пусть и существует в разных проявлениях еще с Древнего мира. Для белорусского законодательства бойкот и вовсе является институтом, не имеющим прямого отражения в нормативных правовых актах.

Внедрение института бойкота в гражданско-правовые отношения потребует введения алгоритма его обжалования, установления надзора и мер юридической ответственности.

Изучение взаимодействия институтов бойкота и публичного договора показывает, что бойкот, с одной стороны, может выступать средством влияния на исполнение публичных договоров, поднимая вопросы их правовой устойчивости и эффективности. С другой стороны, публичные договоры обеспечивают юридические гарантии, которые становятся особенно значимыми в условиях массовых кампаний бойкота. Это подчеркивает необходимость сохранения баланса между свободой выражения мнений, что является основой для бойкота, и правовой защиты интересов сторон, участвующих в договорных отношениях.

Законодательство Республики Беларусь в сфере публичных договоров требует дальнейшего совершенствования, включая усиление защиты прав потребителей, обеспечение прозрачности условий договоров, развитие цифрового регулирования и адаптацию международного опыта. В то же время необходимо учитывать правовую природу бойкота, разрабатывая механизмы защиты от возможных злоупотреблений и нарушения прав.

Список использованных источников

1. Годунов, В.Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь / В.Н. Годунов // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – Вып. 23. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/28730> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – 411 с.
3. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания : пер. с нем. / Э. Ноэль-Нойман ; общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. – М. : Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
4. Борзило, Е.Ю. Понятие и критерии идентификации соглашений в анти-монопольном законодательстве / Е.Ю. Борзило // Перспективы науки. – 2013. – № 9. – С. 159.
5. Былевский, П.Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П.Г. Былевский, Е.П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2. – С. 163.

УДК 343.985

Я.В. Крупский, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОСМОТР», А ТАКЖЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП

Приводится классификация угроз информационной безопасности, описываются методы защиты информации, а также ключевые инструменты для выявления источников атак. Рассматриваются аспекты использования технических средств мониторинга в оперативно-розыскной деятельности, а также порядок использования сведений, полученных с использованием указанных средств.

Современные системы информационной безопасности представляют собой сложные многослойные структуры, основная задача которых заключается не только в отражении атак, но и в своевременном выявлении потенциальных угроз и минимизации их последствий. В основе функционирования таких систем лежат три ключевых аспекта: предотвращение,

обнаружение и реагирование на несанкционированный доступ к компьютерной информации. Механизмы предотвращения включают в себя построение барьеров, использование методов шифрования и контроль доступа, что обеспечивает защиту информации от проникновения злоумышленников. Обнаружение осуществляется посредством анализа аномалий в сети и мониторинга подозрительной активности, выполняя роль сигнальной системы, которая срабатывает при обнаружении подозрительных действий. Реагирование предполагает автоматизированные и ручные меры по устранению угроз, включая изоляцию атакуемого узла, что позволяет оперативно нейтрализовать последствия атак [1].

Угрозы информационной безопасности классифицируются на несколько категорий: внешние, внутренние, преднамеренные и случайные. Внешние угрозы связаны с деятельностью преступников, распространением вредоносного программного обеспечения и конкурентными атаками. Внутренние угрозы обусловлены ошибками сотрудников или преднамеренными утечками информации. Преднамеренные угрозы включают в себя целенаправленные кибератаки, мошеннические действия и диверсии. Случайные угрозы возникают вследствие программных сбоев, человеческого фактора или аппаратных неисправностей. Важную роль в обеспечении безопасности информации играют средства мониторинга, анализа и идентификации угроз, которые отслеживают изменения и сигнализируют о возможных угрозах. Системы управления событиями информационной безопасности SIEM выполняют функцию центрального аналитического узла, собирая данные из различных источников и выявляя подозрительные события [2].

Методы защиты информации включают в себя несколько уровней: законодательные, морально-этические, организационные, физические и аппаратно-программные меры. Вопросы хранения и обработки данных регламентируют государственные правовые акты. Например, европейское законодательство о защите персональных данных (GDPR) и российский закон № 152-ФЗ устанавливают строгие требования к обеспечению безопасности персональных данных, а их несоблюдение влечет за собой серьезные штрафные санкции [3]. Важным аспектом является морально-этическая составляющая, которая способствует формированию корпоративной культуры защиты данных, обучению сотрудников цифровой гигиене и повышению их ответственности за обработку информации. Организационные меры включают в себя разграничение прав доступа, контроль за использованием внешних носителей, а также проведение регулярных проверок и аудита системы безопасности, что позволяет своевременно выявлять уязвимости и предотвращать утечки

данных. Важным элементом защиты являются физические меры, которые включают в себя применение биометрических систем идентификации, видеонаблюдения, охраняемых серверных помещений и прочих средств предотвращения физического доступа к конфиденциальной информации. В рамках аппаратно-программной защиты персональных данных применяются антивирусные системы, межсетевые экраны (фаерволы), механизмы шифрования информации и системы предотвращения утечек данных DLP, что позволяет комплексно обеспечивать безопасность критически важной информации. Современные системы защиты информации базируются на различных программно-технических средствах, каждое из которых выполняет свою специфическую функцию в обеспечении целостности, конфиденциальности и доступности данных. В основе таких систем лежат механизмы предотвращения, обнаружения и реагирования на угрозы, что делает их неотъемлемой частью кибербезопасности [1].

Одним из ключевых компонентов являются системы предотвращения вторжений IPS, которые предназначены для активного блокирования вредоносной активности в режиме реального времени. Они интегрируются с сетевыми защитными модулями, такими как межсетевые экраны (фаерволы), для усиления защитных барьеров. В отличие от пассивных систем, IPS не только обнаруживают, но и автоматически предотвращают атаки, анализируя трафик и идентифицируя аномалии в данных [1].

Системы обнаружения вторжений IDS представляют собой механизмы мониторинга сетевого и системного трафика с целью выявления подозрительных действий. Эти системы функционируют на основе двух основных методов: анализа сигнатур и поведенческого анализа. Анализ сигнатур позволяет сравнивать поступающие данные с базой известных угроз, выявляя атаки, соответствующие шаблонам вредоносной активности. Поведенческий анализ, в свою очередь, изучает аномалии в поведении пользователей и систем, позволяя обнаруживать даже неизвестные типы атак.

Программное обеспечение для анализа логов и корреляции событий играет важную роль в управлении информационной безопасностью. Такие решения, как SIEM, позволяют централизованно собирать, анализировать и интерпретировать данные, поступающие из различных источников. Они предоставляют аналитические инструменты для выявления потенциальных угроз, сопоставляя события и определяя закономерности, указывающие на возможные кибератаки [2].

Антивирусные и антишпионские программы остаются неотъемлемым элементом защиты от вредоносного программного обеспечения. Они сканируют файлы, сетевой трафик и процессы в системе, обнаруживая и удаляя вредоносные элементы. Современные антивирусные решения используют эвристические алгоритмы и машинное обучение для выявления даже неизвестных угроз, повышая эффективность защиты.

Фаерволы и фильтрующие системы обеспечивают контроль входящего и исходящего трафика, ограничивая доступ к потенциально опасным ресурсам. Они функционируют на основе predetermined правил фильтрации, позволяя блокировать несанкционированные соединения и предотвращать несанкционированный доступ к корпоративным сетям. Аппаратные и программные межсетевые экраны широко используются как в корпоративной среде, так и в частных информационных системах.

Инструменты мониторинга сети, такие как Wireshark и NetFlow, позволяют проводить глубокий анализ сетевого трафика. Они используются администраторами безопасности для выявления аномалий, диагностики сетевых проблем и расследования инцидентов. Эти инструменты предоставляют детальную информацию о передаваемых пакетах, что позволяет оперативно реагировать на подозрительную активность и устранять уязвимости [4].

Обеспечение безопасности информационных систем невозможно без эффективных механизмов идентификации и аутентификации пользователей, которые позволяют контролировать доступ к конфиденциальным данным и ресурсам. В современных условиях широко применяются биометрические технологии, многофакторная аутентификация и системы управления доступом, обеспечивающие надежную защиту от несанкционированного проникновения.

Использование биометрических данных является одним из наиболее надежных методов аутентификации, поскольку биометрические характеристики каждого человека уникальны. К числу распространенных технологий относятся сканеры отпечатков пальцев, системы распознавания лица, радужной оболочки глаза и голоса. Эти методы обеспечивают высокий уровень защиты, так как биометрические параметры сложно подделать или передать третьим лицам. Однако такие системы требуют значительных вычислительных ресурсов и могут сталкиваться с проблемами, связанными с изменением физических характеристик пользователя.

Технологии многофакторной аутентификации повышают уровень безопасности за счет использования нескольких независимых факторов

подтверждения личности. Они включают в себя сочетание следующих элементов: знания (пароль, PIN-код), владения (смартфон, USB-токен) и биометрии (отпечаток пальца, голос, лицо). Такая схема существенно усложняет возможность несанкционированного доступа, поскольку злоумышленнику необходимо преодолеть сразу несколько рубежей защиты. Применение MFA особенно актуально в корпоративных системах и критически важных инфраструктурах, где требуется повышенный уровень безопасности [1].

Системы управления доступом Access Control играют ключевую роль в регулировании прав пользователей на доступ к ресурсам организации. Эти системы могут быть основаны на различных моделях, включая дискреционный, мандатный и ролевой контроль доступа. Дискреционная модель предполагает, что владелец информации самостоятельно определяет, кто имеет право на ее использование. Мандатная модель базируется на строгих политических правилах, регулирующих доступ на основе уровня конфиденциальности данных и статуса пользователя. Ролевая модель широко применяется в корпоративной среде и обеспечивает доступ на основе должностных обязанностей сотрудника, что упрощает управление правами пользователей и минимизирует риски несанкционированного доступа.

В условиях нарастающих киберугроз важной задачей становится не только защита информации, но и эффективное выявление и идентификация нарушителей. Современные технологии позволяют отслеживать источник атак, анализировать сетевую активность и проводить цифровую криминалистику, что способствует повышению уровня информационной безопасности и пресечению незаконной деятельности в сети.

Одним из ключевых инструментов для выявления источников атак являются сетевые и IP-сканеры, которые позволяют идентифицировать подозрительную активность и определять IP-адреса потенциальных злоумышленников. Эти программы осуществляют активное или пассивное сканирование сети, выявляя открытые порты, уязвимые сервисы и аномалии в передаче данных. Среди распространенных решений можно выделить Nmap, Angry IP Scanner и Advanced IP Scanner, которые широко применяются для аудита безопасности и обнаружения несанкционированных подключений [4].

Программные средства отслеживания сетевой активности обеспечивают мониторинг и анализ передаваемых данных, выявляя подозрительное поведение в режиме реального времени. Такие инструменты, как Wireshark, Snort и Zeek, позволяют фиксировать сетевые пакеты,

анализировать их содержимое и выявлять потенциальные атаки, включая DDoS-атаки, взломы паролей и несанкционированный доступ. Использование подобных решений в корпоративной среде помогает оперативно реагировать на инциденты безопасности и минимизировать их последствия.

Методы обратного анализа, или форензика, играют важную роль в раскрытии киберпреступлений и выявлении злоумышленников. Деятельность оперативных сотрудников включает в себя сбор, сохранение и анализ данных с целью восстановления хода атаки и определения ее источника. Для этого следует осуществить анализ логов серверов, восстановление удаленных файлов, исследовать метаданные и отследить цифровые следы атакующих. Специализированные инструменты, такие как Autopsy, FTK и EnCase, позволяют проводить углубленный анализ зараженных систем, помогая правоохранительным органам и специалистам по безопасности находить доказательства.

Современное развитие информационной безопасности ориентировано на внедрение инновационных технологий, позволяющих не только защищать данные, но и прогнозировать потенциальные угрозы. Среди ключевых направлений можно выделить использование блокчейна для обеспечения прозрачности аудита, автоматизацию реагирования на инциденты SOAR и применение нейронных сетей в аналитике больших данных [5].

Одним из перспективных решений является применение блокчейна в системах информационной безопасности. Эта технология обеспечивает неизменность данных и прозрачность аудита, что делает ее эффективным инструментом для защиты критически важных систем. Блокчейн позволяет хранить записи о действиях пользователей и событиях безопасности в распределенной сети, исключая возможность их модификации или подделки. Данный подход особенно актуален в системах финансовых транзакций, государственных реестрах и системах контроля доступа [5].

Автоматизация реагирования на инциденты с использованием платформ SOAR позволяет значительно сократить время на обработку угроз и минимизировать человеческий фактор. Эти системы интегрируют различные инструменты безопасности, анализируют инциденты в режиме реального времени и автоматически инициируют меры реагирования. Благодаря таким технологиям, как машинное обучение и сценарии автоматического реагирования, SOAR значительно повышает эффективность киберзащиты, снижая нагрузку на специалистов по безопасности.

Применение нейронных сетей и аналитики больших данных оперативными сотрудниками открывает новые горизонты в прогнозировании угроз. Современные алгоритмы машинного обучения позволяют анализировать огромные массивы данных, выявлять закономерности и предсказывать потенциальные атаки до их совершения. Такие технологии находят применение в системах обнаружения аномалий, предотвращения мошенничества и анализа поведения пользователей. Искусственный интеллект может адаптироваться к новым типам угроз, обеспечивая проактивный подход к защите информации.

Использование технических средств в информационной безопасности неизбежно сопряжено с правовыми и этическими вопросами, касающимися защиты персональных данных, мониторинга сетевой активности и допустимости полученной информации на стадии расследования. В условиях цифровизации эти аспекты приобретают особую значимость, требуя строгого регулирования и соблюдения принципов законности и пропорциональности.

Законодательные ограничения на обработку персональных данных определяют границы применения технических средств защиты информации. В большинстве юрисдикций действует строгий режим регулирования сбора, хранения и обработки персональных данных, что отражено в таких нормативных актах, как Общий регламент по защите данных (GDPR) в Европейском союзе, Федеральный закон «О персональных данных» в России и Закон о конфиденциальности информации COPPA в США [6]. Эти законы требуют получения согласия субъектов на обработку их данных, обеспечения их безопасности и установления механизмов контроля за обработкой информации. Нарушение требований законодательства может повлечь за собой значительные штрафы и юридическую ответственность. В Республике Беларусь обработка персональных данных регулируется Законом Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных», который вступил в силу 7 мая 2021 г. [7]. Указанный закон устанавливает принципы обработки персональных данных, права субъектов данных и обязанности операторов, а также вводит требования по защите персональной информации и определяет ответственность за их нарушение.

Регулирование использования средств мониторинга также играет важную роль в обеспечении баланса между безопасностью и правами граждан. Мониторинг сетевой активности, перехват трафика и анализ логов могут быть эффективными инструментами защиты информации, но их применение должно основываться на законных основаниях

и учитывать права на частную жизнь. В ряде стран использование таких средств допустимо только с санкции суда или в рамках служебных обязанностей, установленных внутренними регламентами организаций. В белорусском государстве правовые аспекты использования технических средств мониторинга регулируются Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными нормативными актами, определяющими порядок применения средств слежения, требования к их использованию и условия законности их применения [8].

Вопросы допустимости и доказательности информации, собранной техническими средствами, имеют решающее значение в судебной практике. Данные, полученные в результате перехвата коммуникаций, анализа логов или цифровой криминалистики, должны быть собраны и обработаны в соответствии с установленными процедурами, чтобы их можно было использовать в качестве доказательств. Важными аспектами являются гарантии целостности информации, подтверждение ее подлинности и соблюдение правовых норм при ее представлении в суде. Недопустимые или полученные с нарушением закона материалы оперативно-розыскной деятельности могут быть не признаны в качестве источников доказательств судом, что осложняет привлечение разрабатываемого лица к ответственности. Вопросы допустимости электронных доказательств регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) и Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь, где определены условия признания цифровых данных в качестве доказательств и их процессуальное оформление. Таким образом, согласно положению ст.101 УПК материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном в УПК [9]. Сведения, полученные с использованием программно-технических средств, следует фиксировать в протоколе проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный осмотр», так как объектом осмотра являются информационные системы и компьютерная информация.

Таким образом, юридические и этические аспекты использования и документирования компьютерной информации предусматривают тщательную проработку и соблюдение нормативных требований. Оптимальный баланс между безопасностью, защитой личных данных и правами граждан обеспечивается за счет комплексного подхода к регули-

рованию, внедрения прозрачных механизмов контроля и соблюдения принципов законности в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Программно-технические средства играют ключевую роль в обеспечении информационной безопасности, предоставляя не только эффективные механизмы защиты от угроз и кибератак, а также возможность получения сведений о лице, причастном к совершению преступления. Однако их использование должно быть неразрывно связано с правовыми и организационными мерами, направленными на соблюдение законности и защиту прав субъектов данных. Интеграция технологических решений с нормативными требованиями и управленческими стратегиями позволяет создать комплексную систему безопасности, способную адаптироваться к современным вызовам.

Список использованных источников

1. Дубров, С.В. Проблемы безопасности в информационных технологиях : учеб.-метод. пособие / С.В. Дубров ; Новосиб. гос. ун-т, фак. физики, каф. физ.-техн. информатики. – Новосибирск : НГУ, 2012. – 259 с. – (Программа развития НИУ-НГУ на 2009–2018 гг.).
2. Fowler, C. What is a SIEM Solution and How Does it Work? / C. Fowler // Medium. – 2023. – URL: <https://connor-fowler.medium.com/what-is-a-siem-solution-and-how-does-it-work-9429b9c5f56b> (дата обращения: 13.05.2025).
3. О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 13.05.2025).
4. Eras, R. Nmap Detection with Wireshark / R. Eras // Medium. – 2023. – URL: <https://medium.com/@reras/nmap-detection-with-wireshark-2023> (дата обращения: 13.05.2025).
5. Генкин, А. Блокчейн для всех. Как работают криптовалюты, BaaS, NFT, DeFi и другие новые финансовые технологии // А. Генкин, А. Михеев. – М. : Альпина Паблишер, 2023. – 588 с.
6. Общий регламент по защите данных (GDPR) : Регламент (ЕС) 2016/679 Европ. парламента и Совета от 27 апр. 2016 г. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679> (дата обращения: 13.05.2025).
7. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : принят Палатой представителей 2 апр. 2021 г. : одобр. Советом Респ. 21 апр. 2021 г. : в ред. от 1 июня 2022 г. № 175-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.05.2025).
8. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2024. – 61 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.05.2025).

В.А. Кузьмин, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – **А.Л. Федорович**

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент **В.Н. Крюков**

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

Рассматриваются проблемы правового регулирования оборота гражданского оружия в Республике Беларусь. Выявляются недостатки взаимодействия органов внутренних дел с медицинскими учреждениями, препятствующие своевременному аннулированию разрешений. Предлагаются изменения в законодательство, направленные на усиление контроля за оборотом оружия и повышение уровня общественной безопасности.

В целях обеспечения безопасности личности, общества и государства вопросы, связанные с доступом граждан к оружию, его использованием и хранением, требуют взвешенного подхода от уполномоченных на то государственных органов, учитывающего различные непредвиденные ситуации.

Накопленный опыт правоприменительной деятельности органов внутренних дел (ОВД) позволяет констатировать тот факт, что ситуация с оборотом гражданского оружия в нашей республике в данный момент стабильна и контролируется ОВД, однако это не отменяет необходимости постоянной корректировки необходимых актов законодательства, а также внедрения новых подходов к реализации норм права, которые позволили бы минимизировать опасность, которую несет за собой использование и применение гражданского оружия лицами, которые могут быть опасны для общества.

Для достижения данной цели в работе была использована следующая методологическая основа: сравнительно-правовой, историко-правовой, метод анализа и формально-логический метод.

Так, например, в настоящее время, согласно п. 21.3.1 Указа Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан», разрешение на ношение и хранение оружия сроком на 5 лет может получить гражданин, постоянно проживающий на территории Республики Беларусь [1], представив при этом перечень необходимых документов, а также медицинскую справку, которая согласно ст. 14 Закона Республики Беларусь от

13 ноября 2001 г. № 61-3 «Об оружии» (далее – Закон «Об оружии») свидетельствует о том, что он не имеет заболевания или физических недостатков, при наличии которых противопоказано владение оружием [2].

Перечень заболеваний и физических недостатков, которые ведут к аннулированию разрешения на оружие, указан в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 13 февраля 2019 г. № 92 и включает в себя разнообразные психические и поведенческие расстройства, нервные заболевания, глазные болезни, заболевания уха, горла, носа, хирургические заболевания [3].

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» справка об отсутствии медицинских противопоказаний к владению гражданским оружием предоставляется гражданином, постоянно проживающим на территории Республики Беларусь, только при осуществлении процедуры получения разрешения (лицензии) на гражданское оружие или ее продлении.

Анализируя все вышеперечисленное, можно сделать обоснованный вывод о том, что в промежуток времени от получения разрешения на хранение оружия до последующего продления срока действия разрешения на него его владелец не обязан предоставлять медицинские справки, которые бы свидетельствовали о том, что за время владения им гражданским оружием он не приобрел заболеваний, которые ведут к аннулированию разрешения. В медицинских ведомственных правовых актах нет обязательства сотрудникам здравоохранения выставлять в обновлении данных граждан в так называемых сторожевых карточках и уведомлять ОВД при постановке граждан на психиатрический или наркологический учеты, что не позволяет своевременно отреагировать на это должностным лицам лицензионно-разрешительной службы.

Вместе с тем на сотрудников ОВД возложены задачи по регистрации и учету предметов и объектов, подпадающих под лицензионно-разрешительную систему, а также выявлению и устранению причин, которые могут способствовать наступлению вредных последствий, принятию к нарушителям предусмотренных законодательством мер правового воздействия, что, в свою очередь, в большинстве случаев ведет к реализации одной из основных функций ОВД по осуществлению лицензионно-разрешительной системы: приостановление действий, аннулирование разрешений (лицензий).

Так, одним из поводов аннулирования ОВД разрешения на оружие, согласно ст. 27 Закона «Об оружии», является выявление у владель-

па оружия медицинских противопоказаний, которые указаны в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 13 февраля 2019 г. № 92 [3], что своевременно, как указано выше, осуществить не представляется возможным.

Исходя из вышеперечисленных задач и функций, возложенных на ОВД, а также положений Закона «Об оружии», мы можем сделать вывод, что сотрудник ОВД должен обладать достоверной информацией об отсутствии у гражданина, который является обладателем разрешения на оружие, медицинских противопоказаний, приводящих к аннулированию разрешения на оружие, так как в соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» сотрудник ОВД в пределах своей компетенции проводит профилактические мероприятия, направленные на обеспечение безопасности оборота гражданского оружия [4].

Для этого ОВД ежегодно проводят специальное оперативно-профилактическое мероприятие «Арсенал» по выявлению незаконного оружия, на подготовительном этапе которого направляются запросы в медицинские учреждения (по месту жительства) для проверки по психоневрологическому и наркологическому учетам в целях выявления медицинских противопоказаний к владению оружием. Однако медицинские учреждения, ссылаясь на ст. 46 «Врачебная тайна» Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон «О здравоохранении») [5], отказывают в предоставлении данных, которые даже при направлении в ОВД не отражают в полном объеме сведений о наличии у гражданина, обладающего разрешением на оружие, каких-либо медицинских противопоказаний, при наличии которых владение оружием недопустимо, что, в свою очередь, создает реальную угрозу для жизни и здоровья как сотрудников ОВД, так и граждан, ведь наличие гражданского оружия у лица, которое, исходя из норм законодательства, обладать им не должно, может крайне негативно отразиться на общественной безопасности.

На основании вышеуказанного, с целью предотвращения негативных последствий, вызванных неадекватным поведением владельцев огнестрельного оружия, предлагаем внести изменения в ст. 46 Закона «О здравоохранении», а именно дополнить перечень условий, предусматривающих предоставление информации, составляющей врачебную тайну, без согласия пациента или лиц, указанных в ст. 18 Закона «О здравоохранении» [5], а также без запроса в письменной форме и (или) в виде электронного документа, оформленного в соответствии с законодательством об электронных документах и электронной цифро-

вой подписи, абзацем «органов внутренних дел о прохождении медицинского переосвидетельствования лица, обладающего разрешением на хранение оружия, наличии заболевания или противопоказания, препятствующего владению оружием», вместе с этим дополнить перечень условий, позволяющих изымать оружие и боеприпасы, указанных в ст. 28 Закона «Об оружии», абзацем «появления информации медицинского характера на наличие у собственника оружия заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием до предоставления повторного медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием». Данные предложения ранее обсуждались на VII Международной научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов, посвященной 120-летию профсоюзного движения Беларуси [6, с. 348–351].

Помимо этого, в настоящее время ст. 14 Закона «Об оружии» установлены запреты на приобретение и владение оружием для лиц:

- не достигших 18-летнего возраста;

- не предоставивших медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием;

- имеющих судимость за совершение умышленных преступлений, иных преступлений, связанных с использованием или применением оружия, преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ;

- отбывающих наказание за совершенное преступление;

- подвергавшихся административному взысканию за правонарушения, посягающие на общественный порядок, правосудие и установленный порядок управления;

- не имеющих постоянного места жительства или условий хранения, обеспечивающих сохранность оружия и боеприпасов;

- не предоставивших в ОВД документы, подтверждающие прохождение проверки знания правил безопасного обращения с оружием.

Одной из задач административно-предупредительных мер является раннее предупреждение совершения противоправных действий, что требует от ОВД постоянную разработку и усовершенствование мер, обеспечивающих их устранение или нейтрализацию.

Так, анализируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что у ОВД отсутствуют правовые основания для отказа в выдаче разрешения на приобретение, а также хранение и ношение гражданского оружия для лиц, у которых в соответствии со ст. 99 Уголовного кодекса Республики

Беларусь аннулированы правовые последствия уголовной ответственности в связи с погашением или снятием судимости [7]:

за умышленное преступление, связанное с применением и использованием оружия;

за преступление, связанное с незаконным оборотом оружия и патронов к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств;

за преступление террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также за преступление, совершенное в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

за преступление, совершенное организованной группой, преступной организацией или бандой.

Также подобные правовые основания отсутствуют и для лиц:

подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления;

совершивших особо опасный рецидив преступлений;

в отношении которых вступило в силу законное решение суда о взыскании расходов, затраченных на содержание их детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении;

в отношении которых по результатам проверки ОВД или других уполномоченных на то государственных органов, имеются сведения о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности, а также информация об участии в преступных и экстремистских организациях.

Обратившись к опыту зарубежных стран, а именно к перечню условий, в связи с которыми согласно ст. 13 Федерального закона Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» гражданину Российской Федерации устанавливается запрет на приобретение и хранение гражданского оружия, мы можем увидеть, что перечень оснований для отказа в выдаче разрешения на хранение и ношение гражданского оружия шире и включает практически все вышеизложенные положения [8], что, в свою очередь, положительно влияет на уровень преступлений, совершенных с применением гражданского оружия, а также снижает риск для сотрудников ОВД, которые согласно ст. 14 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в пределах своей компетенции проводят профилактические мероприятия, направленные на обеспечение безопасности оборота гражданского оружия [4].

На основании вышеуказанного, с целью предотвращения негативных последствий, вызванных неадекватным или противоправным поведением владельцев огнестрельного оружия, предлагаем внести изменения в ст. 14 Закона «Об оружии», а именно дополнить перечень усло-

вий, устанавливающих запрет на приобретение, хранение гражданского оружия для лиц:

имеющих снятую или погашенную судимость за умышленное преступление, связанное с незаконным оборотом оружия и патронов к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств;

имеющих снятую или погашенную судимость за преступление террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также за преступление, совершенное в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

имеющих снятую или погашенную судимость за преступление, совершенное организованной группой, преступной организацией или бандой; совершивших особо опасный рецидив преступлений;

лишенных по решению суда права на приобретение оружия;

подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления;

в отношении которых по результатам проверки ОВД или других уполномоченных на то государственных органов имеются сведения о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности, а также информация об участии в преступных и экстремистских организациях.

Предложенные изменения законодательства качественно поспособствуют профилактике правонарушений, совершаемых в результате осуществления оборота гражданского оружия, а также минимизации риска для жизни и здоровья граждан, общественной безопасности.

Список использованных источников

1. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан : Указ Президента Респ. Беларусь от 26 апр. 2010 г. № 200 : в ред. от 23 сент. 2024 г. № 370 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

2. Об оружии : Закон Респ. Беларусь от 13 нояб. 2001 г. № 61-З : в ред. от 28 дек. 2023 г. № 324-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025)

3. Об утверждении перечня заболеваний и физических недостатков граждан, при наличии которых противопоказано владение оружием, и внесении дополнений и изменения в постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 августа 2022 г. № 543 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 13 февр. 2019 г. № 92 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

4. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

5. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ : в ред. от 25 окт. 2023 г. № 308-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

6. Кузьмин, В.А. Проблемные аспекты правового регулирования оборота гражданского оружия / В.А. Кузьмин // Ученые будущего : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов, студентов, посвящ. 120-летию профсоюзного движения Беларуси, Минск, 24 окт. 2024 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В.М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2025. – С. 348–351.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

8. Об оружии : Федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ : в ред. от 6 дек. 2011 г. № 409-З // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).

УДК 340.1

А.В. Кухаренко, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Е.И. Стабровский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.А. Воропаев*

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Исследуется правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданского права. Анализируется национальное и зарубежное законодательство. Отмечаются технологические особенности цифровых прав. Вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования.

Современное развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на все сферы общественной жизни, включая правовую. Гражданское право, как одна из основных отраслей частного права, не может оставаться в стороне от этих процессов. Появление цифровых объектов, функционирующих исключительно в электронно-цифровой среде, поставило перед правоведами вопрос о том, могут ли такие объекты быть признаны объектами гражданских прав, и какое место они занимают в существующей правовой системе.

Объекты гражданских прав традиционно определяются через их способность удовлетворять потребности субъектов права, а также через возможность их индивидуализации, правового закрепления и участия в гражданском обороте. Согласно ст. 128 Гражданского кодекса

Республики Беларусь к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, включая имущественные права, результаты работ и оказанных услуг, результаты интеллектуальной деятельности, а также нематериальные блага [1]. Цифровые объекты напрямую в этой статье не упоминаются, что порождает правовую неопределенность в отношении их статуса.

Тем не менее практика и доктрина постепенно склоняются к признанию цифровых объектов как самостоятельных объектов гражданских прав, прежде всего в рамках уже существующих категорий, таких как имущество, имущественные права или объекты интеллектуальной собственности. Это связано с тем, что цифровые объекты могут иметь экономическую ценность, быть индивидуализированы, передаваться от одного лица к другому, а также защищаться в судебном порядке.

В научной литературе отмечается, что цифровые права, как форма закрепления имущественных и иных прав, обладают рядом признаков, характерных для объектов гражданского права. Так, Е.А. Базазян указывает, что признаки цифровых прав могут быть разделены на три группы: признаки цифровых прав, характерные для всех объектов гражданского права; признаки объектов цифровых прав, которые непосредственно указаны в законе; доктринальные признаки, предложенные учеными-правоведами. К общим признакам, которые применимы ко всем объектам гражданского права, она относит полезность, дискретность, системность и юридическую привязку [2, с. 101–104].

Полезность означает, что объект способен удовлетворять потребности субъекта. Цифровые права, как правило, предоставляют доступ к определенным услугам, информационным ресурсам или цифровым активам, что прямо свидетельствует об их полезности. Дискретность заключается в индивидуализированности объекта – цифровые права, как правило, связаны с конкретным цифровым идентификатором или технологическим решением, позволяющим отличить одно право от другого. Системность проявляется в том, что цифровые права не существуют изолированно, а функционируют в рамках цифровых экосистем, платформ и информационных систем. Юридическая привязка означает возможность правового закрепления за субъектом – цифровые права могут быть зафиксированы в информационной системе, что обеспечивает их оборотоспособность.

Особенности цифровых прав проявляются также в том, что они существуют исключительно в информационной системе. В российском законодательстве данное положение закреплено в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, где указано, что цифровыми признаются

такие обязательственные и иные права, осуществление и распоряжение которыми возможны только в информационной системе [3]. Хотя в гражданском законодательстве Республики Беларусь отсутствует прямая норма, аналогичная ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, правоприменительная практика и научные исследования все чаще опираются на российский опыт как на ориентир для дальнейшего развития.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что, несмотря на различия в формулировках, в обеих правовых системах цифровые права рассматриваются как средства фиксации уже существующих гражданских прав, прежде всего имущественных. Ряд белорусских ученых указывают на то, что цифровизация имущественных прав – это логическое продолжение эволюции правового регулирования, отражающее потребности электронной экономики. При этом подчеркивается, что цифровая форма существования прав не отменяет их правовой природы, но требует специальных норм регулирования. Одним из наиболее ярких примеров цифровых прав в России выступают утилитарные цифровые права, регулируемые Федеральным законом Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [4]. Эти права предоставляют инвестору возможность потребовать исполнения определенных действий – передачи товара, выполнения работы, оказания услуги. Несмотря на то что аналогичного закона в Республике Беларусь пока нет, следует отметить, что обсуждение возможности регулирования инвестиционных цифровых платформ в стране уже ведется на уровне проектов и научных статей.

Важно понимать, что цифровые права не создают новый вид имущественных благ, но изменяют форму их фиксации и передачи. Как справедливо отмечает С.И. Кухнин, «цифровые права представляют собой не создание новых объектов гражданских прав как таковых, а выделение уже существующих в новую цифровую форму» [5, с. 304]. Эта точка зрения близка и белорусской правовой доктрине, которая традиционно рассматривает объекты гражданских прав через призму их оборотоспособности и закрепленности за субъектом.

В то же время необходимо учитывать критику концепции цифровых прав. Некоторые ученые полагают, что термин «цифровые права» вводит путаницу, поскольку фактически речь идет не о новых правах, а об их техническом способе осуществления. Е.В. Демьяненко, анализируя положение ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утверждает, что «на самом деле речь идет об исполнении обязательства с помощью информационных систем» [6, с. 44]. Аналогичную позицию можно встретить и у отдельных белорусских исследователей, подчеркивающих важность точной терминологии в юридической науке.

Понимание сущности цифровых прав невозможно без обращения к технологической основе их существования – информационным системам [7, с. 55]. Именно в рамках этих систем цифровые права возникают, изменяются и прекращаются. Информационная система обеспечивает автономность обращения таких прав, устраняя необходимость в участии третьего лица при их передаче или реализации. Это обстоятельство отличает цифровые права от большинства традиционных объектов гражданского оборота, где обязательным является участие сторон в исполнении обязательства. Такой подход делает цифровые права более гибкими и удобными для электронного оборота, но вместе с тем требует высокой степени доверия к технической инфраструктуре.

Следует отметить, что отсутствие необходимости обращения к третьим лицам при реализации цифровых прав ставит вопросы об обеспечении безопасности и достоверности совершенных действий. Так, при передаче права требования, удостоверенного цифровым способом, необходимо гарантировать, что право действительно перешло новому субъекту, и что прежний обладатель утратил возможность распоряжения им. Это требует не только правового регулирования, но и технического обеспечения, что на сегодня в белорусской правовой системе проработано слабо.

Вопрос индивидуализации цифрового права также вызывает интерес. Традиционные объекты гражданского права, такие как вещи, денежные средства, права требования, могут быть четко идентифицированы, что позволяет устанавливать их принадлежность конкретному субъекту. Цифровые права, особенно в децентрализованных системах, таких как блокчейн, идентифицируются технически – через токены, цифровые подписи или иные средства электронной аутентификации. Это техническое средство должно быть признано юридически значимым, иначе использование цифровых прав окажется юридически незащищенным.

В правоприменительной практике возникают случаи, когда цифровые права становятся предметом договоров, инвестиционных отношений или доказательств в суде. Это требует от законодателя адекватной реакции и развития нормативной базы. В этой связи целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь, в частности в ст. 128, с целью включения в перечень объектов гражданских прав цифровых прав как самостоятельной категории. При этом следует опираться не только на российский опыт, но и на подходы, применяемые в международной практике, где цифровые активы уже давно получили правовое признание в ряде стран, таких как, например, Германия, Швейцария.

Значительное внимание следует уделить и вопросу защиты цифровых прав. Традиционные способы защиты гражданских прав, такие как признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения, компенсация убытков, применимы и к цифровым правам. Однако специфика цифровой среды требует дополнительных инструментов защиты, включая электронную фиксацию нарушений, ведение реестров в цифровой форме и возможность быстрого реагирования на неправомерные действия, в том числе через блокировку доступа, отмену транзакции или восстановление цифрового идентификатора. Законодатель Республики Беларусь сформировал систему защиты информации и электронного документа, однако в части гражданско-правового регулирования цифровых прав данная работа требует продолжения.

Полагаем, необходимо затронуть также проблему разграничения цифровых прав и цифровых объектов. Под цифровыми правами в российском понимании (а именно этот термин получил наибольшее распространение) понимаются именно права требования, оформленные в цифровой форме. В то время как цифровые объекты могут включать в себя не только права, но и сами результаты интеллектуальной деятельности, электронные копии произведений, программы, базы данных и т. д. В белорусском законодательстве пока отсутствует такая дифференциация, что может привести к смешению понятий и затруднению правоприменения. Следовательно, выработка точного понятийного аппарата является неотъемлемой частью разработки теории цифровых прав.

Важно отметить, что значительный пласт цифровых прав связан с интеллектуальной собственностью. В условиях цифровизации вопросы использования, распространения и защиты объектов авторского права, патентов, товарных знаков приобретают особую значимость. В Республике Беларусь действует законодательство о защите авторских прав в интернете, однако проблема фиксации и оборота прав на цифровые формы таких объектов остается нерешенной. В условиях, когда распространение информации осуществляется мгновенно, а копирование файлов не требует значительных затрат, необходимо пересматривать подходы к учету, подтверждению и передаче прав на такие объекты.

В заключение проведенного исследования можно сделать несколько обобщающих выводов, позволяющих определить место цифровых прав в системе объектов гражданского права. Несмотря на то что белорусское законодательство пока не содержит специальной нормы, аналогичной ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, тенденции правового развития, международная практика и научные под-

ходы свидетельствуют о неизбежности законодательного признания цифровых прав как особой формы существования имущественных и иных гражданских прав.

Цифровые права обладают всеми основными признаками объектов гражданского права: они полезны, индивидуализируемы, могут быть юридически закреплены за субъектом и участвовать в гражданском обороте. Их особенностью является то, что они существуют и функционируют исключительно в рамках информационных систем, что требует сочетания правового и технического подхода к их регулированию и защите. В связи с этим возникает необходимость не только правовой, но и технологической грамотности субъектов гражданского оборота, участвующих в отношениях, основанных на цифровых правах.

Анализ научных источников показывает наличие различных подходов к правовой природе цифровых прав. Одни авторы рассматривают цифровые права как форму фиксации уже известных имущественных прав, не признавая их самостоятельными объектами гражданского права. Другие, напротив, видят в цифровых правах новый правовой феномен, заслуживающий выделения в самостоятельную категорию [5, с. 303]. В белорусской правовой науке такой плюрализм мнений также присутствует, но общая тенденция заключается в признании цифровых прав как специфической формы имущественных прав, существующей в цифровой среде.

Особого внимания заслуживает развитие института утилитарных цифровых прав, как формы цифровых прав, применяемых в инвестиционной деятельности. Хотя соответствующее регулирование на сегодня имеется только в законодательстве Российской Федерации, данный опыт представляет практический интерес для белорусского законодателя в контексте развития цифровой экономики и электронного инвестирования.

Таким образом, цифровые права в современных условиях представляют собой важный и перспективный объект правового регулирования. Они требуют четкой дефиниции, законодательного закрепления и выработки механизмов защиты. Наиболее рациональным представляется путь включения цифровых прав в систему объектов гражданского права Республики Беларусь путем расширительного толкования существующих категорий, а в дальнейшем – через прямое законодательное закрепление. Для этого необходимо продолжение научных исследований, участие правовой науки в формировании подходов к классификации цифровых прав, а также активное обсуждение данных вопросов в рамках нормотворческого процесса.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 62-З // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).
2. Базазян, Е.А. Признаки цифровых прав как объекта гражданского права / Е.А. Базазян // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 32. – С. 101–104.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации : 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 8 авг. 2024 г. № 237-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).
4. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ : Федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 259-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 263-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2025).
5. Кухнин, С.И. Место цифровых прав как объектов гражданских прав в российском законодательстве / С.И. Кухнин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7. – С. 303–304.
6. Демьяненко, Е.В. К вопросу о правовом регулировании цифровых прав, смарт-контрактов / Е.В. Демьяненко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 2. – С. 44.
7. Пономарева, Н.В. Утилитарные цифровые права как разновидность цифровых прав / Н.В. Пономарева // Юристы-Правоведы. – 2024. – № 2. – С. 55.

УДК 342.95

В.А. Молодыхов, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.Г. Каразей*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.А. Егоров*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Исследуется институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. Акцентируется внимание на существующих противоречиях, неясности при изложении отдельных предписаний. Обосновываются предложения по корректировке законодательства.

Как отмечают исследователи, институты освобождения от уголовной ответственности используются для поддержания дальнейшего по-

ведения лица, совершившего преступное деяние, в режиме законопослушания без применения уголовного наказания, тем самым являясь достаточно тонким инструментом воздействия на преступность [1, с. 58].

Особый интерес, обусловленный, по нашему мнению, неоднозначным и даже противоречивым толкованием правовых предписаний, вызывают положения об освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. В соответствии со ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместившее ущерб, либо уплатившее доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладившее нанесенный преступлением вред, может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что для его исправления достаточно применения мер административного взыскания.

В научной дискуссии уже высказывались предложения о необходимости модернизации рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности [2, с. 120–134; 3, с. 155–159; 4, с. 344–348]. А.И. Лукашов полагает, что положения ст. 86 УК противоречат предписаниям ч. 1 ст. 1 УК, определяющей предмет регулирования этого кодекса, так как за совершение преступления установлены виды и размеры административных взысканий, которые могут налагаться на такое лицо [2, с. 123].

Кроме того, отдельные авторы считают, что перемещение деяния из уголовно-правовой в административную плоскость не является экономически рациональным, поскольку прекращение уголовного преследования и, соответственно, начало административного процесса вызывают дополнительные расходы и затраты, которые ложатся на плечи государства, требуя увеличения нагрузки на кадровые единицы. Кроме того, законодательного уточнения требует вопрос, связанный с тем, могут ли к освобождаемому лицу одновременно применяться несколько административных взысканий, поскольку уголовно-правовая норма представлена таким образом: «... могут быть применены следующие меры административного взыскания...» без указания на возможные основные и дополнительные меры. С целью устранения данного законодательного пробела Н.С. Луценко предлагает откорректировать формулировку нормы ст. 86 УК, представив ее следующим образом: «... может быть применена одна из следующих мер...» [4, с. 346–347].

На существующие противоречия, неясности при изложении отдельных предписаний, допускающих их различное толкование, неоднократно обращал внимание и Глава государства. На совещании 18 июля

2024 г. с судьями Конституционного Суда А.Г. Лукашенко заострил внимание, что «некоторые нормативные правовые акты трудно читаемы и воспринимаемы, перегружены» [5].

В ч. 2 ст. 86 УК перечислены конкретные виды административных взысканий, налагаемых на лицо при освобождении от уголовной ответственности: штраф в пределах от пяти до тридцати базовых величин, административный арест на срок до пятнадцати суток и лишение специального права на срок от трех месяцев до трех лет.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) упоминаются положения относительно штрафа. В ч. 5 ст. 6.4 КоАП вышеприведенные положения ст. 86 УК продублированы.

Г.А. Василевич в Научно-практическом комментарии к КоАП отмечает, что установленный размер штрафа некорректный, так как за некоторые административные правонарушения предусматривается более суровая административная ответственность. А когда совершается уголовно наказуемое деяние с последующим привлечением не к уголовной ответственности, а к административной, то размер штрафа значительно меньше [6, с. 61].

Приведем пример: ч. 1 и ч. 2 ст. 233 «Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии)» УК относятся, соответственно, к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, и к менее тяжкому, т. е. формально подпадают под условия рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности. Фактически за идентичные деяния установлена ответственность и ч. 1 ст. 13.3 «Незаконная предпринимательская деятельность» КоАП. Важное разграничение между уголовной и административной ответственностью данных правонарушений является доход, полученный при осуществлении предпринимательской деятельности: по ч. 1 ст. 233 УК доход должен быть получен в крупном размере, а по ч. 2 – в особо крупном. Согласно примечанию к данной статье доход признается полученным в крупном размере, если он в тысячу и более раз превышает размер базовой величины, а в особо крупном – две тысячи и более базовых величин. Соответственно, если лицо при осуществлении деятельности без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно, получает доход, не превышающий крупного размера, т. е. не более тысячи базовых величин, то в его действиях усматриваются признаки административного правонарушения.

И здесь возникает проблема, так как санкция ч. 1 ст. 13.3 КоАП предусматривает штраф в размере от десяти до пятидесяти базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от десяти до двухсот базовых ве-

личин с конфискацией до ста процентов суммы дохода, полученного в результате такой деятельности, или без конфискации. Поскольку индивидуальный предприниматель является специфическим видом физического лица, то необходимо рассматривать и данную категорию субъектов.

Исходя из условий освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, правоприменитель налагает административное взыскание в виде штрафа размером от пяти до тридцати базовых величин (ч. 5 ст. 6.4 КоАП и п. 1 ч. 2 ст. 86 УК). Однако, как указано выше, за некоторые административные правонарушения предусмотрен более серьезный штраф. Таким образом, видим существенное нарушение таких принципов КоАП, как справедливость и равенство перед законом.

Было бы корректно установить в КоАП общий срок рассматриваемого вида штрафа от пяти до тридцати базовых величин, а за правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина, правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, в области предпринимательской деятельности, в области связи и информации, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также против порядка налогообложения, порядка управления – увеличить максимальный размер штрафа до двухсот базовых величин.

В то же время различная терминология, используемая КоАП и УК в части определения объектов преступлений и административных правонарушений, не позволяет подойти к решению вопроса таким образом. Поэтому полагаем обоснованным «поднять» максимальную санкцию штрафа, налагаемого в порядке, предусмотренном п. 1 ч. 1 ст. 86 УК, до двухсот базовых величин, что будет соответствовать как тяжести совершенного преступления, так и установленным размерам административного взыскания.

Кроме того, следует помнить особенности административной ответственности несовершеннолетних, предусмотренные ст. 9.2 КоАП. В частности, размер налагаемого на них штрафа не может превышать двух базовых величин, для индивидуального предпринимателя – четырех базовых величин. При отсутствии заработка, стипендий или иного дохода к ним применяются меры воспитательного воздействия.

Таким образом, предлагаем для более полной реализации ключевых принципов административно-деликтного права внести изменения в ч. 5 ст. 6.4 КоАП, изложив ее в редакции, предусматривающей определение размера штрафа, налагаемого на физическое лицо в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 86 УК, не менее пяти и не более двухсот базовых величин.

Штраф, налагаемый на физическое лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, следует применять с учетом особенностей, установленных ст. 9.2 КоАП.

Соответствующие корректировки необходимо внести и в п. 1 ч. 1 ст. 86 УК, чтобы согласовать положения кодексов.

Также имеет место коллизия нормативных предписаний: в п. 4 ч. 2 ст. 86 УК предусмотрено, что при освобождении от уголовной ответственности на лицо может быть наложено административное взыскание в виде лишения специального права. УК такое наказание не предусматривает, только «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Иными словами, в УК используется наименование несуществующего административного взыскания, что, по нашему мнению, не позволяет применять ни его, ни его имеющийся аналог.

До принятия в 2021 г. действующего КоАП административное взыскание в виде лишения специального права являлось частью системы административных взысканий, однако в последующем было из данного кодекса исключено. В настоящее время КоАП предусматривает такой вид административного взыскания, как «лишение права заниматься определенной деятельностью». В соответствии с ч. 3 ст. 6.7 КоАП лишение права заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от трех месяцев до пяти лет.

В этой связи необходимо заменить взыскание «лишение специального права» на «лишение права заниматься определенной деятельностью», что будет соответствовать одному из основных требований нормотворческой техники – единство терминологии в законодательстве, единообразие и однозначность терминологии нормативного правового акта (абз. шестой части первой ст. 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»).

Важным условием освобождения лица, помимо указанных в ч. 1 ст. 86 УК, является отсутствие в статье, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, административной преюдиции, что вполне логично: если лицо первоначально не осознало противоправность своего деяния и в последующем снова совершает аналогичное правонарушение, т. е. уже преступление, то тогда не может идти речь о применении мер административной ответственности.

Вместе с тем принятым Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» УК дополнен ст. 341¹ и 342². Объективные стороны указанных составов преступлений построены таким образом, что ответственность наступает за «неоднократность» совершения каких-либо деяний.

В примечании к вышеуказанным статьям предусмотрено разъяснение данного термина. Так, в примечании к ст. 342² «Неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий» УК указано, что деяние признается совершенным лицом неоднократно, если это лицо дважды в течение одного года подвергалось административному взысканию за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 24.23 КоАП, и в течение года после наложения второго административного взыскания за такие деяния вновь нарушило порядок организации или проведения массовых мероприятий.

И, что самое интересное, в санкции ст. 342² УК установлено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Соответственно, данное преступление является менее тяжким, что формально позволяет рассматривать вопрос об освобождении лица за его совершение с привлечением к административной ответственности (аналогичная ситуация и со ст. 341¹ УК).

В то же время под административной преюдицией, согласно ст. 32 УК, следует понимать наступление уголовной ответственности за преступление, не представляющее большой общественной опасности, если деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение.

Иными словами, санкции введенных в УК в 2021 г. ст. 341¹ и 342² противоречат юридической природе административной преюдиции. Для устранения такого рода коллизионной регламентации необходимо ставить вопрос об уменьшении санкций за совершение рассматриваемых преступлений. Полагаем, что решать вопрос путем пересмотра понятия административной преюдиции, отнеся к ней менее тяжкие преступления, недопустимо, так как такой подход приведет к стиранию грани между преступлением и административным правонарушением.

Резюмируя вышеизложенное, видится обоснованным внести следующие изменения в законодательство:

1. В ч. 2 ст. 86 УК слова «могут быть применены следующие меры» заменить словами «может быть применена одна из следующих мер».

2. В п. 1 ч. 2 ст. 86 УК слово «тридцати» заменить словом «двухсот».

3. П. 4 ч. 2 ст. 86 УК изложить в следующей редакции:

- «4) лишение права заниматься определенной деятельностью на срок от трех месяцев до пяти лет.».

4. В абз. втором ст. 341¹ УК слово «четырёх» заменить словом «двух».

5. В абз. втором ст. 342² УК слова «тот же срок» заменить словами «срок до двух лет».

6. Ч. 5 ст. 6.4 КоАП изложить в следующей редакции:

«5. Размер штрафа, налагаемого на физическое лицо в соответствии со статьей 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь, не может быть менее пяти и более двухсот базовых величин. Штраф, налагаемый на физическое лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, применяется с учетом особенностей, установленных статьей 9.2 настоящего Кодекса.».

Список использованных источников

1. Луценко, Н.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по законодательству Российской Федерации и освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности по законодательству Республики Беларусь (сравнительно-правовой анализ) / Н.С. Луценко // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 5 апр. 2019 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2019. – С. 58.

2. Лукашов, А.И. Уголовная и административная ответственность: проблемы сопряжения / А.И. Лукашов // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д.В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2. – С. 120–134.

3. Радыно, Т.В. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности: проблемы практики применения // Уголовная ответственность: научная школа В.М. Хомича : сб. материалов круглого стола, посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ. Беларусь В.М. Хомича, Минск, 28–29 янв. 2021 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – С. 155–159.

4. Луценко, Н.С. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности: необходимость модернизации / Н.С. Луценко // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 344–348.

5. Встреча с судьями Конституционного Суда // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrec-a-s-sud-ami-konstitucionnogo-suda> (дата обращения: 17.04.2025).

6. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г.А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г.А. Василевича, Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 928 с.

В.А. Молодыхов, курсант факультета
милиции общественной безопасности

И.В. Козырев, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук **А.О. Мартынов**

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент **О.Г. Каразей**

ПРИСВОЕНИЕ ЛИБО РАСТРАТА ОКРАШЕННОГО НЕФТЯНОГО ТОПЛИВА

Рассматриваются особенности приобретения, хранения, использования и реализации физическими лицами окрашенного нефтяного топлива, влекущие административную ответственность в соответствии с ч. 3 ст. 13.23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Анализируются сходные составы административных правонарушений, в связи с чем предлагается дополнить перечень о применении специальной конфискации окрашенного нефтяного жидкого топлива в порядке законодательства об административной ответственности, что позволит дополнительно защищать интересы государства.

Присвоение либо растрата является одной из форм хищений. Основным побудителем к совершению которых, как и обязательным признаком, служит корыстное побуждение, характеризующееся стремлением извлечь для себя и близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат.

Предметом рассматриваемого вида преступления выступает вверенное имущество. В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» разъяснено, что вверенным является то имущество, в отношении которого лицо в силу трудовых, гражданско-правовых или иных отношений наделено полномочиями владения, пользования или распоряжения. Другими словами, фактическое обладание, возможность извлекать полезные свойства, а также определять судьбу предмета в рамках должностных инструкций позволяет рассматривать тот или иной предмет, как вверенное имущество.

Некоторые проблемные вопросы правового регулирования, как и организационного характера совершения присвоения либо растраты различных объектов собственности, как вверенного имущества рассматривались в научных работах многих правоведов [1, с. 75–84; 2, с. 165–170; 3, с. 105–110]. Между тем в доктрине отсутствуют публикации, научно осмысляющие проблемные аспекты хищения топлива в сельскохозяй-

ственных организациях. Ежегодный рост подобных фактов вызвал негативную реакцию со стороны Главы государства. На одном из селекторных совещаний по уборочной кампании было доведено, что на экваторе посевной кампании 2024 г. выявлено 142 преступления (в основном похитили топливо, при этом изъято более 50 т) [4].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2008 г. № 1917 «О некоторых вопросах использования горюче-смазочных материалов в организациях» установлено, что в сельскохозяйственные и иные организации, их обособленные и структурные подразделения, выполняющие работы, связанные с производством сельскохозяйственной продукции, дизельное топливо поставляется окрашенным в зеленый цвет, автомобильный бензин АИ-92 – в оранжевый цвет. Наряду с этим в ст. 13.23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) используется термин «окрашенное нефтяное жидкое топливо». Полагаем, что законодатель целенаправленно применил определение «окрашенное нефтяное жидкое топливо», чтобы провести грань, позволяющую отграничивать предмет правонарушения, и тем самым повысить качество работы правоохранительных органов.

Такие меры окрашивания топлива начали принимать в целях предотвращения хищения и незаконного оборота топлива. Водители, которые работают на государственном автотранспорте, пытаются похищать топливо и продавать его. В погоне за экономией автолюбители идут на различные ухищрения, порой заправляясь на стороне, у знакомого тракториста, который может предложить более выгодные (по сравнению с автомобильными заправочными станциями) цены на дизельное топливо.

К тому же актуальность обозначенной проблемы подтверждается и судебной практикой. Приведем несколько примеров:

5 июня 2024 года судом Пружанского района рассмотрено уголовное дело в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК. Обвиняемый Б., работая трактористом-машинистом сельскохозяйственного производства и являясь материально-ответственным лицом сельскохозяйственного унитарного предприятия Пружанского района, в период с марта по апрель 2024 года, с корыстной целью, похитил дизельное топливо из топливного бака трактора, присвоив таким образом топливо в количестве 415 литров на общую сумму 876,48 рубля, чем причинил имущественный ущерб аграрному предприятию [5].

31 мая 2024 года суд Шкловского района рассмотрел уголовное дело в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК. Установлено, что обвиняемый Д., работая трактористом-машинистом в одном из сельскохозяйственных пред-

приятый Шкловского района, являясь материально-ответственным лицом, которому вверено имущество, с января по 19 апреля 2024 года совершал хищение дизельного топлива из топливного бака, закрепленного за ним трактора. Всего обвиняемый присвоил вверенное ему в подотчет дизельное топливо в количестве 320 литров на общую сумму 691 рубль 20 копеек [6].

Установлено, что обвиняемый 21-летний водитель сельхозпредприятия в феврале 2024 года с использованием самодельного приспособления «накручивал» пройденный машиной километраж, создавая таким образом излишки бензина. В путевых листах он отражал завышенный по продолжительности движения маршрут. Незрасходованные 388 литров топлива мужчина впоследствии похитил, чем причинил организации ущерб в сумме свыше 800 рублей [7].

Исходя из этого, представляется, что данная группа преступлений, в большей степени, является продолжаемой. В отдельных случаях преступное намерение лица может пресекаться на первых этапах хищения, когда ущерб похищенного будет исключать уголовную ответственность (менее десятикратного размера базовой величины). Следовательно, речь будет вестись об административном правонарушении, предусмотренном ст. 11.1 «Мелкое хищение» КоАП.

Однако на практике возникает вопрос: «Что делать с выявленным окрашенным нефтяным жидким топливом?» В ст. 11.1 КоАП указано, что похищенное имущество передается владельцу. Но возникает ряд вопросов, касающихся ч. 3 ст. 13.23 КоАП, при хранении похищенного топлива. В санкции указанного административного правонарушения отсутствует конфискация, и передача законному владельцу не представляется возможной. Более того, положения о специальной конфискации, предусмотренные ч. 3 ст. 6.9 КоАП, не распространяются на окрашенное нефтяное жидкое топливо. Определено лишь принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства: вещей, изъятых из оборота; незаконных орудий охоты и добычи рыбы и других водных животных либо озерно-речной рыбы и других водных животных, торговля которыми осуществлялась в неустановленных местах, и незаконных средств сбора грибов, других дикорастущих растений или их частей (плодов, ягод, семян).

К тому же при ведении административного процесса могут быть выявлены и иные факты (например, лицо не похищало топливо, но в то же время приобрело у лица, которое растратило его посредством продажи либо реализовало иным образом). В данном случае такое лицо будет нести ответственность за хранение. В диспозиции ч. 3 ст. 13.23 КоАП также оговорены и другие способы совершения правонарушения: приобре-

тение, использование или реализация физическими лицами окрашенного нефтяного жидкого топлива, поставляемого в установленном порядке в организации, выполняющие работы, связанные с производством сельскохозяйственной продукции. И такими действиями виновного причиняется ущерб государству в лице отдельных сельскохозяйственных организаций, даже если они не установлены, однако реализовать основные начала административного процесса не представляется возможным.

В уголовном законодательстве данная проблема урегулирована. Так, в ст. 46¹ УК указано, что имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем, подлежит специальной конфискации. Данные нормы нельзя имплементировать в административно-деликтное законодательство, так как одним из видов административных взысканий является конфискация, которая направлена на достижение сходных задач. Однако главным ее условием является указание в санкции того или иного состава административного правонарушения.

В этой связи предлагается дополнить перечень о применении специальной конфискации окрашенного нефтяного жидкого топлива в порядке законодательства об административной ответственности, что позволит дополнительно защищать интересы государства.

В заявленном аспекте следует отметить, что в рамках уголовного законодательства не исключены случаи применения специальной конфискации транспортного средства, когда преступник использует его в качестве средства совершения преступления для вывоза имущества при хищении. Например, перевозит полученные канистры с топливом на собственном транспортном средстве для последующего присвоения либо растраты [8, с. 70].

Хищения путем присвоения либо растраты топлива носят, как правило, замаскированный характер и выявляются чаще всего оперативными сотрудниками по борьбе с экономическими преступлениями. Выявлению таких преступлений предшествует инициативный поиск оперативных сотрудников, включающий в себя следующие последовательно осуществляемые этапы:

- получение оперативно-розыскным путем первичной информации о признаках хищений путем присвоения или растраты;

- оперативную проверку выявленных признаков в целях установления причинной связи между выявляемыми признаками и фактами присвоения или растраты топлива, а также документирования преступных действий проверяемых лиц;

- реализацию материалов оперативной проверки, обеспечивающую последующее привлечение проверяемых лиц к уголовной ответственности [9, с. 99–100].

Присвоение либо растрата топлива является серьезной проблемой, которая требует комплексного подхода к решению. Внедрение современных технологий, эффективных управленческих стратегий и совершенствования действующего законодательства позволит значительно снизить риски и повысить эффективность использования ресурсов. Главным приоритетом должны стать систематический контроль и прозрачность всех операций, связанных с использованием топлива. Это позволит не только избежать потерь, но и создать более устойчивую экономику внутри предприятия.

Список использованных источников

1. Токманцев, Д.В. К вопросу о способах совершения хищения наркотических средств или психотропных веществ / Д.В. Токманцев // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 75–84.
2. Горбунова, С.Э. Особенности объективной стороны присвоения и растраты, совершаемых в финансово-кредитных организациях / С.Э. Горбунова // Проблемы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 165–170.
3. Коковина, Т.А. Особенности подготовки объектов исследования и назначения бухгалтерских экспертиз при расследовании присвоения или растраты либо злоупотребления доверием, совершенных в отделениях почтовой связи / Т.А. Коковина, Л.В. Федотова, А.А. Чадаева // Научный портал МВД России. – 2022. – № 4. – С. 105–110.
4. Селекторное совещание по вопросам уборочной кампании и преодоления последствий стихии // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/selektornoe-sovesanie-po-voprosam-uborocnoj-kampanii> (дата обращения: 11.07.2025).
5. Судом Пружанского района постановлен приговор по уголовному делу о присвоении дизельного топлива // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://www.court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/1a57d2c9a3f842a0.html (дата обращения: 11.07.2025).
6. Судом Шкловского района постановлен приговор по уголовному делу о присвоении имущества // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://www.court.gov.by/ru/mogilevskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/3ec9d9d655704ac1.html (дата обращения: 11.07.2025).
7. Барановичская межрайпрокуратура: «смекалка» водителя по экономии вверенного топлива привела его к уголовной ответственности // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/baranovichskaya-mezh031024/> (дата обращения: 11.07.2025).
8. Марчук, В.В. О применении специальной конфискации транспортных средств, использованных при совершении преступления / В.В. Марчук // Pravo.by. – 2024. – № 5. – С. 70.
9. Расследование преступлений в сфере экономики : учеб. пособие / В.Ю. Алферов, Е.Т. Барбакадзе, К.И. Богомолова [и др.]. – Саратов : Саратов. соц.-экон.

ин-т (фил.) федер. гос. бюджет. образоват. учреждения высш. образования «Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова», 2018. – 312 с.

УДК 343.541

Я.С. Нестерович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.А. Шаматұльський*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Т.Л. Горсель*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В историческом аспекте рассматривается развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы на основе анализа соответствующих положений памятников права, действовавших на территории Беларуси, входившей в различные исторические периоды в состав Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Союза Советских Социалистических Республик.

Сегодня перед обществом достаточно остро стоит вопрос квалификации и наказуемости преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы. Преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы отведена гл. 20 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь [1]. Основными преступлениями, традиционно выделяемыми среди преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, являются изнасилование (ст. 166 УК Республики Беларусь) и насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК Республики Беларусь). Так, в 2023 г. зафиксировано 522 преступления против половой неприкосновенности или половой свободы, из которых 66 являются изнасилованиями и еще 139 – насильственными действиями сексуального характера [2]. Здесь же следует отметить, что согласно ст. 12 УК Республики Беларусь составы большинства преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы являются тяжкими либо особо тяжкими преступлениями. Это обусловлено их высокой степенью общественной опасности и особой тяжестью последствий. Но всегда ли было так? Именно поиском ответа на данный вопрос и обусловлена актуальность работы.

С середины XIII и до конца XVIII вв. земли современной Беларуси входили в состав Великого Княжества Литовского как фактически независимое государство, а также в состав Речи Посполитой в качестве одной из двух основных составных частей федерации. По этой причине сегодня справедливо относят Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (далее – Статут 1529 г.) – первый систематизированный свод законов Великого Княжества Литовского – как один из основных памятников истории права Беларуси. Так, в арт. 6 «Об изнасиловании женщины и девушки» разд. 7 «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей» говорится: «Если бы кто-либо изнасиловал женщину или девушку независимо от ее сословного положения, высшего или низшего, и эта женщина или девушка звала на помощь, а на ее крик прибежали бы люди, и она показала бы им следы насилия, а потом привлекла бы насильника к суду и представила двух или трех свидетелей и при этих свидетелях принесла бы единоличную присягу, то такой насильник должен быть приговорен к смертной казни <...> а если бы женщина или девушка не могла позвать на помощь, но как только она была бы отпущена после совершенного насилия и рассказала об этом людям, а затем привлекла насильника к суду и представила бы тех людей в качестве свидетелей, то насильник должен быть наказан так, как об этом написано выше» [3]. Состав преступления включал в себя описание преступления, т. е. конкретизировал, что наказуемым является деяние в форме действия, а именно вступление в половую связь, сопряженное с применением насилия в отношении потерпевшей («и она показала бы им следы насилия»), а также вступление в половую связь с использованием беспомощного состояния потерпевшей («а если бы женщина или девушка не могла позвать на помощь»). Эти характерные, квалифицирующие черты составов мы сегодня можем увидеть в ряде статей гл. 20 УК Республики Беларусь. Исходя из нормы, изложенной выше, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что согласно общепринятой периодизации времени, 1529 г. относится к Позднему Средневековью, который также связан с начинающейся так называемой эпохой Возрождения, в Статуте 1529 г. утрачена зависимость от сословной принадлежности виновного и потерпевшего, что является прямым свидетельством принципа гуманизма и новшеством для юридической техники Средневековья. Кроме того, в упомянутом выше артикуле говорится: «... если бы пострадавшая пожелала бы выйти за него замуж, то это в ее воле...». Данная правовая норма, изданная в XVI в., получила закрепление и в наше время. Так, в примечании к ст. 168 УК Республики Беларусь говорится: «лицо ... освобождается от уголовной ответственности, если бу-

дет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей» – это и есть прямое свидетельство преемственности права.

Следующим памятником истории права Беларуси считается Статут Великого княжества Литовского 1566 г. (далее – Статут 1566 г.). В данном своде законов из Статута 1529 г. «перекочевала» правовая норма о наказуемости изнасилования в понимании того времени. Она размещена в разд. 11 «О насилии и об убийствах шляхтичей» [4].

Венцом юридической мысли и техники Позднего Средневековья принято считать Статут Великого княжества Литовского 1588 г. (далее – Статут 1588 г.). Как и в предыдущих Статутах, в Статуте 1588 г. сохранилась правовая норма охраны половой свободы. Однако, в отличие от Статутов 1529 и 1566 гг., в Статуте 1588 г. в диспозиции арт. 12 разд. 11 говорится следующее: «<...> А калі б у такім месцы гвалт здарыўся, дзе б маглі людзі чуць крык, але дзяўчына або жанчына не крычала б аб гвалце, а толькі пасля б аб тым расказала людзям, тады тое апавяданне за гвалт разумецца не можа, а той абгавораны аб абвінавачванні ў гвалце свабодны быць павінен» [5]. Было бы правильно полагать, что дополнение диспозиции подобным содержанием стало одним из первых примеров правоприменительной практики, который в первую очередь был направлен на становление и развитие института презумпции невиновности.

В конце XIII – начале XIX вв. территория современной Беларуси практически целиком оказалась в составе Российской империи. В 1845 г. было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое представляло собой фактически первый Уголовный кодекс в истории России. Здесь же, в гл. 6 «Об оскорблениях чести» раздела 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», посвящено целое отделение, т. е. группа статей с одинаковым видовым объектом преступления, так называемым половым преступлением или преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы, которое именуется «О преступлениях против чести и целомудрия женщин» [6]. В данном отделении предусматриваются нормы, которые позволяют дифференцировать ответственность в зависимости от возраста потерпевшей: если в одной из статей речь в диспозиции идет о «растлении девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста», то далее за ней следует статья с диспозицией об «изнасиловании лица женского пола, имеющего более четырнадцати лет от роду». Здесь же следует отметить, что насилие при «растлении девицы» расценивается как квалифицированный вид деяния и указывает на законодательное выделение как самостоятельного объекта уголов-

но-правовой охраны половую неприкосновенность личности, отличного от половой свободы, которая охранялась действующими нормативами за «изнасилование лица женского пола».

В начале XX в., в первые послереволюционные годы принятие решений основывалось на так называемом революционном правосознании. 24 июня 1922 г. Центральный исполнительный комитет ССРБ, являвшийся высшим органом государственной власти на территории Советской Белоруссии, издал постановление «О распространении действия Уголовного кодекса РСФСР на территорию ССР Белоруссии», тем самым с 1 июля 1922 г. на территории белорусского государства был введен в действие УК РСФСР 1922 г. [7]. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы вынесены здесь в отдельную категорию «Преступления в области половых отношений» гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» Особенной части УК РСФСР 1922 г. [8]. К таковым преступлениям относили как насильственные действия (изнасилование), так и ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность (половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, развращение малолетних путем совершения развратных действий). Кроме того, в разряд преступлений в области половых отношений относили также сводничество, содержание притонов разврата, вербовка женщин для проституции. Само же изнасилование, согласно УК РСФСР 1922 г., определялось как «... половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица». Здесь следует обратить внимание, что при подобной формулировке диспозиции и признаков состава изнасилования вполне логично говорить о возможности квалификации изнасилования потерпевшего-мужчины.

После создания 30 декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик, куда вошла и Белорусская ССР, была принята и Конституция СССР. 31 октября 1924 г. ЦИК СССР принял Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основные начала уголовного законодательства) [9]. Согласно Основным началам уголовного законодательства выделяется две категории преступлений: к первой из них отнесены преступления, направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными, тогда как ко второй категории отнесены все остальные преступления. Если в первой категории в УК союзных республик определялся предел, ниже которого суд не мог назначить наказание, то за вторую категорию преступлений уголовные законы определяли лишь высший предел. В духе

Основных начал уголовного законодательства в 1928 г. в Белорусской ССР был принят свой УК. В нем уголовно-правовая регламентация понятия изнасилования была дополнена признаками, конкретизирующими и определяющими направленность применяемого при изнасиловании психического насилия [10]. Согласно ст. 235 УК Белорусской ССР 1928 г. изнасилованием признавались половые сношения с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица. Максимальным наказанием за данное преступление являлось лишение свободы до пяти лет со строгой или без строгой изоляции, тогда как если последствием указанных выше деяний стало самоубийство или тяжелая болезнь потерпевшего лица или если они совершены группой из трех лиц и более или над лицом, не достигшим половой зрелости, – максимальная санкция возрастала до лишения свободы со строгой изоляцией до десяти лет. В 1934 г. в УК Белорусской ССР были внесены дополнения, в частности была добавлена ст. 235¹, устанавливающая уголовную ответственность за мужеложство [11]. Следует отметить, что здесь произошло ошибочное отождествление объектов уголовно-правовой охраны при регламентации в единой правовой норме УК ответственности за ненасильственное мужеложство, как преступление, посягающее на мораль социалистического общества. Санкция по данной статье предусматривала лишение свободы на срок от пяти до восьми лет.

В 1960 г. был принят новый УК Белорусской ССР, который вступил в действие с 1 апреля 1961 г. [12]. Согласно УК Белорусской ССР 1960 г. преступления против половой неприкосновенности или половой свободы в количестве пяти составов были размещены в гл. 8 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Так, уголовным законом признавались преступными изнасилование, понуждение женщины к вступлению в половую связь, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, развратные действия, а также мужеложство. УК Белорусской ССР 1960 г. действовал на протяжении почти 40 лет, пока в 1999 г. не был принят первый после обретения независимости УК Республики Беларусь, вступивший в действие с 1 января 2001 г.

Таким образом, история становления и развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы на территории Беларуси насчитывает порядка 500 лет. Еще в Статуте 1529 г. существовали нормы, охраняющие половую свободу от преступных посягательств. С тех пор неоднократно в источники уголовного права разных лет вносились

изменения и дополнения. Характерной чертой совершенствования уголовного закона стала преемственность. Так, правовые положения, существовавшие еще в нормах Статутов Великого княжества Литовского и других кодифицированных нормативных правовых актов, сегодня нашли свое отражение в нормах УК Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 марта 2023 г. № 256-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.04.2025).

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 год // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/69694c4d3e774d6e.html (дата обращения: 10.04.2025).

3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года // Pravo.by. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_s.131-217.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года // Pravo.by. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vialikaha_Kniastva_Litouskaha_1566_g_ctr.37-263_nrb_optim.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 // Pravo.by. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. – URL: <https://www.prilib.ru/item/459770> (дата обращения: 10.04.2025).

7. О распространении действия Уголовного кодекса РСФСР на территории ССР Белоруссии : постановление Центр. исполн. ком. ССР Белоруссии от 24 июня 1922 г. // Национальная библиотека Беларуси. – URL: https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/st_80_o_rasprostr_dejstv_ugol_kodeksa.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

8. Уголовный кодекс РСФСР : введ. в действие постановлением Всерос. Центр. исполн. ком. РСФСР от 1 июня 1922 г. // Pravo.by. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

9. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : постановление Центр. исполн. ком. Союза ССР от 31 окт. 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm (дата обращения: 10.04.2025).

10. Уголовный кодекс Белорусской ССР // Pravo.by. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

11. Об изменении ст. 235¹ Уголовного кодекса : постановление Центр. исполн. ком. и Совета нар. комиссаров Белорусской ССР от 30 апр. 1934 г. // Собра-

ние законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1934. – № 17. – Ст. 88.

12. Об утверждении Уголовного кодекса Белорусской ССР : Закон Белорус. ССР от 29 дек. 1960 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.04.2025).

УДК 343.8

А.В. Полякович, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тут*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Проводится анализ дефиниции «эффективность» как с позиций ее доктринального видения, так и нормативного отражения. Кроме этого, проводится нормативный анализ наказания в виде общественных работ на предмет выявления аспектов, препятствующих эффективной реализации данного вида наказания на практике. Показывается, что существующий правовой механизм, регламентирующий исполнение наказаний в виде общественных работ, не позволяет выстроить систему эффективных мер уголовно-правового воздействия на осужденных. На основании проведенного исследования предлагаются направления совершенствования эффективности исполнения наказания в виде общественных работ.

Общественные работы, не связанные с изоляцией осужденных, являются важным элементом системы уголовной ответственности и способствуют формированию привычки трудиться. Законодатель стремится к реинтеграции осужденных в общество без разрыва социальных связей. Однако на практике суды назначают общественные работы лицам с асоциальным образом жизни, что снижает их эффективность. Необходимо проанализировать проблему и предложить решения для повышения воздействия общественных работ на осужденных и их успешной реинтеграции.

Говоря об эффективности реализации уголовной ответственности в целом, отметим, что в доктрине уголовного права указанная проблема получила достаточное освещение. По мнению В.Н. Кудрявцева, служебная роль права была бы сведена к нулю, если бы оно не было эффективным [1, с. 59]. Понимание феномена эффективности позволяет экстра-

полировать его суть на институт уголовной ответственности, что подтверждается схожестью взглядов исследователей на эту проблему. Так, Р.Б. Осокин эффективность реализации уголовной ответственности видит сквозь призму компонентов механизма эффективности уголовного закона: криминологическая и политическая обоснованность уголовно-правовой нормы, качественная сформулированность последней, а также возможность применения нормы на практике для достижения целей, предусмотренных законодательными актами [2, с. 115]. П.Л. Сухихин и Л.А. Попова под эффективностью реализации уголовной ответственности понимают законодательно-закрепленный комплекс уголовно-правовых норм, который обеспечивает достижение целей уголовной ответственности. При этом закрепленный комплекс норм должен обеспечивать неразрывную связь государства, общества и закона на основе традиционных ценностей [3, с. 76]. По мнению Е.Г. Терешенко, эффективность реализации уголовной ответственности – это соответствие достигнутого результата в достижении целей уголовной ответственности с объемом организационно-правовых и материальных ресурсов, запланированных для достижения цели [4, с. 136]. Таким образом, ключевым критерием эффективности реализации уголовной ответственности является достижение ее целей с минимальными организационно-управленческими и материальными затратами.

Контент-анализ законодательства Республики Беларусь показывает, что концептуальные основы эффективного законодательства содержатся в Указе Президента Республики Беларусь от 28 июня 2024 г. № 196 «О Концепции правовой политики» (далее – Указ № 196). Хотя Указ № 196 не закрепляет понятие эффективности уголовной ответственности, его цели подразумевают институализацию этой дефиниции в отраслевых нормативных актах. Достижение целей должно осуществляться через алгоритмы правотворческих решений, позволяющих экономно использовать организационно-управленческие ресурсы. Указ № 196 также подчеркивает необходимость выявления причинно-следственных связей в правоприменительной деятельности. В совокупности эти подходы формируют концепт эффективности правотворческих и правоприменительных практик в Беларуси, где достижение целей является ключевым критерием эффективности.

Отталкиваясь от вышеизложенного, в аспекте эффективности правоприменительной деятельности, связанной с исполнением наказания в виде общественных работ, можно считать достигнутые цели уголовной ответственности в качестве главного критерия эффективности исполнения рассматриваемого вида наказания.

Таким образом, анализ повышения эффективности общественных работ как меры уголовно-правового воздействия следует начать с анализа целей, уголовной ответственности, соотнеся их с целями наказания и организационно-правовым механизмом исполнения рассматриваемого вида наказания. Исходя из полученного результата, можно будет сделать вывод об эффективности общественных работ, а также предложить направления совершенствования исполнения рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия на осужденных.

Реализация уголовной ответственности, в соответствии с ч. 2 ст. 44 УК, преследует такие цели, как:

- 1) исправление лица, совершившего преступление;
- 2) предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами.

Кроме этого, в соответствии с ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) уголовная ответственность предусматривает восстановление социальной справедливости. Иными словами, осужденный должен ощутить на себе негативные последствия своего противоправного поведения посредством наложения на последнего судом правоограничений, предусмотренных УК.

В соответствии с ч. 2 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) под исправлением осужденного понимается «формирование у него готовности к ведению правопослушного образа жизни». Для того чтобы цели уголовной ответственности были достигнуты, законодателем в ч. 3 ст. 7 УИК закреплены средства достижения уголовной ответственности, комплексная реализация которых позволит оказать воздействие на правосознание осужденного и сформировать у последнего готовность к ведению правопослушного образа жизни. К средствам достижения целей уголовной ответственности относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие. Помимо указанных, в соответствии с ч. 3 ст. 7 УИК могут применяться иные средства исправления, не противоречащие порядку исполнения и отбывания наказания, которые направлены на приобретение значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодоление негативных черт личности.

Таким образом, законодателем закреплён организационно-правовой механизм реализации уголовной ответственности, позволяющий выстраивать гибкую модель уголовно-правового воздействия на осужденных для достижения целей наказания и уголовной ответственности, что

выступает определяющим критерием эффективности исполнения наказания в виде общественных работ.

Характерной особенностью наказания, а общественных работ в особенности, является обязательное привлечение к труду осужденных, а также строгое выполнение порядка и условий отбывания наказания. Являясь одним из средств исправления, труд позволяет сформировать у осужденного положительные качества и навыки, необходимые последнему для ведения правопослушного образа жизни после освобождения от отбывания наказания. Это делает его краеугольным элементом процесса реализации уголовной ответственности, что, как правильно отметил П.В. Тепляшин, делает его императивным субинститутом уголовно-исполнительного права [5, с. 214], т. е. применяемым перманентно – в процессе всего периода отбывания наказания. При этом у осужденного нет оснований не участвовать в трудовой деятельности, а сам факт уклонения является нарушением порядка и условий отбывания наказания, за которое к осужденному должны быть применены меры воздействия.

Таким образом, наказание будет эффективным, если осужденный в процессе отбывания наказания сознательно будет заниматься общественно полезным трудом и, обязательно, подчиняясь установленному порядку и условиям отбывания наказания. В связи с этим правильно отмечено В.С. Шабалем, что без обязательного соблюдения осужденным порядка и условий отбывания наказания, без занятия общественно полезным трудом, сложно выработать у последнего правомерные модели поведения [6, с. 94–96]. Иными словами, если осужденный сознательно уклоняется от выполнения требований приговора суда, то сформировать у осужденного готовность к «правопослушному образу жизни», как того требует ч. 2 ст. 7 УИК, нельзя.

Необходимость достижения целей уголовной ответственности для эффективного исполнения наказания в виде общественных работ подчеркивает целесообразность изучения возможности корректировки УК для повышения эффективности этого вида наказания.

В соответствии с положениями ст. 49 УК «Общественные работы устанавливаются на срок от шестидесяти до трехсот шестидесяти часов.

Осужденными, получающими образование либо имеющими постоянное место работы, общественные работы отбываются не свыше четырех часов в день в свободное от учебы или основной работы время. Осужденными, не получающими образование и не имеющими постоянного места работы, общественные работы с их согласия могут отбываться свыше четырех, но не более восьми часов в день».

Исполнение наказания в виде общественных работ требует участия осужденного в бесплатном труде на благо общества, определяемом соответствующими органами. Согласно гл. 4 УИК уголовно-исполнительные инспекции организуют выполнение наказания по месту жительства осужденных на объектах, согласованных с местными органами. И.М. Купrienko отмечает, что привлечение осужденного к общественно полезному труду помогает компенсировать причиненный обществу вред и способствует переосмыслению его поведения [7, с. 98]. Работы выполняются по месту жительства осужденного, что позволяет ему находиться на виду у соседей и родственников. Эта система принудительной социализации формирует у осужденного привычку работать на пользу общества.

Одним из препятствий эффективному применению общественных работ является недостаток стимулов для добросовестного выполнения наказания. Согласно ч. 6 ст. 49 УК злостное уклонение может привести к замене общественных работ арестом или ограничением свободы, что позволяет осужденным избежать ежедневного выполнения работ. Эта возможность провоцирует уклонение от отбывания наказания, так как арест и ограничение свободы требуют меньших усилий.

В данном случае одним из факторов, провоцирующих неправомерное поведение, является отсутствие перспективы применения более строгого наказания. В результате не достигается цель наказания – формирование готовности к правопослушному образу жизни, а осужденный стремится облегчить условия отбывания наказания. Возможность уклониться от наказания создает искаженное представление о законе и правилах поведения, что может подтолкнуть осужденного к совершению более опасных деяний.

Для того чтобы предупредить злостное уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ, целесообразно выстраивание системы императивных мер, направленных на формирование строгих мер реагирования правоприменителем при злостном уклонении осужденного к общественным работам от отбывания наказания.

Для повышения эффективности общественных работ можно рассмотреть российский опыт, где предусмотрены меры реагирования на уклонение осужденного от обязательных работ. Согласно ч. 3 ст. 49 Уголовного кодекса Российской Федерации злостное уклонение приводит к замене наказания на принудительные работы или лишение свободы, при этом время отбывания обязательных работ учитывается при определении нового срока. Российское законодательство применяет более жесткие меры к уклоняющимся осужденным, однако такая практика может

не иметь решающего значения в Беларуси из-за особенностей исполнения наказания. В Республике Беларусь сроки лишения свободы (от шести месяцев) могут не позволить полностью достичь цели исправления осужденного. Проблема усугубляется тем, что уклоняющиеся от наказания лица уже имеют негативную направленность поведения и нежелание выполнять требования суда.

Проблема требует разработки механизма стимулирования правоопослушного поведения осужденных с начала отбывания наказания в виде общественных работ. Для этого целесообразно закрепить в кодексах концепт, повышающий мотивацию к выполнению требований суда, основанный на угрозе более строгого наказания. Осужденные, уклоняющиеся от общественных работ в надежде на замену арестом, формируют антисоциальную модель поведения. Эта привычка уклоняться может стать основой для рецидивных преступлений. Замена наказания на короткий срок лишения свободы не обеспечит эффективного исправительного воздействия на осужденного.

Для решения указанной проблемы представляется правильным решением закрепление видоизмененного алгоритма реализации общественных работ. Для этого стоит обратить внимание на положения ст. 77, 78 УК. В соответствии с ч. 4 ст. 77 и ч. 5 ст. 78 УК суд, в случае осуждения с отсрочкой от отбывания наказания либо осуждения с условным неприменением наказания, может назначить осужденному обязанность выполнить в определенном объеме общественно полезные работы от тридцати до ста двадцати часов. Организация выполнения указанной обязанности, в соответствии с ч. 4 ст. 178 УИК, возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию, командование воинской части, а в отношении несовершеннолетнего – на инспекцию по делам несовершеннолетних. При этом порядок и условия выполнения общественно полезных работ осуществляются по правилам гл. 4 УИК, которая закрепляет организационно-правовой механизм исполнения наказания в виде общественных работ. Таким образом, концептуально назначаемая в рамках ч. 4 ст. 77 и ч. 5 ст. 78 УК осужденному обязанность выполнить общественно полезные работы по организационно-правовому механизму коррелирует с сущностью наказания в виде общественных работ.

При этом необходимо отметить, что в случае, если осужденный не отработает назначенные общественно полезные работы в рамках ч. 4 ст. 77 и ч. 5 ст. 78 УК, то в соответствии с положениями ч. 6 ст. 77 и ч. 7 ст. 78 УК вправе отменить отсрочку, либо испытательный срок и применить лишение свободы. Таким образом, если осужденный откажется отработать хотя бы даже один час общественно полезных работ, то данный поступок

будет расцениваться как основание для отмены отсрочки исполнения наказания в виде лишения свободы либо условного неприменения наказания и направления осужденного для отбывания наказания по приговору.

В связи с изложенным предлагается исключить общественные работы из перечня видов наказаний, закрепленных в ч. 1 ст. 48 УК (включая ст. 49 УК). Одновременно с этим необходимо расширить закрепленный в ст. 77 и ст. 78 УК размер общественно полезных работ в размере от тридцати до трехста шестидесяти часов. При этом целесообразно закрепить выполнение общественно полезных работ в обязательном порядке, а не на альтернативной основе для всех категорий лиц, осуждаемых к отсрочке исполнения наказания и условному неприменению наказания. Таким образом, общественные работы будут полностью перенесены из видов наказаний в институт иных мер уголовной ответственности.

Указанный шаг позволит суду назначать и исполнять общественные работы в рамках реализации иных мер уголовной ответственности, а не наказания. В свою очередь, отсрочка исполнения наказания в виде лишения свободы, предусмотренная ст. 77 УК, и условное неприменение наказания, предусмотренное ст. 78 УК, предполагают назначение осужденному наказания в виде лишения свободы и его неприменение в случае, если осужденный в течение определенного испытательного срока либо срока отсрочки назначенного наказания проявит законопослушное поведение, как того требуют положения ст. 77, 78 УК. В случае если осужденный не оправдает доверия, которое ему было оказано судом, и нарушит условия, которые указаны в решении суда, то тогда к нему будет применено наказание в виде лишения свободы.

Таким образом, мера уголовно-правового воздействия на осужденного будет гуманной, не связанной с лишением свободы. Однако при уклонении от выполнения требований отсрочки наказания суд может отменить ее и заменить реальным лишением свободы. В этом случае осужденный должен будет отбыть минимум шесть месяцев, что станет стимулом для добросовестного исполнения требований приговора и условием для достижения цели исправления.

Применение общественно полезных работ станет одной из альтернатив для судов при назначении мер уголовной ответственности. Увеличение срока таких работ позволит суду более дифференцированно подходить к отсрочке исполнения наказания или условному неприменению наказания. Имплементация предлагаемых изменений в законодательство повысит эффективность уголовной ответственности, не изменяя ее концепцию. Это соответствует абз. 43.3 Указа № 196, который призывает расширять применение альтернативных наказаний для менее тяжких преступлений и преступлений с низкой общественной опасностью.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

существующий организационно-правовой механизм исполнения наказания в виде общественных работ не обеспечивает достижение целей уголовной ответственности из-за отсутствия эффективных норм, препятствующих неправомерному поведению осужденных. Это создает возможность уклонения от отбывания наказания с целью замены его арестом или ограничением свободы, что искажает правосознание осужденного и формирует привычку игнорировать закон, влияя на его повседневную жизнь даже после освобождения;

оптимальным шагом для повышения эффективности общественных работ будет их перенос из категории наказаний в группу иных мер уголовной ответственности. Это предполагает исключение общественных работ из перечня наказаний в ч. 1 ст. 48 УК и расширение возможностей их назначения при отсрочке или условном неприменении наказания. Для дифференциации мер необходимо увеличить количество часов общественно полезных работ, которые могут назначаться от 30 до 360 часов.

Это позволит стимулировать поведение лиц, которым назначено наказание в виде общественно полезных работ, под угрозой лишения свободы, а также тех, кто уклоняется от выполнения работ. Такой шаг повысит эффективность выполнения общественно полезных работ, не нарушая при этом основы уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В.Н. О структуре марксистско-социологической теории / В.Н. Кудрявцев. – М., 1970. – 90 с.
2. Осокин, Р.Б. К вопросу об эффективности уголовной ответственности за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов и предметов / Р.Б. Осокин // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 115.
3. Сурихин, П.Л. К вопросу о влиянии уголовно-процессуального законодательства на эффективность реализации уголовной ответственности / П.Л. Сурихин, Л.А. Попова // Вестник Сургутского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 76.
4. Терешенко, Е.Г. Эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок: направления совершенствования / Е.Г. Терешенко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – № 2. – С. 136.
5. Тепляшин, П.В. Воспитательная работа с осужденными как субинститут уголовно-исполнительного права / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 214.

6. Шабаль, В.С. Реализация средств исправления осужденных к лишению свободы : монография / В.С. Шабаль ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 272 с.

7. Купrienko, И.М. Карательные и социально направленные элементы наказания в виде общественных работ / И.М. Купrienko // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2015. – № 8. – С. 98.

УДК 340.114.5

А.И. Понкратенко, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Е.И. Стабровский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.А. Воронаев*

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Исследуются подходы к понятию правового сознания. Раскрывается характеристика правового сознания как формы общественного сознания. Анализируются личностные и культурно-исторические особенности правового сознания. Исследуется структура правового сознания.

В юридической литературе понятие правового сознания достаточно разработано. Обращение к теории правового сознания требует уяснения содержания рассматриваемого понятия. Результатом правовых исследований явился устоявшийся в науке подход к правовому сознанию как форме общественного сознания, психическому отражению действительности, совокупности взглядов, идей, представлений, отношению к праву. Достижения современной науки позволяют по-новому взглянуть на понятие и устоявшиеся характеристики правового сознания.

Понятие «правосознание» широко разработано в юридической литературе. Юридические исследования привели к выработке устоявшегося научного взгляда на правосознание как на форму общественного сознания, интеллектуальное отражение действительности, совокупность взглядов, представлений и задумок, а также отношения к закону. Прогресс современной науки позволяет по-новому взглянуть на сущность и устоявшиеся черты правового сознания.

В советской юридической науке теория правового сознания оформлялась, базируясь на советской психологии сознания и методологических подходах юридической науки.

Основываясь на достижениях советской теории правового сознания, большой вклад в разработку понятия «правосознание» внесли белорус-

ские правоведа. Так, Н.А. Горбаток определяет правосознание как одну из форм общественного сознания, представляющую собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права [1, с. 284]. Такие же позиции обнаруживаются у А.Ф. Вишневого и В.А. Кучинского.

Е.В. Боровая, изучая правосознание как важный фактор становления правового государства, расширяет его определение, включая в него оценочно-ценностные характеристики и социально-правовой самоконтроль тех, кто его формирует. По ее мнению, «под правовым сознанием следует понимать систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений и чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права, а также самооценка собственного правового поведения» [2, с. 104].

Е.М. Ефременко, исследуя правосознание молодежи, расширяет его определение, вводя социокультурный элемент и рассматривая правосознание в контексте эволюции правовой жизни. Она видит правосознание как «социокультурно обусловленную форму активного психического отражения личностью, социальной группой, обществом в целом правовой жизни общества в ее эволюции, определяющую рациональное, эмоциональное и мотивационно-деятельностное отношение субъектов к правовым явлениям» [3, с. 17].

Н.М. Юрашевич понимает правовое сознание как часть общественного сознания и одновременно как составляющую правовой действительности. Правовое сознание в данном контексте – это «система чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания), отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям в обществе; к прошлому, действующему и ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях» [4, с. 29].

И.Л. Вершок отмечает, что сущность правосознания «сводится к правдивому (правильному) осознанию индивидами социально-правовой действительности». И.Л. Вершок подчеркивает, что правосознание является особым видом сознания и представляет собой «сложный и комплексный волевой юридически значимый процесс правильного вос-

приятия, отражения, осмысления и выражения идеализированной в индивидуальном человеческом мышлении социально-правовой действительности» [5, с. 262].

Правовое сознание каждого человека носит личностный характер. При этом оно должно гармонично сочетаться с общественным правосознанием, т. е. в индивидуальном восприятии права должны находить отражение устоявшиеся в обществе правовые идеи, теории и взгляды. В современном обществе ключевым принципом общественного правосознания выступает признание высокой социальной значимости права и необходимость строгого соблюдения законности. Именно эта идея должна стать основой при проведении правового воспитания.

Правосознание, являясь одной из форм общественного сознания, не существует отдельно от других его видов, а функционирует во взаимосвязи с ними и зависит от них. Это обуславливает необходимость комплексного подхода к правовому воспитанию как способу формирования правового сознания. Влияя на правосознание, правовое воспитание одновременно затрагивает политические убеждения, моральные ценности, социально-культурные установки и другие аспекты человеческого сознания. В свою очередь, правовое сознание подвержено воздействию политических, нравственных и иных форм сознания.

Правосознание отражает отношение людей к действующему законодательству, их оценку его справедливости или несправедливости, стремление к улучшению правовой системы и внедрению новых норм, соответствующих общественным потребностям. Кроме того, оно включает в себя оценку поведения людей и организаций в правовой сфере, как законного, так и противоправного. Таким образом, правосознание выступает важным условием и предпосылкой как для создания права, так и для его эффективного применения.

Функционирование правосознания происходит в конкретных жизненных обстоятельствах, которые определены не только нормами права, но и иными регуляторами. Такое явление можно называть правовой реальностью.

Правовая реальность представляет собой объективное существование права, рассматриваемое вне зависимости от процесса его осмысления человеком. Она существует независимо от нашего восприятия или отношения к ней. В понятие правовой реальности включается само бытие права, а также другие правовые явления, выступающие самостоятельными образованиями в рамках определенной исторической эпохи. Однако лишь наличие действующего права и существование правовой реальности не дают полного представления о сущности правосознания.

Для понимания правосознания важно изучение культурных основ и традиций. Культурные традиции являются фундаментом правового сознания, поскольку они формируют моральные и этические ориентиры общества, которые впоследствии находят отражение в правовых нормах и практике их реализации. Эти идеи не только определяли содержание законов, но и способствовали их распространению среди населения через образовательные и культурные институты. В разных обществах исторические события и культурные ценности создают уникальную правовую культуру, которая влияет на восприятие права и его роль в жизни граждан.

Правовая культура включает в себя как материальные аспекты (государственные учреждения, технологии), так и информационные (накопление и передача юридических знаний), а также субъективные элементы (правовые убеждения граждан). Все эти компоненты тесно связаны с культурными традициями общества, которые обеспечивают устойчивость правосознания и его эволюцию.

Правовая реальность тесно переплетается с пространственно-временными характеристиками общества. Исторические условия формируют уникальные подходы к пониманию права, а культурные традиции обеспечивают преемственность этих подходов. Например, в условиях юридического плюрализма, когда государственные законы сосуществуют с религиозными нормами и обычным правом, культурные традиции играют важную роль в гармонизации этих систем.

Для полноценного понимания правосознания необходимо учитывать влияние культурных традиций как на содержание права, так и на восприятие его роли в обществе. Эти традиции обеспечивают историко-культурную определенность правовой реальности, делая ее уникальной для каждого конкретного времени и места.

Правосознание выступает одной из сторон правовой реальности, в которой оно приобретает конкретно-историческую (или историко-культурную) и пространственно-временную определенность.

Дефиниция правосознания многогранна и характеризуется множественностью взглядов, представлений, определяющих и отражающих отношение индивидуума к праву и правовым явлениям, правилам и стандартам отношений в обществе, их соответствие принципам справедливости.

В дефиницию правосознания включают:

систему знаний о праве, динамике исторического и современного состояния и соотношения прав и обязанностей;

отражение системы знаний и правовой реальности;

отношение индивидуума к системе действующего права, к поведению людей;

восприятие на основании эмоционально-ценностной и интеллектуальной оценки правовой реальности [6, с. 22].

Переходя к исследованию структуры правосознания, важно учитывать не только его отдельные составляющие, но и способы их взаимосвязи и взаимодействия. Такой подход позволяет получить представление не только о статическом составе элементов, но и об их развитии и изменениях во времени.

В традиционном понимании структура правосознания включает в себя два основных компонента: правовую идеологию и правовую психологию. Правовая идеология – это не просто набор взглядов, идей и убеждений, связанных с действующим правом, а средство для интерпретации правовых норм и устранения пробелов в праве. Правовая психология, в свою очередь, отражает эмоциональное восприятие и оценку права индивидами.

Правовая идеология охватывает все этапы нормотворческого и правоприменительного процессов, включает в себя идеи, концепции, а также оценку перспектив развития права, цели и задачи принятия различных правовых актов, как нормативного, так и правоприменительного характера, основные принципы права и конкретное содержание правового регулирования. В сравнении с правовой психологией, правовая идеология представляет собой более глубокое усвоение права, поскольку проникает в его сущность, природу и закономерности, определяя, каким должно быть совершенное право и какими средствами, методами и приемами обеспечивается его эффективность. Правовая идеология и правовая психология находятся в тесном взаимодействии друг с другом.

Правосознание включает в себя следующие компоненты:

1. Отражение правовой реальности – способность сознания на определенном уровне выстраивать связь окружающих процессов с правовыми предписаниями, устанавливающими обязательную модель поведения. Оно выступает в роли призмы, через которую общественное бытие проходит сквозь отношения, поддающиеся правовому регулированию. Правосознание присуще каждому человеку независимо от того, осознает ли он это или нет, и сопровождает его повсюду. При этом правосознание не тождественно праву: оно относится к сфере идеального, духовных представлений и ценностных ориентиров. Правосознание существует в пределах сознания, однако может быть познано опосредованно на основе правового поведения, как соответствующего нормам, так и нарушающего их.

2. Познание правовой реальности. В процессе познания правовой реальности ключевую роль играет мышление, являющееся наиболее

обобщенной и опосредованной формой психического отражения, которая устанавливает взаимосвязи между изучаемыми объектами и завершается формированием умозаключений. Познание представляет собой активную деятельность субъекта, включающую диалектические свойства и взаимосвязи существующих явлений. Следует отметить, что объективная реальность может существенно отличаться от субъективного образа правового мира.

3. Отношение к правовой реальности представляет собой восприятие данной сферы, основанное на эмоционально-ценностной оценке. Вместе с тем нельзя утверждать, что право является областью, полностью лишенной эмоционального компонента.

Таким образом, правосознание занимает свое место в системе общественного сознания и находится в непосредственном взаимодействии с другими его формами, обладая всеми характерными признаками, присущими общественному сознанию в целом. В связи с этим правосознание рассматривается как идеальное явление, которое не поддается прямому наблюдению. Оно представляет собой сложную и многогранную структуру, включающую в себя не только знание и понимание правовых норм, но и их восприятие, а также степень готовности соблюдать эти нормы в повседневной практике. Правосознание является одной из сторон правовой реальности, в рамках которой оно получает конкретно-историческую (или историко-культурную) и пространственно-временную конкретизацию. В структуру правового сознания входят как интеллектуальные, так и эмоционально-чувственные компоненты. Кроме того, правовое сознание охватывает процессы отражения, познания и отношения к правовой действительности. Общественное правосознание реализуется через индивидуальное правосознание, поскольку правовые идеи, теории и взгляды должны стать убеждениями конкретных личностей. При этом в каждом индивиде они воспринимаются с учетом его жизненного опыта и личностных особенностей. Формирование индивидуального правосознания зависит от уровня образования, жизненного опыта, воспитания, возраста, духовных ценностей и принадлежности к различным социальным группам.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.

2. Борщева, Е.В. Правосознание как форма общественного сознания / Е.В. Борщева // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2004. – № 2. – С. 104.
3. Ефременко, Е.М. Правосознание учащейся молодежи : монография / Е.М. Ефременко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 119 с.
4. Юрашевич, Н.М. Правосознание белорусского общества : монография / Н.М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 165 с.
5. Общая теория права : пособие / В.А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С.Г. Дробязко, С.А. Калинина. – Минск : БГУ, 2013. – 416 с.
6. Кученев, А.В. Современное понимание и структура правосознания / А.В. Кученев // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 22.

УДК 341.3

И.А. Прокопович, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – *О.А. Дементей*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *В.И. Павлов*

САМООБОРОНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Рассматривается проблематика интерпретации ст. 51 Устава ООН в части оснований для применения самообороны. Анализируются различные подходы к пониманию оснований для реализации права государств на самооборону, в том числе по критерию правомерности и на предмет возможности отнесения их к мерам принуждения в современном международном праве.

В современном международном праве институт принуждения предполагает собой особый механизм, направленный на недопущение совершения недружественных или противоправных действий со стороны другого государства и представленный реторсиями, санкциями и контрмерами.

Следует обратить внимание, что указанные меры международно-правового принуждения не относятся к формам международно-правовой ответственности. Так, по мнению Е.Ф. Довгань, «**реторсии** являются мерами ответного характера на правомерное, но не дружественное деяние другого государства. Недружественное деяние, хотя и может быть присвоено государству, не является международно-противоправным, поскольку не нарушает никаких международных обязательств. К реторсиям относят: отзыв посла из государства, совершившего недружественное деяние; выдворение из страны дипломатов государства, со-

вершившего недружественное деяние; запрещение въезда в страну или отмена визитов делегаций и др.» [1, с. 397].

В свою очередь, **«контрмеры** представляют собой ответные меры, принимаемые потерпевшим государством против государства, ответственного за международно-противоправное деяние, с целью побудить это государство выполнить его обязательства» [1, с. 397]. При этом к контрмерам в обязательном порядке применимы следующие условия, при которых они:

- не должны носить карательного характера, а быть направлены исключительно на то, чтобы побудить государство-нарушителя выполнить свои обязательства;

- должны носить только временный характер;

- не должны препятствовать возобновлению исполнения нарушенных обязательств;

- не могут затрагивать обязательства:

- воздерживаться от угрозы силой или ее применения;

- по защите основных прав человека;

- гуманитарного характера, запрещающие репрессалии;

- иные, вытекающие из императивных норм общего международного права [1, с. 393].

При определении третьего из перечисленных видов мер принуждения также обратимся к трудам Е.Ф. Довгань: **«санкции** – это принудительные меры, принимаемые в соответствии с учредительными документами какой-либо международной организации, особенно на основании гл. VII Устава ООН, т. е. это принудительные меры, принимаемые международными организациями против государств-членов в связи с нарушением права этих международных организаций, а также СБ ООН на основании гл. VII Устава ООН. Санкции не должны носить характер наказания, а должны применяться в целях побуждения выполнения международного обязательства» [1, с. 398].

Анализируя рассмотренные меры принуждения, нельзя не согласиться с мнением А.К. Курмановой и К.Е. Исмагуловым о том, что названные меры характеризуются главным признаком – правомерностью на основании норм международного права. Данные правоведы проводят различие между осуществлением мер принуждения и насилием: «в международном праве само понятие „принуждение“ имеет взаимосвязь с понятием силы, хотя эти институты не трактуются одинаково. Основываясь на международном законодательстве, можно отметить, что понятие „сила“ рассматривается как осуществление насильственных действий военного, политического и экономического характера. Ре-

ализация силы в международном сообществе понимается как принятие насильственных мер, имеющих на то законное или незаконное основание. В таком случае только применение силы, основанное на нормах международного права, и является принуждением в юридическом отношении» [2, с. 116].

Отметим, что применение рассмотренных мер принуждения, как уже было обозначено ранее, является обстоятельствами, которые исключают противоправность деяния государства.

Еще одним обстоятельством, относимым к данной категории, является факт применения **самообороны**. В современной геополитической обстановке указанный институт нашел свое различное толкование в доктрине международного права, в том числе зарубежной. Соответственно, в связи с наличием раздельных мнений применительно к данному термину, сформировалась определенная классификация способов реализации права государств на самооборону. В связи с вышеизложенным полагаем необходимым более подробно рассмотреть указанную классификацию в настоящей статье, поскольку отдельные способы реализации данного «права» по некоторым признакам также могут, по нашему мнению, косвенно относиться к мерам принуждения. Аргументация возможности или невозможности последнего видится актуальной в условиях применения концепции самообороны в современных вооруженных конфликтах.

Прежде всего обратимся к тексту одного из основных источников «института самообороны» – Уставу Организации Объединенных Наций (ООН) [3]. Так, в ст. 51 Устава ООН закреплено следующее положение: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает **неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации**, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности» *[выделено мною]*. – И. П.] [3, ст. 51].

Как указывает В. Антонов применительно к анализу рассматриваемой нормы, «вышеприведенное заявление представляется очевидной отправной точкой для проведения юридического анализа права государ-

ства на самооборону» [4, с. 151]. Далее автор акцентирует внимание на том, что при буквальном толковании указанной нормы возникает ряд существенных вопросов применительно к реализации данного «права». Например, В. Антонов указывает на то, что ст. 51 Устава ООН не регулирует вопрос о соответствии принимаемых мер при реализации самообороны критериям пропорциональности и необходимости. В данном доводе автор ссылается на доклад Э. Рукунаса, дополняя его следующим: «Принципы необходимости и соразмерности остаются ключевыми в том смысле, что они играют существенную роль в определении сферы допустимых действий в целях самообороны. И этот вопрос, вместе с концепцией вооруженного нападения, создает нормативную основу для самообороны. Иными словами, если против действий государства были приняты меры, отвечающие условиям вооруженного нападения, государство должно решить, необходим ли ответ; если ответ на этот вопрос положительный, страна должна выбрать меру, соответствующую требованиям пропорциональности» [4, с. 152].

Еще одним важным замечанием является условная неопределенность периода применения допустимой самообороны, который ограничен только моментом принятия Советом Безопасности ООН эффективных мер, необходимых для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Также в ходе анализа рассматриваемой нормы следует отметить, что право на самооборону есть только у государства, против которого было совершено вооруженное нападение. В последующем, в зарубежной доктрине международного права данное основание было существенно расширено критериями «неизбежности» и «отсутствием возможности предотвращения или отражения нападения иными методами». [4, с. 152]. В ходе оперирования указанными критериями можно прямо прийти к выводу о возможности применения превентивных мер в рамках самообороны.

При этом остается условно неопределенным критерий той степени тяжести деяния, составляющего незаконное использование вооруженной силы, чтобы этот акт мог быть классифицирован как вооруженное нападение по смыслу ст. 51 Устава ООН [4, с. 153]. В своем труде В. Антонов ставит проблемный вопрос, нерешенный до настоящего времени, об определении вооруженного нападения через призму «теории накопления», когда отдельные акты незаконного использования вооруженной силы, не являющиеся по отдельности «вооруженным нападением», в совокупности могут составлять данную категорию.

В целом следует согласиться с мнением И.З. Фархутдинова о том, что положения ст. 51 Устава ООН являются исключением по отноше-

нию к ст. 2 этого же международного учредительного договора: «Устав ООН в статье 51 закрепляет неотъемлемое право государств на самооборону „если произойдет вооруженное нападение“, а в ст. 2 (4) формирует исключение из общего запрета на применение силы. По смыслу нормы права ст. 2 Устава ООН использование государством угрозы силой или ее применение является незаконным, если это направлено „как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН“. То есть самооборона (ст. 51 Устава ООН), вместе с коллективными мерами, предпринятыми по решению СБ ООН с целью восстановления и поддержания международного мира и безопасности (гл. VII Устава ООН), являются исключением из принципа неприменения силы или угрозы силой (ст. 2.4 Устава ООН)» [5, с. 100].

Возвращаясь к возможности реализации самообороны в превентивной форме, с позиции доктринальных толкований, автор приходит к выводу об отсутствии достаточных научных обоснований ее применения. При этом он указывает на неопределенность предпосылок очевидной неизбежности вооруженного нападения. Это допускает различные интерпретации и, соответственно, формы реализации права государства на самооборону на примере «Доктрины Буша» [4, с. 153].

Это подтверждает также И.З. Фархутдинов, который презюмирует: «сегодня международную ситуацию осложняет то, что «Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. (ее обновленный вариант в редакции 2006 г.) предусматривает проведение военных операций за пределами их границ, в том числе без санкции Совета Безопасности ООН. Концепция превентивной самообороны (в свое время получившая название «Доктрина Буша») предусматривает односторонние действия в качестве превентивной самообороны против потенциальной опасности» [5, с. 98].

В связи с изложенным обратим внимание на ранее высказанный нами тезис о наличии в науке международного права различных форм реализации права государства на самооборону. Помимо формы, являющейся результатом буквального толкования ст. 51 Устава ООН, существуют также **превентивная и упреждающие формы**.

Как указывает Ю.В. Сеницына, «...с точки зрения русского языка нельзя разграничить эти два термина. В английском языке термин „упреждающая“ переводится как „preemptive“, а „превентивная“ – „preventive“ и обозначает разное: упреждение трактуется как ликвидация непосредственной или близкой угрозы, а превенция рассматривается как ликвидация угрозы, которая только формируется» [6, с. 9].

Указанный автор в своем труде «Превентивная и упреждающая самооборона: различия. Правомерность применения» рассматривает все три ранее обозначенных нами подхода к понятию самообороны:

1. **«Узкое» толкование самообороны.** Основанием для самообороны является исключительно вооруженное нападение. Сторонниками такого подхода являются известные юристы-международники, как зарубежные: Я. Броунли, А. Кассезе, А. Рандельцхофер, Г. Кельзен и др., так и большинство российских ученых: Д.О. Медведева, Л.А. Скотников, В.С. Котляр и др.

2. **Расширенное толкование права на самооборону.** Основанием для самообороны признается также неминуемая угроза вооруженного нападения. Сторонниками более широкого толкования являются такие западные ученые, как Б. Астрат, Д. Боуэтт, Т. МакКормак, С. Швбель, М. Шоу и др., а также известные российские авторы: М.Л. Мышляева, Э.И. Скакунов, О.Н. Хлестов.

3. Основанием для самообороны также являются отдаленные, только формирующиеся угрозы – **концепция превентивной самообороны.** Приверженцами данной концепции являются Р.А. Мюллерсон и другие представители англосаксонской школы права, а также российские авторы С.Д. Гольцов, Ю.Н. Малеев [6, с. 11].

Последние два варианта толкования права государства на самооборону, по нашему мнению, содержат сходные признаки с иными мерами принуждения, так как также направлены в ответ на угрозу совершения противоправных действий со стороны другого государства. В то же время указанное суждение вызывает сомнение, исходя из различной оценки правомерности таких «форм» самообороны, в то время как правомерность иных мер принуждения таких сомнений не вызывает.

Так, Ю.В. Сеницына утверждает, что «...попытки легитимизации упреждающих ударов неправомерны, поскольку, как уже отмечалось выше, к ним невозможно применить принципы пропорциональности и соразмерности. Неправомерны также ссылки государств при оправдании своих упредительных действий на региональные соглашения или нормы обычного права, поскольку, исходя из положений Устава ООН, а именно статьи 53, никакие принудительные действия не могут быть предприняты какой-либо региональной организацией без соответствующей санкции Совета Безопасности ООН. Кроме этого в статье 103 подчеркивается преимущественная сила Устава ООН по отношению к иным обязательствам членов ООН по любым иным международным соглашениям. В свете сегодняшней ситуации следует не пытаться узаконить упреждающие и, тем более, превентивные удары, а направить силы

на выработку четкого определения термина «вооруженное нападение» и установить момент, с которого вооруженное нападение будет считаться начатым» [6, с. 12].

По мнению И.З. Фархутдинова, такое неоднозначное толкование понятия «самооборона» приводит к злоупотреблению этим понятием и «подмене» на него совершенно других действий, сопровождающихся оправдываемой правомерностью: «В последние годы для западных стран борьба с международными террористическими актами с большим количеством жертв и разрушений стала часто используемым основанием вооруженного нападения под предлогом реализации права на самооборону – налицо злоупотребление этим важным международно-правовым принципом. Этот тезис, в частности, США применяли для оправдания вторжения в Ирак и Афганистан. Кроме того, он тесно связан с весьма неоднозначной концепцией „превентивной самообороны“, которая формально закреплена во всех стратегиях национальной безопасности США и которая вызывает весьма противоречивые оценки со стороны других субъектов международного права. США в соответствии с доктриной о превентивной обороне продолжают грубо попираť как ст. 51 Устава ООН, так и основные принципы и нормы международного права в целом. Если строго следовать ст. 51 Устава ООН, то превентивные удары являются нарушением международного права» [5, с. 100].

Помимо применения такого вида самообороны, нельзя не указать на необходимость своевременной юридической оценки таких действий через призму норм международного права, однако строгость следования данному тезису вызывает сомнения. Акты упреждающей самообороны в прошлые десятилетия вызвали различные оценки со стороны международного сообщества в целом и ООН в частности. В некоторых случаях было как бы «молчаливое разрешение» ООН. Например, когда Израиль провел «профилактическое» нападение на Египет в 1956 г., ООН не критиковала его действия. Эта универсальная международная организация не распределяла никакой вины за развязывание боевых действий и конкретно отказалась осудить осуществление «самообороны» Израиля [5, с. 103].

В целом достаточно большое количество исследователей сходятся на мнении о недопустимости реализации превентивной и упреждающей самообороны по ряду оснований, рассмотренными нами ранее.

Так, например, Ю.В. Сеницына утверждает следующее: «Правовая природа превентивных и упреждающих ударов различна. Следовательно, концепция превентивной обороны идет дальше концепции упреждающих ударов и предполагает использование вооруженных сил против только формирующихся угроз. Принятие такой концепции в качестве

нового основополагающего принципа имело бы для существующего порядка пагубные последствия, а право на самооборону, как оно понимается в Уставе ООН, вообще перестало бы существовать. Поэтому необходимы выработка определения вооруженного нападения и установление четких критериев самообороны. На наш взгляд, наиболее подходящим является вариант, разработанный Э.С. Кривчиковой в Проекте кодекса основных прав и обязанностей государств (ст. 5 «Самооборона»): «при наличии одной лишь угрозы вооруженного нападения, а также со ссылками на угрозу жизни граждан за рубежом, защиту заложников... право на самооборону не подлежит применению» [6, с. 13].

В. Антонов утверждает: «Статья 51 Устава ООН в данный момент никаким образом не регулирует применение вооруженной силы в акте превентивной самообороны. Также не разработано единообразие толкования данной доктрины. Существенный вклад в развитие права на превентивную самооборону был внесен «Доктриной Буша», которая нашла практическое применение после терактов 2001 г. Однако нужно учесть, что международное право позволяет применение данных мер только в превентивной борьбе с международным терроризмом и для предотвращения пагубных последствий и их незаконной деятельности. Применение превентивной самообороны против другого государства является недопустимым» [4, с. 156].

Подводя итог вышеизложенному, полагаем правильным прийти к выводу о том, что рассмотренные подходы к реализации упреждающей и превентивной самообороны обладают некоторыми признаками мер принуждения, однако по своей юридической природе на современном этапе развития международного права, вызывают сомнения в своей правомерности. Поэтому необходимо продолжать научное осмысление проблематики данной темы, в том числе восполнения правовых пробелов и устранения неточностей в формулировках международно-правовых норм, в том числе применительно к уточнению смыслового значения термина «вооруженное нападение» по смыслу ст. 51 Устава ООН.

Список использованных источников

1. Международное публичное право. Общая часть : учеб. пособие / Е.Ф. Довгань [и др.] ; под ред. Е.Ф. Довгань. – Минск : БГУ, 2023. – 463 с.
2. Курманова, А.К. Институт принуждения в современном международном праве: теоретические проблемы / А.К. Курманова, К.Е. Исмагулов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2019. – № 2. – С. 116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prinuzhdeni>

ya-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave-teoreticheskie-problemy (дата обращения: 09.05.2025).

3. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text/> (дата обращения: 04.05.2025).

4. Антонов, В. Право на самооборону в современном международном праве / В. Антонов // Закон и право. – 2018. – № 7. – С. 151–156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-samooboronu-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 08.05.2025).

5. Фархутдинов, И.З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление / И.З. Фархутдинов // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 98–103. – URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/204/144> (дата обращения: 09.05.2025).

6. Синицына, Ю.В. Превентивная и упреждающая самооборона: различия. Правомерность применения / Ю.В. Синицына // Журнал международного права и международных отношений. – 2009. – № 1. – С. 9–13. – URL: https://elibrary.aspu.ru/bitstream/123456789/18935/1/2009_1_JILIR_sinityna_r.pdf (дата обращения: 09.05.2025).

УДК 343.3/7

Е.А. Старовойтова, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук *В.Р. Меерсон*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Бахур*

СТАТЬЯ 342¹ «ПРОПАГАНДА САМОУБИЙСТВА» УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Подчеркивается социальная значимость установления уголовно-правового запрета деяний, инспирирующих суицид (в том числе и возбуждение решимости совершить самоубийство у неопределенного круга лиц). Анализируются признаки составов преступлений, регламентированных в ст. 342¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь. Дается характеристика специфики отграничения рассматриваемого преступления от иных смежных преступлений (доведения до самоубийства, склонения к самоубийству) путем толкования их конститутивных признаков.

В настоящее время человек, как и его право на жизнь, является приоритетной социальной ценностью. Данное положение закреплено в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, где акцент направлен на наличие неотъемлемого права на жизнь, свободу и неприкосновенность у каждого гражданина по всему миру. Аналогичной позиции придерживает-

ся и Республика Беларусь, Основной Закон которой закрепляет, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью общества и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Несоблюдение указанной нормы влечет за собой нарушение и иных прав человека и гражданина, которые закреплены как на законодательном уровне Республики Беларусь, так и в действующих международно-правовых актах. Основываясь на вышеизложенном, следует подчеркнуть цель данного исследования, заключающуюся в сравнении признаков составов отдельных преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на жизнь человека.

По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, за период с января по май 2024 г. было зафиксировано 79 убийств, как наиболее тяжких преступлений, направленных на жизнь человека (ст. 139 УК), что по статистике значительно ниже, чем за аналогичный период прошлого года [1]. Вместе с тем стоит отметить, что, исходя из различных исследований, количество жертв суицида превышает число убийств и причинения смертей по неосторожности [2, с. 50]. Основываясь на статистических данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно суммарное число самоубийств превышает 800 тыс. В среднем на каждые 100 тыс. человек приходится 10,5 суицида. По данным ВОЗ, подобные деяния в Республике Беларусь имеют тенденции к ежегодному увеличению, что подчеркивает важность работы как на социальном, так и на государственном уровнях [3].

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) не содержит в себе дефиницию «самоубийство», однако, несмотря на это, предусматривает ряд статей за преступления суицидальной направленности, такие как доведение до самоубийства (ст. 145 УК), склонение к самоубийству (ст. 146 УК), а также введенная в 2019 г. норма, предусматривающая уголовную ответственность за пропаганду самоубийства (ст. 342¹ УК). Несмотря на наличие несущественного ряда схожестей, обозначенные составы необходимо полностью разграничивать в целях правильной квалификации преступлений. Отдельно стоит сделать акцент на статистике, а именно на том, что «уголовных дел, квалифицируемых по ст. 145, 146 и 342¹ УК, возбуждается незначительное количество, а направляется в суд и того меньше, что явно несопоставимо с количеством совершаемых самоубийств или покушений на него» [2, с. 50]. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что проблема преступлений суицидальной направленности заключается не только в необходимости точной квалификации обозначенных преступлений, посредством установления причинной связи между деянием лица и наступившими

вследствие этого деяния последствиями, но и в своевременном выявлении фактов рассматриваемых преступлений.

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» была введена норма, предусматривающая уголовную ответственность за пропаганду самоубийства путем умышленного распространения в любой форме информации, непосредственно направленной на возбуждение у лица решимости совершить самоубийство. Согласно следственной практике, под наибольшим влиянием воздействия в сети Интернет находятся лица в возрасте до восемнадцати лет. Ввиду психической несформированности и способности легко попадать под негативное воздействие со стороны третьих лиц, обозначенная группа является наиболее уязвимой. Как известно, период с 2015 по 2017 г. являлся пиком в распространении среди подростков таких игр, как «Синий кит», «Беги или умри», «U19», «F57» и т. д., суть которых заключалась в отборе потенциальных жертв, наиболее склонных поддаться под негативное влияние со стороны организаторов, которые, в свою очередь, посредством выработки последовательности в действиях жертвы, а также психологического воздействия на сознание, в определенный момент побуждали совершить суицид [4, с. 151]. Поскольку обозначенные действия являлись прямой пропагандой самоубийства, среди подростков и молодых людей, именно это и стало основанием для закрепления ответственности за подобные деяния на уровне уголовного законодательства.

Исходя из современной уголовно-правовой доктрины, можно заключить, что на первоначальном этапе квалификации рассматриваемых деяний, необходимо в полном объеме установить фактические обстоятельства дела, а также определить подлежащую применению уголовно-правовую норму, состав которой наиболее точно будет отражать признаки реально совершенного деяния [5, с. 37]. Учитывая вышеизложенное, следует начать с отличий, присутствующих в каждой из анализируемых статей. Одним из ключевых отличий ст. 342¹ УК от смежных составов, предусматривающих уголовную ответственность за преступления суицидальной направленности, является то, что пропаганда самоубийства может выступать в качестве преступления как с формальным (по ч. 1 ст. 342¹ УК, преступление признается оконченным с момента распространения в любой форме информации в целях возбуждения у индивидуально-неопределенного круга лиц решимости совершить самоубийство), так и с материальным (по ч. 2 и 3 ст. 342¹ УК, так как преступление признается оконченным с момента самоубийства лица или покушение на его совершение) составом, в то время как доведение до самоубийства

(ст. 145 УК) и склонение к самоубийству (ст. 146 УК) содержат в себе признаки исключительно материального состава преступления.

Кроме того, ч. 1 ст. 342¹ УК содержит в себе формулировку «умышленное распространение в любой форме информации в целях возбуждения у индивидуально-неопределенного круга лиц решимости совершить самоубийство», что в первую очередь заведомо предполагает наличие массовости, ввиду использования сети Интернет, социальных сетей, средств массовой информации и т. д. Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что отличительной чертой ст. 342¹ УК является то, что взаимодействие с жертвой (жертвами) осуществляется, как правило, дистанционно (в реалиях динамичных процессов цифровизации общества), в то время как ст. 145 и 146 УК подразумевают непосредственное влияние на конкретное лицо путем угрозы применения насилия, уничтожения, повреждения или изъятия имущества, систематического унижения личного достоинства потерпевшего и т. д.

Наряду с отмеченным выше стоит определить некоторые особенности, возникающие при квалификации деяния по ст. 342¹ УК. Диспозиция ч. 1 ст. 342¹ УК закрепляет формулировку, исходя из которой можно сделать вывод о предполагаемом наличии массовости, как уже отмечалось ранее. Однако в ч. 2 этой же статьи определен квалифицированный состав, предполагающий совершение потерпевшим самоубийства или покушения на его совершение, вследствие влияния виновного посредством использования средств массовой информации. Кроме того, в ч. 3 ст. 342¹ УК предусмотрен особо квалифицированный состав, ответственность по которому наступает за те же последствия, что и в предыдущей части, однако при самоубийстве двух и более лиц. Основываясь на изложенном, следует заключить, что пропаганда самоубийства может быть квалифицирована как: 1) действия виновного, направленные на распространение суицидальных идей среди отдельных социальных групп (ч. 1 ст. 342¹ УК), 2) факт единично совершенного самоубийства или покушения на его совершение, вследствие влияния распространенной виновным информации (ч. 2 ст. 342¹ УК), 3) установление двух и более фактов самоубийств (покушений на совершение самоубийств), в результате воздействия распространенных суицидальных помыслов, ориентированных на неопределенный круг лиц (ч. 3 ст. 342¹ УК). Исходя из вышеизложенного, стоит согласиться с позицией о том, что «доказать причастность конкретной пропагандистской акции к конкретно совершенному самоубийству (самоубийствам), посредством установления причинно-следственной связи, подтвержденной точными объективными фактами, не всегда представляется возможным, т.к., как отме-

чалось ранее, пропаганда самоубийства обращена к неопределенному кругу лиц» [6, с. 760]. В случае если распространение происходит персонифицировано, имеет место квалификация по ст. 146 УК.

В качестве дополнительного отличия ст. 342¹ УК от иных рассматриваемых составов преступлений стоит выделить цель совершаемого деяния. В случае пропаганды самоубийства, приоритетной целью является возбуждение у индивидуально-неопределенного круга лиц решимости совершить самоубийство (путем распространения информации, побуждающей к действиям суицидального характера), без заинтересованности виновного в дальнейшем исходе (последствиях при квалификации деяния по ч. 2 либо 3 ст. 342¹ УК). Информация может предоставляться в виде текстового описания, изображений, аудио-, видеоматериалов, лекций и т. д. «Следует в полной мере разграничивать информацию, побуждающую совершить самоубийство и информацию, об уже совершенном факте самоубийства (которая, по своему содержанию, имеет исключительно «констатирующий» характер)» [6, с. 760]. Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что наличие ряда особенностей, в каждом из анализируемых составов, в полной мере должно учитываться при квалификации.

Помимо упомянутых выше отличий между тремя анализируемыми составами, более предметно необходимо разграничить ст. 145 и 146 УК. При квалификации рассматриваемых деяний различия проводятся как по объективной, так и по субъективной стороне совершенного преступления. Ключевое отличие доведения до самоубийства от склонения к самоубийству заключается именно в способе, используемом виновным, для совершения одного из анализируемых деяний. Диспозицией ч. 1 ст. 145 УК предусмотрен значительно более обширный перечень способов, преимущественно связанных именно с физическим воздействием, которые могут быть использованы для достижения конечной цели. В диспозиции ч. 1 ст. 146 УК закреплена формулировка «умышленное возбуждение у лица решимости совершить самоубийство», что подразумевает психологическое воздействие на потерпевшего. Если вести речь о субъективной стороне, то склонение к самоубийству характеризуется исключительно умышленной формой вины в виде прямого умысла, в то время как доведение до самоубийства характерна как умышленная форма вины (в виде косвенного умысла), так и неосторожная (в виде небрежности) [7, с. 120].

Необходимо в полной мере разграничить объекты рассматриваемых деяний. В случае статей, предусматривающих уголовную ответственность за доведение до самоубийства (склонение к самоубийству), основ-

ным объектом будут являться общественные отношения, складывающиеся в сфере безопасности жизнедеятельности человека (психологической безопасности самосохранения жизни человека). Дополнительным объектом (в случае если воздействие оказывалось на лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста) будет являться как физическое, так и нравственное развитие несовершеннолетнего. В качестве основного объекта при пропаганде самоубийства будут выступать общественные отношения в сфере общественной нравственности (совокупность отношений в области обращения соответствующей информации). Исходя из изложенного, стоит сделать вывод, что точное определение объекта преступления может значительно повлиять на его квалификацию.

Кроме того, основанием для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 145 УК является доведение (общественно опасное деяние одного лица) другого лица до самоубийства или покушения на его совершение (общественно опасные последствия) путем применения к нему одного из альтернативных действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 145 УК. Наступившее общественно опасное последствие, в виде самоубийства или попытки его совершения потерпевшим, должно быть сформировано именно предшествующими ему действиями виновного, о чем будет свидетельствовать наличие причинной связи. В случае, предусмотренном ст. 146 УК, основанием для привлечения к уголовной ответственности является наличие двух взаимосвязанных юридических фактов: 1) общественно опасное действие одного человека, направленное на возбуждение у другого человека решимости совершить суицид, 2) сознательный и волевой поступок другого человека, выраженный в совершении самоубийства либо попытке его совершения [8, с. 32]. Несмотря на наличие схожестей в ст. 145 и 146 УК, стоит отметить, что исходя из способа совершения, а также умысла виновного, доведение до самоубийства является более общественно опасным, в отличие от склонения к самоубийству. Относительно пропаганды самоубийства следует подчеркнуть, что для привлечения лица по ч. 1 ст. 342¹ УК необходимо установление факта распространения в любой форме информации, направленной на формирование суицидальных идей и взглядов, без обязательного наличия общественно опасных последствий в виде самоубийства лица или попытки его совершения. Общественная опасность пропаганды самоубийства при наступлении соответствующих последствий может превышать общественную опасность вышеупомянутых преступлений (особо квалифицированный состав).

Как отмечалось ранее, ввиду наличия ряда причин, обуславливающих сложности при квалификации преступлений по ст. 145, 146

или 342¹ УК, не всегда представляется возможным, в первую очередь установить причинную связь между деянием одного лица (умышленными действиями, направленными на возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство) и наступившими вследствие этого деяния последствиями (совершение лицом самоубийства, ввиду физического или психологического влияния). Кроме того, изобличить факты физического воздействия (жестокое обращение с потерпевшим, применение насилия) значительно проще, чем психологического (угрозы, распространение клеветнических или иных сведений, систематическое унижение личного достоинства потерпевшего), что также, в определенной степени, влияет как на установление причинной связи, так и на дальнейшую квалификацию по одной из рассматриваемых статей.

Наряду с этим следует учесть затруднения в процессе доказывания деяний, предусмотренных ст. 145 и 146 УК, которые возникают вследствие отсутствия записки, оставленной потерпевшим, или иных доказательств, подтверждающих причастность третьих лиц к совершению лицом самоубийства [2, с. 52]. Относительно ст. 342¹ УК стоит подчеркнуть, что на сегодня, ввиду стремительного развития сети Интернет и социальных сетей, возникают определенные трудности, связанные с контролем распространяемого контента, пропагандирующего суицидальные идеи. Кроме того, совершение преступлений в сети Интернет может носить транснациональный характер, в случае, когда обвиняемый находится за пределами территории Республики Беларусь.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие существенных различий между рассматриваемыми деяниями, преступная цель в каждом из них заключается в формировании у потерпевшего решимости совершить самоубийство, посредством использования определенных методов, которые в дальнейшем и помогают квалифицировать деяние по одной из статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления суицидальной направленности. Стоит отметить, что отличительной чертой каждого из составов является именно способ совершения преступления. В случае доведения до самоубийства (ст. 145 УК) отличительной чертой является применение как физического, так и психологического воздействия на потерпевшего. Склонению к самоубийству (ст. 146 УК) присуще исключительно психологическое воздействие, однако, как отмечалось ранее, действия виновного, предусмотренные данными статьями, нацелены именно на то, чтобы другое лицо совершило самоубийство или предприняло попытку его совершения, что предполагает наличие общественно опасных последствий, по-

звolyющих характеризовать оба состава как материальные. В случаях, предусмотренных ст. 342¹ УК, целью является формирование решимости индивидуально-неопределенного круга лиц совершить самоубийство, без заинтересованности виновного в конечном результате, кроме того, в отличие от составов, предусмотренных в ст. 145, 146 УК, ст. 342¹ УК предусматривает основной и квалифицированные составы, отличающиеся по моменту окончания. Таким образом, можно заключить, что анализируемые статьи имеют различия как по форме вины и конструкции объективной стороны, так и по кругу лиц, на которых ориентированы рассматриваемые деяния. Стоит также подчеркнуть, что введение уголовной ответственности за пропаганду самоубийства позволяет противодействовать активному продвижению суицидальных идей, созданию тематических групп и каналов, посредством которых осуществляется психологическое воздействие на неопределенный круг лиц.

Список использованных источников

1. Стук: число преступлений за пять месяцев 2024 года сократилось на 10,7 % : [сайт]. – Минск, 2014–2025. – URL: <https://sputnik.by/20240625/stuk-chislo-prestupleniy-za-pyat-mesyatsev-2024-goda-sokratilos-na-107-1087452122.html> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Бахур, О.И. Уголовно-правовое противодействие суициду : [сайт]. – Минск, 2020–2025. – URL: http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/1280/1/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%28%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%201%29-050-054.pdf (дата обращения: 20.03.2025).
3. Самоубийства: история и статистика : [сайт]. – Минск, 2021–2025. – URL: <https://ritual.by/articles/samoubiystva-istoriya-i-statistika/> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Кишко, Д.В. Сравнительная характеристика преступлений, связанных с самоубийством // Д.В. Кишко, К.М. Эсаулова / [сайт]. – Минск, 2013–2025. – URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/82797> (дата обращения: 25.03.2025).
5. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В. В. Марчук ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – 210 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
7. Квалификация преступлений : учебник / В.В. Марчук [и др.] ; под общ. ред. В.В. Марчука ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2024. – 294 с.
8. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид / В.В. Марчук // Судовы веснік. – 2003. – № 2. – С. 32.

К.А. Цалко, студент факультета права

Научный руководитель – **Н.Н. Мацуков**

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент **Р.А. Серeda**

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Посвящается комплексному исследованию конституционно-правовых основ регулирования свободы передвижения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. Справедливо обращается внимание на то, что свобода передвижения – одно из фундаментальных прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах. Эффективное конституционно-правовое регулирование этого права является важным показателем демократического развития государства и его приверженности принципам верховенства права.

Развитие миграционных процессов на постсоветском пространстве в современную эпоху определяет необходимость совершенствования правовых механизмов, позволяющих одновременно обеспечить как реализацию права на свободу передвижения и выбор места жительства населению бывшего СССР, так и предотвратить возможные угрозы безопасности существующих национальных государств. Реализация данных прав закономерно приводит к перемещению населения, часто характеризуемого как миграция.

Основой регулирования права на свободу передвижения и выбор места жительства в государствах, входящих в состав Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество), являются нормы-принципы международного права и положения внутригосударственного права, фундамент которого образует конституционное законодательство. Особенностью современного этапа развития конституционного права можно считать существование в большинстве стран – участниц СНГ нормативных правовых актов, регулирующих миграционные процессы и основывающихся на нормах действующих конституций.

Страны СНГ в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека (1948 г.) и Международным пактом о гражданских и политических правах (1966 г.) [3], а также актами общего права СНГ закрепляют комплекс личных прав человека и гражданина, характерных для демократического государства: право на жизнь, личную свободу и неприкосновенность; невмешательство в частную жизнь; право на личную и семейную тайну;

неприкосновенность жилища; свободное определение национальности; свобода вероисповедания; тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений; право на защиту чести и достоинства, свобода передвижения, выезда за рубеж и возвращения на Родину. Ограничение этих прав и свобод допускается только в условиях режима чрезвычайного положения, в период войны или на основании судебного решения [2].

Свобода передвижения является одним из фундаментальных прав человека, закрепленных в международных правовых актах и национальных конституциях многих стран мира. В контексте СНГ, состоящего из ряда постсоветских республик, вопросы регулирования этого права приобретают особую актуальность. С одной стороны, страны СНГ стремятся сохранить исторически сложившиеся связи между своими гражданами, обеспечивая им возможность беспрепятственного перемещения через границы. С другой стороны, каждая страна имеет свои национальные интересы и законодательные особенности, влияющие на реализацию данного права.

Конституционно-правовые нормы, регулирующие свободу передвижения, включают в себя как общие принципы, так и конкретные механизмы их реализации. Важную роль играют международные договоры, заключаемые в рамках СНГ, а также национальная практика каждого государства-участника. Эти документы определяют условия въезда, выезда, пребывания и проживания граждан на территории других стран, а также устанавливают правовые гарантии защиты их прав и свобод.

Основным международным договором в данной области является Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (1995 г.), которая закрепляет право на свободу передвижения и выбор места жительства для всех лиц, находящихся под юрисдикцией государств-участников. Вопросы о передвижении в странах-участниках закреплены в ст. 22 и 25 [1, с. 123–127].

Ст. 22 говорит, что каждому, кто законно находится на территории какой-либо Договаривающейся Стороны, принадлежит в пределах этой территории право на свободное передвижение и свободу выбора местожительства. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную [1].

В ст. 25 закреплено, что никто не может быть выслан в индивидуальном порядке или в результате коллективного мероприятия с территории государства, гражданином которого он является. Никто не может быть лишен права на въезд на территорию государства, гражданином которого он является. Иностранец, законно находящийся на территории любой Договаривающейся Стороны, может быть выслан только во исполнение

законно принятого решения и должен иметь возможность представить доводы против высылки [1].

Право на свободу передвижения выступает одним из основных прав человека, это – естественно возникающая, неотъемлемая, законодательно закреплённая и гарантированная возможность человека пользоваться благом в виде беспрепятственного перемещения по территории страны, где он законно находится, а также его временного или постоянно-го проживания в лично определенном им месте. Оно также определяет собой правовую основу для системы взаимосвязанных норм, регулирующих самостоятельную группу общественных отношений, связанных с признанием, соблюдением и защитой дающегося от рождения естественного субъективного права, которое позволяет человеку свободно распоряжаться своей физической возможностью передвигаться в пространстве, выезжать за пределы границы государства и свободно возвращаться на его территорию в тех случаях, когда это не запрещено действующим законодательством [10, с. 15–20].

В конституциях стран СНГ право на свободу передвижения и выбор места жительства закреплёно как одно из основных прав человека. Согласно ст. 9 Конституции Республики Беларусь ее территория является естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь. Уже это определение дает правовую основу для утверждения о естественном характере данной свободы, а не только ст. 30 Конституции, на которую обычно ссылаются в литературе, когда касаются вопроса о свободе передвижения и выбора места жительства, которая гласит, что граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно [4].

Однако в каждом государстве, входящем в состав СНГ, есть и некоторые различия в конституции, касающиеся регулирования передвижений внутри государства и за его пределами. Рассмотрим сходства и различия более подробно. В качестве примера возьмем некоторые страны-участники: Российская Федерация, Республика Молдова, Республика Казахстан, Республика Таджикистан и Республика Туркменистан.

Согласно ст. 27 Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации, а гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию [8].

В соответствии с ч. 3 ст. 62 иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации [8].

В соответствии с ч. 4 ст. 12 Конституции Республики Казахстан иностранцы и лица без гражданства пользуются правами и свободами, а также несут обязанности, установленные для граждан, если иное не предусмотрено Конституцией, законами и международными договорами. Согласно ст. 21 каждому, кто законно находится на территории Республики Казахстан, принадлежит право свободного передвижения по ее территории и свободного выбора местожительства, кроме случаев, оговоренных законом. Каждый имеет право выезжать за пределы республики. Граждане имеют право беспрепятственного возвращения в страну [5].

В Туркменистане, в соответствии со ст. 39 Конституции, каждый гражданин также имеет право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах государства. Ограничения въезда на отдельные территории, передвижения по этим территориям могут устанавливаться только на основании закона [9].

Право на свободу передвижения в Республике Молдова также гарантируется (ст. 27 Конституции). Каждому гражданину страны обеспечивается право поселяться или пребывать в любом населенном пункте государства, выезжать из страны, эмигрировать и возвращаться в нее [6].

В Республике Таджикистан (ст. 24 Конституции) гражданин имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращения в нее [7].

В данных примерах между Туркменистаном, Молдовой и Таджикистаном есть отличие в формулировке данного закона. В Конституции Туркменистана упоминается, что выезд на отдельные территории, передвижения по этим территориям могут быть ограничены, если это предусмотрено законом [9]. В Конституциях Республики Молдовы и Республики Таджикистан такое упоминание отсутствует. Но есть и пункты, которые являются максимально сходными, хотя и прописаны в разных конституциях.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что право на свободу передвижения является универсальной правовой нормой, вместе с тем оно может быть ограничено исходя из общей безопасности. В законодательстве стран СНГ предусмотрены ограничения этого права.

Конституционно-правовое ограничение права на свободу передвижения и права на выбор места жительства в государствах Содружества

регулируется как международными нормами, так и национальным законодательством. Эти ограничения вводятся в целях защиты общественных интересов, безопасности, здоровья и прав других лиц. Ниже рассмотрены основные аспекты таких ограничений.

1. Международно-правовые основы ограничений.

Международные документы, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (1995 г.), допускают ограничения права на свободу передвижения и выбора места жительства, если они установлены законом и необходимы для защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, а также не носят дискриминационный характер.

2. Конституционные основания ограничений.

В конституциях стран СНГ право на свободу передвижения и выбор места жительства закреплено, но с оговорками о возможных ограничениях.

Например, Конституция Российской Федерации (ст. 27) гарантирует право на свободу передвижения, но допускает его ограничение в случаях, предусмотренных федеральным законом [8]. Конституция Республики Казахстан (ст. 21) также предусматривает возможность ограничений в интересах национальной безопасности, общественного порядка или здоровья населения [5].

Ограничения права на свободу передвижения и выбора места жительства в странах СНГ также можно разделить на следующие категории:

а) Ограничения в условиях чрезвычайного или военного положения.

В случае введения чрезвычайного или военного положения право на передвижение может быть временно ограничено для обеспечения безопасности населения и государства. Например, в России такие ограничения предусмотрены Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» [11]. В Казахстане в условиях чрезвычайного положения в 2022 г. были ограничены массовые мероприятия и передвижение в определенных регионах.

б) Административные ограничения.

В некоторых регионах (например, в закрытых административно-территориальных образованиях) доступ может быть ограничен в целях обеспечения государственной безопасности.

В зонах экологического бедствия или эпидемий также могут вводиться временные ограничения на передвижение.

в) Индивидуальные ограничения.

Запрет на выезд за границу может быть наложен на лиц, имеющих задолженности по налогам, алиментам или другим обязательствам.

В Узбекистане в 2021 г. введены ограничения на выезд за границу для лиц, имеющих задолженности по налогам.

В некоторых случаях ограничения применяются к лицам, подозреваемым в совершении преступлений или находящимся под следствием.

г) Регистрационный учет (прописка).

В большинстве стран СНГ сохраняется система регистрационного учета по месту жительства, которая может ограничивать свободу выбора места жительства. Например, в России и Казахстане отсутствие регистрации может затруднить доступ к социальным услугам. Бюрократизация системы регистрационного учета часто критикуется за излишнюю сложность и ограничительный характер.

д) Ограничения в условиях пандемий.

Так, например, в России в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 были применены временные ограничения на передвижение между регионами. Введение карантинных мер (ограничений) на передвижение вызвало споры о балансе между правами человека и общественными интересами.

Ограничения права на свободу передвижения и выбора места жительства должны соответствовать следующим принципам:

законности – ограничения должны быть предусмотрены законом;

пропорциональности – меры должны быть соразмерны целям, для которых они вводятся;

недопущения дискриминации – ограничения не должны носить дискриминационный характер.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что право на свободу передвижения может быть ограничено в некоторых случаях, таких как:

охрана государственной безопасности – например, в условиях чрезвычайного положения или военного времени;

общественный порядок и здоровье населения – ограничения могут быть введены для предотвращения эпидемий или массовых беспорядков;

противодействие незаконной миграции – введение миграционного учета и регистрации для контроля за перемещением населения;

чрезвычайное положение или военное положение, когда вводятся временные ограничения для обеспечения безопасности;

административные ограничения, например, в закрытых административно-территориальных образованиях или в зонах экологического бедствия;

индивидуальные ограничения, связанные с неисполнением обязательств (например, запрет на выезд за границу при наличии долгов);

эпидемиологическая обстановка. Например, как это было в условиях пандемии COVID-19.

В результате проведенного исследования, сравнения конституций разных государств – участников Содружества можно отметить, что свобода передвижения является одним из фундаментальных прав человека, закрепленных в международных правовых актах и национальном законодательстве стран СНГ. Анализ показал, что правовые нормы, регулирующие свободу передвижения в государствах Содружества, имеют общие черты, такие как признание права каждого гражданина свободно передвигаться внутри страны и выезжать за ее пределы. Однако существуют различия в реализации данного права, обусловленные особенностями национального законодательства и политической ситуацией в каждой стране.

Несмотря на наличие общих подходов, практика показывает, что реализация свободы передвижения осложняется рядом факторов, включая административные барьеры, визовые ограничения. В некоторых случаях наблюдается несоответствие между декларируемыми правами и реальной практикой их обеспечения, что однозначно требует дальнейшего совершенствования правовой базы и механизмов защиты прав граждан.

Изучение правового регулирования свободы передвижения в странах СНГ позволяет сделать вывод о необходимости гармонизации законодательств государств – членов Содружества и укрепления международного сотрудничества в данной области. Это будет способствовать обеспечению эффективного соблюдения прав человека и созданию условий для беспрепятственного перемещения граждан в рамках единого экономического пространства.

Конституционно-правовое регулирование права на свободу передвижения в странах СНГ основывается на международных стандартах и национальных конституциях. Несмотря на существующие ограничения и проблемы, это право остается важным элементом правового статуса личности, обеспечивающим свободу выбора места жительства и передвижения. Дальнейшее развитие миграционного законодательства и сотрудничество между странами СНГ будут способствовать более эффективной реализации этого права.

Международная система регулирования прав человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства оказывает определенное влияние на законодательную практику государств, признающих юрисдикцию международно-правовых институтов на своей территории. К таким государствам, безусловно, относится и Республика Беларусь, в которой действуют соответствующие положения международного права. Реализация этих положений составляет обязанности законодательных и исполнительных органов.

Конституционно-правовые ограничения права на свободу передвижения и выбора места жительства в странах СНГ направлены на защиту

общественных интересов, безопасности и здоровья населения. Однако такие ограничения должны быть соразмерными, законными и недискриминационными. Для совершенствования правового регулирования необходимо гармонизировать национальное законодательство с международными стандартами и минимизировать бюрократические барьеры.

Список использованных источников

1. Каламкарян, Р.А. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации / Р.А. Каламкарян, Е.С. Смирнова // Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 123–127.

2. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : заключена в г. Минске 26 мая 1995 г. : с изм. от 14 окт. 2022 г. // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 14.05.2025).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 (XXI) Генер. Ассамблеи 16 дек. 1966 г. // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 14.05.2025).

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 16.05.2025).

5. Конституция Республики Казахстан : принята на всенар. референдуме 30 авг. 1995 г. : с изм. от 5 июня 2022 г. // Президент Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 14.05.2025).

6. Конституция Республики Молдова : принята 29 июля 1994 г. : с изм. от 22 мая 2017 г. // Конституционный Суд Республики Молдова. – URL: https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/constitutia_ro_22.05.17_ru.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

7. Конституция Республики Таджикистан : принята на всенар. референдуме 6 нояб. 1994 г. : с изм. от 22 мая 2016 г. // Президент Республики Таджикистан. – URL: <http://www.prezident.tj/ru/constitution> (дата обращения: 16.05.2025).

8. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. // Государственная Дума Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 16.05.2025).

9. Конституция Туркменистана : принята 18 мая 1992 г. : с изм. от 21 янв. 2023 г. // Центральная комиссия по проведению выборов и референдумов в Туркменистане. – URL: <https://saylav.gov.tm/ru/law?id=2> (дата обращения: 16.05.2025).

10. Лупенко, И.Ю. Конституционные гарантии правосудия в системе гарантий прав и свобод человека и гражданина / И.Ю. Лупенко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 3. – С. 15–20.

11. Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 784 с.

К.А. Шустерман, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент **А.А. Тит**

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент **В.С. Шабаль**

О ДЕТЕРМИНАНТАХ БЫТОВОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Проводится анализ детерминант коррупции, как негативного социально-правового явления и бытового взяточничества, как одного из главных элементов коррупции. Доказывается, что бытовое взяточничество является дестабилизирующим общественный порядок явление. Основой бытового взяточничества является не только уровень правосознания участников рассматриваемой сферы коррупционных правоотношений, но также избыточная зарегулированность процесса принятия решений должностным лицом. На основании проведенного исследования предлагается классификация детерминант бытового взяточничества.

Коррупционная преступность представляет одну из экзистенциальных проблем современного мироустройства. Взятничество является одним из наиболее совершаемых видов коррупционных преступлений. Так, по данным Организации Объединенных Наций, общемировой объем взяток составляет 1 трлн долларов США. Кроме этого, мировая экономика дополнительно каждый год теряет 2,6 трлн долларов США от проявлений коррупционной деятельности, что составляет 5 % мирового ВВП [1]. Указанный факт свидетельствует о том, насколько сильно коррупционная преступность имплементирована в экономические и социальные процессы, происходящие в обществе. Наличие указанного факта объясняет, насколько негативное влияние взяточничество оказывает на мировую экономику, в том числе и на состояние социально-экономической модели развития в Республике Беларусь, которая включена в мировые экономические процессы и также подвержена негативным общемировым тенденциям распространения коррупции. Ввиду этого большое значение приобретает необходимость изучения субъекта, который совершает преступления в форме взяточничества, фиксируемые в национальной правоприменительной практике.

В настоящее время актуальной остается проблема распространения коррупционных отношений, которые в значительной степени негативным образом влияют на развитие общества, формирование личности, а также способствуют появлению социального неравенства. Именно поэтому для Республики Беларусь борьба с коррупционной преступностью является одной из первостепенных задач государственного уровня.

Согласно данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2023 г. в белорусском государстве 717 лиц осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности, что на 4,5 % больше, чем в 2022 г. (686 лиц) [1].

Наиболее опасным и распространенным видом коррупции является бытовая коррупция. Указанное понятие в научном сообществе понимается как коррупция, порождаемая взаимодействием рядовых граждан и чиновников в бытовой сфере: образование, сфера ЖКХ, медицина и т. д. [2, с. 218]. Предметом бытовой взятки выступают деньги, подарки и услуги должностному лицу и членам его семьи, которые, как правило, небольшие по своему размеру.

Бытовое взяточничество стало довольно широко распространенным в обществе, внесло существенные изменения в правосознание граждан, что выразилось в изменении у них границ морали и законности [3, с. 635]. Именно бытовое взяточничество повышает количество лиц, вовлекаемых в коррупционные отношения и часто становится началом совершения более тяжких коррупционных преступлений. Таким образом, закономерен вопрос – что же становится причиной столь широкого распространения указанного явления?

В криминологии причины коррупционной преступности, в том числе и бытового взяточничества, подразделяют на несколько групп:

правовые (несовершенство законодательства, снижение престижа закона в жизни общества, несоответствие правовых предписаний организационным формам их реализации, неприменение мер юридической ответственности за совершенные правонарушения, правовой нигилизм);

социально-политические и социально-экономические (межнациональные конфликты, рост преступности и изменение ее качественных характеристик, недостатки финансового, материально-технического, бытового обеспечения, низкая заработная плата, недифференцированность оплаты труда);

организационно-управленческие (неудовлетворительная организация оперативно-служебной деятельности, недостаточное кадровое обеспечение, низкий профессиональный уровень определенной части сотрудников, издержки и упущения в подборе, расстановке, обучении и воспитании кадров, недостаточный контроль за сотрудниками на службе и в быту, отсутствие системы психологического обеспечения и сопровождения оперативно-служебной деятельности, недостатки учета правонарушений сотрудников);

психологические (несоответствие интеллектуальных, моральных, волевых качеств требованиям, предъявляемым к должностным лицам,

низкий престиж службы, профессиональная деформация, чувство безнаказанности) [4, с. 89].

Все это в совокупности и порождает коррупционные отношения между гражданами. Однако основной опасностью появления и распространения вышеуказанных отношений становится укорененное в сознании граждан мнение о том, что бытовое взяточничество – это норма поведения, которая не представляет общественной опасности и является лишь «благодарностью» за оказанную им услугу.

Можно выделить ряд мотивов, которые побуждают граждан пойти на нарушение законодательства в виде дачи взятки. К ним относятся:

- получение незаконной выгоды – этот мотив является наиболее распространенным и выражается в приобретении желаемого результата, нарушая требования закона;

- обход бюрократии – граждане, желая пропустить сложности, вызываемые бюрократическими процедурами и получить какие-либо услуги или разрешения быстрым и не требующим излишних усилий способом, прибегают к даче взятки;

- необходимость благоприятного решения вопроса – в таком случае подкуп становится способом получения необходимого результата в пользу этого лица;

- желание избежать наказания – граждане пытаются уйти от ответственности и других негативных для себя последствий путем дачи взятки [5, с. 387].

Так, взятка становится способом достижения ряда целей как для принимающего вознаграждение, так и для того, кто дает взятку: компенсация недостатка заработной платы, ускоренное решение проблемы, получение некоторых социально-экономических выгод или вовсе как единственное и простое решение повседневных проблем.

Граждане могут высказывать негативное отношение к коррупции, однако сами же становятся участниками коррупционных отношений при решении личных проблем, не считая себя таковыми и не задумываясь о прямом нарушении закона, не принимая факт того, что их действия являются правонарушением. Важно отметить и тот факт, что можно столкнуться с неосведомленностью граждан о сущности бытового взяточничества, ведь говоря о коррупции, в особенности о ее проявлении в виде бытового взяточничества, не имеет значения размер и сумма подарка, имеет место лишь сам факт дачи взятки.

Стоит учитывать и то, что одной из причин бытового взяточничества может являться недостаточная заработная плата должностного лица, которая, по его мнению, не соответствует выполненной им работе или ока-

занной им услуги. В таком случае взятка служит простым и доступным способом компенсации указанного недостатка в оплате и воспринимается лишь как возможность удовлетворить свои потребности «нормальным» для общества способом.

Помимо вышеуказанных причин и условий, также можно отметить ряд детерминантов, способствующих появлению и распространению бытового взяточничества. К таковым можно отнести:

недостатки и пробелы в правовой системе – нехватка эффективного контроля, который бы препятствовал появлению коррупционных отношений, создает благоприятную среду для существования бытового взяточничества;

низкий уровень правосознания граждан и незнание как действовать в случае вовлечения в коррупционные отношения – так в силу неопытности или отсутствия должной оценки ситуации лицо становится более уязвимым для вовлечения его в коррупционные отношения теми, для кого дача взятки является допустимым способом решения необходимых вопросов;

отсутствие прозрачности в процессе взаимодействия граждан и должностных лиц – низкий уровень информационной открытости также может создавать возможность распространения коррупционных отношений [6, с. 308].

Стоит отметить, что коррупционная преступность является высоклатентным социолого-правовым феноменом. Данное обстоятельство может сформировать у граждан уверенность в безнаказанности за совершение правонарушений в виде бытового взяточничества. Причина латентности указанной категории преступлений кроется в том, что граждане не всегда осознают или вовсе отрицают, что становятся субъектом преступления из-за недостаточных знаний, опыта и необъективной оценки сложившейся ситуации. В то время как остальные, осознавая факт незаконности действий, не желают вступать в отношения с правоохранительными органами из-за недоверия к их деятельности, или опасаются отказать коррупционерам в связи с ожиданием мести с их стороны, или вовсе не желают предать огласке, боясь потерять репутацию. В то время как преступники активно пользуются этими обстоятельствами, что формирует у них веру в то, что удастся избежать наказания.

Изучение причин и условий, порождающих коррупционные отношения, и в первую очередь бытовое взяточничество является необходимым и первостепенным условием для борьбы с указанным негативным явлением. Понимание мотивов и целей граждан, решающих свои личные жизненные проблемы посредством дачи взятки, позволит раз-

работать более эффективные меры по противодействию коррупционной преступности. Также изучение детерминантов бытового взяточничества способствует устранению пробелов законодательства и созданию более эффективных норм, направленных на снижение уровня бытового взяточничества. Помимо вышеизложенного, исследование указанных причин и условий показывает необходимость информирования граждан о последствиях существования взяточничества и формирования негативного отношения к этому явлению. Анализ причин бытового взяточничества может способствовать выявлению неэффективных административных процедур, требующих оптимизации, а также разработке мер по повышению прозрачности в процессе взаимодействия граждан и должностных лиц.

Подводя итог, отметим, что к основным причинам бытового взяточничества можно отнести:

1. Отсутствие оптимальных механизмов решения бытовых вопросов, возникающих в повседневной жизни граждан, сложность бюрократических процедур, что подталкивает последних к поиску более простых и быстрых способов, в связи с этим появляется необходимость оптимизации соответствующих механизмов и внедрение современных технологий.

2. Недостаточный уровень правосознания граждан о сущности коррупционной преступности и ее негативных последствиях, что требует создания соответствующих образовательных программ, а также открытого доступа и распространения информации о коррупционных преступлениях, и в особенности о фактах бытового взяточничества.

3. Отсутствие прозрачных механизмов взаимодействия граждан и должностных лиц, что вызывает необходимость внедрения механизмов обратной связи, обеспечения доступности и открытости информации о взаимодействии должностных лиц и граждан.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/pravonarusheniya/> (дата обращения: 10.04.2025).

2. Воронин, М.Ю. Криминологическое измерение мелкого взяточничества / М.Ю. Воронин, О.Ю. Можина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2021. – № 4. – С. 218.

3. Суходолов, А.П. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры / А.П. Суходолов, С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 5. – С. 635.

4. Криминология : учебник / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – 394 с.

5. Прялухина, А.В. О психологических аспектах коррупционного поведения и типологии личности преступника-коррупционера / А.В. Прялухина // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 нояб. 2020 г. / Акад. права и упр. Федер. службы исполн. наказаний. – Рязань, 2020. – Т. 5. – С. 387.

6. Ахмедханова, С.Т. Личность коррупционера в системе образования / С.Т. Ахмедханова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 280-летию со дня рождения Г.Р. Державина, Иркутск, 29 сент. 2023 г. / ВГУЮ (РПА Минюста России). – Иркутск, 2023. – С. 308.

КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ АКАДЕМИИ МВД В 2025 г.

Статьи победителей и призеров

УДК 343.98

И.О. Анишкевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.Ю. Мезяк*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальность темы исследования определяется становлением и интенсивным развитием в Республике Беларусь мобильного информационного общества. Уже сегодня очевидны преимущества распространения и повсеместного использования в деятельности государственных органов и в повседневной жизни общества передовых достижений информационных технологий. Высокие технологии повсеместно вошли в человеческую деятельность и предопределяют развитие многих областей государственной и общественной жизни. Интенсивное развитие компьютерной техники, появление новых ее видов – планшетных компьютеров, смартфонов, компьютерных часов, дальнейшее развитие и расширение сети Интернет, средств сотовой связи – делают доступными передовые информационные технологии широким слоям населения.

Однако повсеместное внедрение информационных технологий в большинство сфер государственной и общественной жизни вкупе с экспонентным ростом числа пользователей такими технологиями открыло новые возможности и для представителей криминального мира, создав предпосылки для совершения ими новых, ранее не известных преступных деяний, а также «технологического» совершенствования уже известных преступлений. В первую очередь это относится к преступным посягательствам на общественные отношения собственности, наибольшее распространение среди которых получили корыстные посягательства, связанные с обманом или злоупотреблением доверия, – разнообразные мошенничества. Высокая степень анонимности, обеспе-

чиваемая глобальной информационно-телекоммуникационной сетью, может существенно облегчить обман или злоупотребление доверием предполагаемой жертвы и последующее завладение ее имуществом.

Изучение специальной литературы показало, что исследуемой в настоящей работе проблематикой занимались такие выдающиеся отечественные и зарубежные специалисты, как В.П. Алехин, И.О. Антонов, Р.С. Атаманов, И.Р. Бегишев, И.И. Бикеев, И.Н. Воробец, О.Ф. Воспякова, А.Н. Григорьев, О.И. Долгачева, В.А. Дубриный, А.С. Камко, В.Ф. Кетурко, Н.Н. Ковалева, Н.А. Колоколов, В.В. Коломинов, А.А. Комаров, А.А. Лебедева, В.Н. Лимонов, Д.А. Маслюков, С.С. Медведев, В.В. Меркушин, И.Г. Мухин, Н.Н. Потапова, С.Ю. Скобелин, А.А. Танащисин, Е.В. Титов, Ю.А. Климчук, Д.М. Фролов, А.Н. Шалимов и др.

Законодательное определение мошенничества как формы уголовного наказуемого хищения дано в ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В ней мошенничество определяется как завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1].

В правовой литературе предлагаются и доктринальные подходы к определению мошенничества. Общим является определение мошенничества, представляющего собой хищение чужого имущества, как совершенного с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц либо приобретения ими права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, причинившего ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества либо права на имущество [2, с. 10–11].

Исходя из вышеприведенных определений, характерной особенностью мошенничества, отличающей его от других форм хищения, является способ нарушения отношений собственности – обман или злоупотребление доверием, образующие субъективную сторону уголовной противоправности мошенничества.

Обман при мошенничестве может принимать активную форму либо выражаться в пассивном поведении.

Обман в форме активного поведения характеризуется преднамеренным введением в заблуждение собственника или иного владельца имущества посредством сообщения заведомо ложных сведений, предоставлением подложных документов или совершением иных действий, создающих у лица ошибочное представление об основаниях перехода имущества во владение виновного и порождающих у них иллюзию законности передачи этого имущества.

При пассивном обмане виновный для достижения преступной цели использует неосведомленность, неопытность, заблуждение потерпевшего, умалчивает об обстоятельствах, сообщение о которых было обязательным, в результате чего лицо в момент передачи имущества заблуждается относительно наличия законных оснований для передачи этого имущества. Указанное бездействие может иметь различное значение: заведомое умолчание виновным об обстоятельствах, незнание которых привело к возникновению заблуждения у потерпевшего относительно правомерности передачи имущества виновному лицу; сознательное использование чужого заблуждения, в результате которого виновный получил имущество от ошибавшегося потерпевшего [3, с. 449].

Злоупотребление доверием состоит в противозаконном умышленном причинении имущественного ущерба собственнику лицом, которое обязано было оградить данные имущественные интересы от притязаний иных лиц и заботиться о них. Ущерб здесь причиняется посредством таких распоряжений чужим имуществом, которые входили в сферу обязанностей виновного, но по содержанию своему составляли измену лежавшему на нем долгу.

Злоупотребление доверием характеризуется тем, что виновный не совершает тех действий, которые способны ввести в заблуждение потерпевшего и заставить его передать имущество, как это происходит при обмане. Злоупотребление доверием заключается в том, что виновный использует для получения имущества определенные отношения, основанные на доверии сторон, или пользуется тем, что имущество передается ему потерпевшим без соответствующих предосторожностей и оформления. То есть доверие одновременно выступает на стороне лица в виде обязанности использовать доверенное имущество в соответствии с его целевым назначением и в пределах, установленных собственником или иным владельцем имущества [3, с. 450].

Анализ криминалистической литературы и практической деятельности по раскрытию и расследованию мошенничества в сфере информационных технологий позволяет сформулировать особенности формирования наиболее значимых элементов криминалистической характеристики данного вида мошенничеств. Полагаем, что к наиболее значимым для целей теории и практики элементам криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием информационных технологий, следует прежде всего отнести: 1) способы совершения анализируемого мошенничества; 2) технические орудия и средства, используемые для совершения мошенничества; 3) обстановку и место совершения мошеннической деятельности; 4) личность мошенника; 5) личность жертвы мошенничества.

Надо отметить, что попытки классифицировать способы совершения мошенничества с использованием информационных технологий принимаются не только учеными, но и в рамках некоторых международных организаций, например, Международной организацией уголовной полиции – Интерполом. Кодификатор рабочей группы Интерпола в обобщенном виде компьютерные мошенничества предлагает определять и классифицировать следующим образом: 1) компьютерные мошенничества, связанные с хищением наличных денег из банкоматов; 2) компьютерные подделки: мошенничества и хищения из компьютерных систем путем создания поддельных устройств; 3) мошенничества и хищения, связанные с игровыми автоматами; 4) манипуляции с программами ввода-вывода: мошенничества и хищения посредством неверного ввода в компьютерные системы или вывода из них путем манипуляции программами; 5) компьютерные мошенничества и хищения, связанные с платежными средствами; 6) телефонное мошенничество: доступ к телекоммуникационным услугам путем посягательства на протоколы и процедуры компьютеров, обслуживающих телефонные системы [4, л. 27].

Все виды мошенничества, совершаемого с использованием информационных технологий, едва ли возможно свести к одному классификационному основанию. Поэтому в отношении наиболее распространенных видов таких мошеннических схем можно говорить лишь о типологии.

По нашему мнению, местом совершения мошенничества в сфере информационных технологий является сама информационно-телекоммуникационная сеть, посредством которой происходят мошеннические манипуляции с информацией в отношении потенциальной жертвы. С другой стороны, местом совершения мошенничества с использованием информационных технологий является местонахождение конкретного компьютера либо другого компьютерного гаджета, с которого осуществляются мошеннические действия в отношении потенциальной жертвы. Надо отметить, что именно в последнем месте находится основной объем информации, характеризующий процесс совершения мошенничества (способ, орудия и средства и т. п.), т. е. его следы.

Однако это еще не окончательное определение места совершения такого мошенничества. Кроме компьютерно-технических средств, телекоммуникационных сетей, местом совершения мошенничества являются также места, в которых мошенники реально, а не виртуально, завладевают похищенным посредством мошеннических действий имуществом или приобретают право на него. Примером таких мест могут служить места получения мошенниками товара, оплаченного жертвой их мошеннических действий, или места «обналичивания» денежных средств, полученных на банковский счет путем обмана или злоупотре-

блением доверия. В зависимости от приемов и способов совершения мошенничества такими местами могут являться банкоматы, магазины, товарные склады, операционные залы банков.

Очередным элементом криминалистической характеристики мошенничества с использованием информационных технологий является личность мошенника. Такая личность обладает как общими чертами, присущими любому мошеннику, независимо от способа совершения мошенничества, так и определенными специфическими чертами.

Из общих психологических черт мошенника следует отметить корыстную направленность в мотивации преступного поведения, рост которой в последние годы значительно усилился. Как показывает практика, мотивы мошенника не ограничиваются только жадой наживы. Существуют иные, дополнительные мотивы преступления, играющие важную роль. А.А. Комаров отмечает, что среди личностных криминогенных факторов совершения мошенничества с использованием информационных технологий, могут выступать заниженная или завышенная самооценка личности мошенника, непризнание окружающими его заслуг и достоинств, что часто выливается в хулиганские попытки самоутвердиться за счет обмана другого человека или злоупотребления его доверием. Для лиц, имеющих так называемый исследовательский интерес в мотивации преступления, характерно стремление утвердить свое интеллектуальное превосходство, путем совершения мошеннических манипуляций, сопряженных с обходом сложных систем информационной защиты, и т. д. [5, л. 100].

Между криминальной специализацией мошенников и уровнем их образования имеется тесная взаимосвязь. Высокий интеллектуальный уровень и хорошая профессиональная подготовка способствуют разработке более сложных и безопасных мошеннических схем. Углубление криминальной специализации обуславливает потребность в привлечении в сферу криминального бизнеса высокообразованных специалистов в сфере информационных технологий [6, л. 76–81].

Определенную роль в потенциальной возможности совершения мошенничества с использованием информационных технологий играет и личность потерпевшего от данного корыстного преступления, чью роль в формировании криминогенной ситуации изучает наука виктимология.

Одним из важнейших внешних виктимогенных факторов анализируемого вида мошенничества служит информационная незащищенность важных конфиденциальных персональных данных потенциальных потерпевших. Многие граждане не уделяют достаточного внимания вопросам защиты своей персональной информации, облегчая доступ к ней

мошенникам. Последним даже нет необходимости прикладывать значительные усилия для того, чтобы добыть информацию, необходимую для последующего совершения мошеннических действий с использованием информационных технологий.

Еще одним внешним фактором виктимизации мошенничества, совершаемого с использованием информационных технологий, является воздействие средств массовой информации. СМИ являются мощнейшим инструментом воздействия на психику человека. Нельзя преуменьшать роль сети Интернет как средства донесения информации до сознания человека. Однако это воздействие может быть обращено как на пользу обществу, так и ему во вред.

Не менее важным в виктимологическом плане является и учет личностных качеств жертвы мошенничества или исполняемой ею социальной роли (субъективных виктимогенных факторов). При изучении потерпевших от таких преступлений криминологи справедливо указывают на особый упречный характер поведения жертв мошенничества, прежде всего на корыстолюбие и правовое невежество. К этой же группе психологических качеств личности жертвы относятся также неосторожность, рискованность, легкомыслие, распушенность, провокационность и др. Виктимологический анализ кибермошенничеств показывает, что в большинстве случаев потерпевшими мошенничеств становятся женщины в возрасте от 30 до 45 лет.

На сегодня проблема мошенничеств, совершаемых с использованием информационных технологий, является весьма актуальной, особенно остро она стоит в банковской и финансовой сферах, телекоммуникациях, ритейле, электронной торговле. Данная категория преступлений против собственности представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку такие преступления наносят невосполнимый ущерб как экономической и информационной безопасности государства в целом, так и имущественным интересам отдельных граждан.

Все это свидетельствует о необходимости эффективного противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием информационных технологий, их своевременного выявления и раскрытия. Сегодня перед правоохранительными органами стоит задача принятия соответствующих адекватных мер, позволяющих эффективно противодействовать фактам кибермошенничества.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. :

в ред. Закона Респ. Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.05.2025).

2. Лимонов, В.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лимонов Виктор Николаевич ; Акад. упр. МВД России. – М., 1998. – 24 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича [и др.]. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

4. Коломинов, В.В. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Коломинов Вячеслав Валентинович ; Байкал. гос. ун-т. – Иркутск, 2017. – 211 л.

5. Комаров, А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Комаров Антон Анатольевич ; Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, 2010. – 262 л.

6. Камко, А.С. Предупреждение мошенничества с использованием телекоммуникационного и компьютерного оборудования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Камко Артем Сергеевич ; Дальневост. федер. ун-т. – Владивосток, 2020. – 231 л.

УДК 343.985:343.346

К.А. Ардус, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – ***Н.Н. Беломытцев***

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

На современном этапе пограничная служба трансформируется из сухо войскового органа в гибкую систему оперативного реагирования на трансграничную преступность. Эта система включает в себя дознание, выявление и расследование преступлений на государственной границе. Особое внимание уделяется привлечению криминалистического научного инструментария для повышения надежности правоохранительных функций. Основная цель криминалистики – разработка и внедрение специализированных рекомендаций по предотвращению и борьбе с преступностью, используя передовые технологии и методики. Поэтому органам пограничной службы крайне важно модернизировать систему криминалистической поддержки для усиления безопасности границ.

Анализ оперативно-служебной деятельности показывает, что незаконное пересечение границы нередко сопряжено с организованной пре-

ступностью: наркотрафиком, контрабандой оружия, проникновением террористов, экстремистов, незаконных вооруженных формирований и нелегальных мигрантов. Это преступление напрямую угрожает национальной безопасности и обороноспособности Республики Беларусь. Успех борьбы с такими вызовами зависит от качества и оперативности предварительного расследования, что способствует укреплению правопорядка на государственной границе.

Вопросы противодействия трансграничной преступности находятся в фокусе внимания руководства страны. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко акцентировал внимание на обострении ситуации на южных и западных границах, подчеркивая актуальность нейтрализации обозначенных угроз безопасности государства [1]. Решение данной проблемы многопланово и требует активной наступательной позиции. Одним из перспективных направлений является разработка частных методик расследования незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь, отправной точкой для которой служит исследование криминалистической характеристики данного преступления.

Расследование незаконного пересечения границы сопряжено со следующими ключевыми проблемами.

1. Сложность идентификации: нарушители часто используют поддельные документы или выдают себя за других лиц [2].

2. Организованный характер: преступления нередко совершаются группами с четкой иерархией, распределением ролей и сложными схемами взаимодействия, что требует комплексного сбора информации и межведомственного сотрудничества [3].

3. Ограниченное международное сотрудничество: различия в национальных законодательствах затрудняют совместные подходы к противодействию незаконной миграции и обмену информацией.

4. Применение современных технологий: нарушители активно используют дроны, скрытые камеры и другие средства для обхода пограничного контроля [4], что вынуждает силовые структуры к постоянной адаптации.

5. Социально-экономические факторы: глобальная геополитическая нестабильность, экономические миграции, войны и конфликты увеличивают число попыток незаконного пересечения, создавая дополнительную нагрузку на пограничную службу. Особое внимание уделяется экстремистской и террористической деятельности, осуществляемой через границу.

6. Проблемы локализации и мониторинга: значительная протяженность труднодоступных участков государственной границы, проходя-

щих через лесные массивы с низкой обеспеченностью транспортными коммуникациями, затрудняет патрулирование и мониторинг.

7. Психологические аспекты: страх задержанных понести наказание или быть депортированными может затруднять их сотрудничество с правоохранительными органами.

Эти проблемы требуют комплексного подхода к расследованию и разработке эффективных стратегий. Органы пограничной службы вправе производить дознание по делам о незаконном пересечении государственной границы (ст. 371 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [5, с. 252].

Однако криминалистических исследований, связанных с незаконным пересечением государственной границы, в настоящее время недостаточно для эффективного решения существующих угроз.

Криминалистическая характеристика незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь представляет собой совокупность информации, полученной в результате анализа следственной и судебной практики, которая выявляет наиболее типичные закономерности подготовки, совершения и сокрытия данного преступления. Она включает в себя: личность правонарушителя, его мотивы и цели, способ совершения, пространственно-временные параметры, следы и обстоятельства, способствующие его реализации.

8. Личность правонарушителя: это совокупность социально-демографических, психологических и поведенческих характеристик, а также криминального прошлого, определяющих его мотивацию и способы совершения правонарушений (возраст, пол, образование, связи с организованной преступностью).

9. Мотивы и цели: как правило, обусловлены различиями в уровне жизни, потребностями мировой экономики, демографическими процессами, конфликтами, войнами, преследованиями, экологическими проблемами [6, с. 3].

10. Способ совершения преступления: нарушители, применяя различные приспособления (доски, лестницы, одеяла), преодолевают контрольно-следовую полосу и ограждения, делают прорывы или подкопы, используя подручные средства или инструменты (лом, кусачки). Возможны инсценировки отвлекающих маневров или использование моментов отключения электроэнергии. Подготовка включает в себя предварительное изучение режима охраны, многократные ложные вызовы тревоги, использование естественных повреждений местности, неблагоприятных погодных условий и маскировочных средств [7, с. 201]. Нарушители могут скрываться в транспортных средствах (под капотом, в баках, в специально оборудованных тайниках). Подготовка занимает от трех дней до двух недель. Большинство нарушений совершаются группами из 2–3 че-

ловек, нередко с участием военнослужащих или сотрудников пограничной службы. Подкопы, чаще совершаемые ночью, требуют подготовки до трех месяцев из укрытий вблизи периметра. Выбор способа зависит от конкретных обстоятельств и эффективности охраны.

11. Расследование преступлений, совершенных организованными группами: представляет особую сложность из-за четкой иерархии, распределения ролей (координаторы, проводники, пособники) и сложных схем взаимодействия, включая коррупционные связи. Требуется активное использование оперативно-розыскных мероприятий, агентурной работы, а также налаженное межведомственное и международное сотрудничество. Особое значение приобретает сбор и анализ информации о финансовых потоках для выявления организаторов и финансистов преступных схем. Доказывание вины участников требует выявления их роли и долевого участия, что часто невозможно без специальных знаний и технических средств.

12. Методы сокрытия преступления: значительно затрудняют расследование и включают в себя:

уничтожение или маскировку следов пребывания: восстановление поврежденных ограждений, сжигание оставленных предметов, использование маскировочной одежды/обуви;

изменение внешности и документов: смена одежды, использование поддельных документов или уничтожение подлинных;

изменение маршрута и места нахождения: быстрое покидание приграничной зоны, перемещение вглубь территории;

распространение ложной информации или создание алиби: сообщники могут распространять ложные сведения или создавать ложные алиби;

взаимодействие с сообщниками: организованные группы используют развитую сеть сообщников для информационной поддержки, транспорта, укрытия и предупреждения об опасности;

пространственно-временные аспекты: криминалистическая значимость места незаконного пересечения границы заключается в обнаружении следов и объектов, имеющих доказательственное значение. Собранные данные позволяют определить механизм, обстоятельства, метод и время совершения преступления, а также личность правонарушителя. В характеристике учитываются места подготовки, совершения, сокрытия, уклонения от ответственности и маршруты передвижения. Анализ взаимосвязи этих мест с предыдущим местом жительства преступника способствует глубокому познанию механизма преступления. Время совершения преступления имеет уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое значение. Выборочность во времени (например, когда объект менее защищен) позволяет точно оценить об-

стоятельства и круг соучастников. Фактор времени определяет последовательность действий, обуславливает ситуацию и может использоваться преступниками для затягивания расследования, подготовки ложных показаний или воздействия на сотрудников. Интенсивность нарушений возрастает в весенне-летний период. Почти каждое третье правонарушение совершается в выходные и праздничные дни, около половины – в ночное время. Подготовка к незаконному пересечению границы часто включает изучение системы охраны, поиск отклонений у персонала и попытки вступления в нелегальные связи. Она тщательно маскируется, предполагает изучение системы охраны, расположения зданий, коммуникаций, подъездных путей для определения оптимального места преодоления. Преступник продумывает варианты, прогнозирует действия после успеха и способы сокрытия.

Структура криминалистической характеристики данного вида преступлений должна включать типичные сведения о субъективных элементах (личность преступника, его мотивы, цели, информация о преступных сообществах) и объективных элементах (способы совершения преступления и следы преступной деятельности).

Для улучшения системы реагирования, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых на Государственной границе Республики Беларусь, предлагаются следующие рекомендации:

1) совершенствовать обнаружение и сбор информации: усилить сбор и анализ данных (свидетельские показания, видеозаписи, данные беспилотных летательных аппаратов и сенсорных систем, цифровые и материальные доказательства). Внедрять интеллектуальные системы видеонаблюдения с функциями распознавания образов и анализа аномального поведения;

2) укреплять межведомственное и международное сотрудничество: Наладить тесное взаимодействие со Следственным комитетом, Министерством внутренних дел, Государственным пограничным комитетом, а также с международными организациями (Интерпол, Европол) и пограничными службами сопредельных государств. Это обеспечит оперативный обмен информацией, проведение совместных операций и выявление транснациональных организованных преступных групп. Разработать и подписать двусторонние и многосторонние соглашения, унифицирующие подходы к противодействию незаконному пересечению границы;

3) повышать квалификацию сотрудников: регулярно проводить специализированные тренинги и курсы повышения квалификации для сотрудников пограничных и следственных органов. Особое внимание уделить методикам работы со следами микрочастиц, цифровыми следами и данными с геолокационных устройств;

4) разрабатывать и внедрять актуальные методические рекомендации: обеспечить правильное проведение следственных действий путем разработки и регулярного обновления методических рекомендаций для следователей и дознавателей. Проводить научно-практические конференции и семинары по обмену опытом в расследовании данной категории преступлений;

5) применять новейшие криминалистические технологии: активно использовать современные криминалистические достижения, такие как ДНК-анализ для идентификации лиц, фоноскопические и портретные экспертизы, а также комплексные экспертизы следов обуви, транспортных средств и технических средств преодоления преград;

6) усилить профилактическую работу: разработать и реализовать комплекс мер по профилактике незаконного пересечения границы, включая информационные кампании для населения приграничных районов о недопустимости пособничества правонарушителям, а также работу с гражданами сопредельных государств по разъяснению законодательства Республики Беларусь.

Таким образом, проведенный анализ действий лиц, занимающихся противоправной деятельностью, а также оценка местности на участке ответственности позволят должностным лицам территориального органа пограничной службы заблаговременно подготовить и провести комплекс мероприятий для недопущения (минимизации) возможного незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь и наиболее быстрого и эффективного расследования данного вида преступления.

Список использованных источников

1. Утверждение решений на охрану госграницы органами погранслужбы, а также в воздушном пространстве в 2024 году / Президент Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/utverzhdenie-resheniy-na-ohranu-gosudarstvennoy-granicy-v-2024-godu> (дата обращения: 20.05.2025).

2. В аэропорту задержан иностранец с фальшивым паспортом / Государственный пограничный комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2023. – URL: <https://gpk.gov.by/news/gpk/150800/> (дата обращения: 18.05.2025).

3. Покушение на незаконное пересечение границы: расследование завершено / Следственный комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2021. – URL: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-vitebsk-ru/view/pokushenie-na-nezakonnoe-peresechenie-gosudarstvennoj-granitsy-belarusi-rassledovanie-zaversheno-9920/> (дата обращения: 18.05.2025).

4. Лидские пограничники пресекли попытку нарушения границы с применением БПЛА / Государственный пограничный комитет Республики Беларусь :

[сайт]. – Минск, 2023. – URL: <https://gpk.gov.by/news/gpk/152799/> (дата обращения: 18.05.2025).

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.05.2025).

6. Федорако, А.И. Правовой и организационный аспекты противодействия незаконной миграции / А.И. Федорако // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 3-4. – С. 3.

7. Чурносов, А.И. Криминалистическая характеристика незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь / А.И. Чурносов // Актуальные проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию со дня образования кафедры криминалистики Акад. МВД Респ. Беларусь (Минск, 3 июня 2011 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Н.И. Порубов [и др.]. – Минск, 2011. – С. 201.

УДК 343.985.8

А.В. Афанасенко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Б.В. Ковалик*

ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Активное развитие современных технологий предопределило широкое внедрение в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел разнообразных технических средств, среди которых особое место занимают беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Их применение в рамках оперативно-розыскной деятельности (ОРД) обусловлено не только стремлением к повышению эффективности и оперативности решаемых задач, но и необходимостью адаптации к изменяющимся условиям преступной среды, использующей новейшие достижения науки и техники. Использование БПЛА позволяет существенно расширить возможности визуального наблюдения, оперативного реагирования, а также проведения мероприятий негласно, а также в условиях труднодоступной местности или повышенной опасности. Кроме того, данные устройства способствуют минимизации рисков для сотрудников, обеспечивают мобильность, маневренность, высокую степень скрытности и непрерывности контроля за объектами. Все это делает БПЛА неотъем-

лемым элементом современного арсенала технических средств, применяемых при выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений.

Современные БПЛА оснащены видеокамерами, тепловизорами, средствами геолокации и передачи данных в реальном времени, что делает их эффективным инструментом дистанционного наблюдения и документирования. Несмотря на то что применение БПЛА в ОРД пока не урегулировано специальными подзаконными актами, отдельные нормы законодательства Республики Беларусь позволяют обосновать возможность их использования при соблюдении определенных условий.

Вопросы эксплуатации, хранения и допуска к использованию БПЛА регулирует Указ Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов». Согласно п. 1.2 юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе использовать БПЛА в профессиональных целях при соблюдении установленных условий, включая регистрацию аппарата, наличие разрешения на использование радиоэлектронных средств и подготовку оператора [1]. Органы внутренних дел, как юридическое лицо, вправе применять БПЛА при условии их учета и соблюдения режима эксплуатации.

Правовой основой для использования БПЛА в ОРД является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии со ст. 2 указанного закона БПЛА, будучи техническими средствами, модернизированными или приспособленными для скрытого наблюдения и фиксации информации, могут относиться к средствам негласного получения информации, использование которых допустимо в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. В частности, ст. 18 устанавливает перечень оперативно-розыскных мероприятий, при осуществлении которых допускается применение таких средств, при условии соблюдения требований законодательства и недопущения нарушения конституционных прав и свобод граждан [2].

Практическое применение БПЛА в ОРД целесообразно при проведении ряда мероприятий, предусмотренных вышеуказанным законом. В частности, использование БПЛА позволяет значительно повысить эффективность проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). При проведении **оперативного осмотра** применение БПЛА может способствовать дистанционному обследованию местности, в том числе труднодоступных или потенциально опасных участков, а также фиксации обстановки, недоступной для визуального наблюдения с земли. Это особенно актуально при необходимости бы-

строгое реагирования в условиях ограниченного времени или риска. В рамках **наблюдения** использование БПЛА позволяет осуществлять скрытый контроль за перемещением объектов оперативного интереса, отслеживать маршруты движения фигурантов, фиксировать места встреч. Применение подобных технических средств существенно снижает вероятность демаскировки и минимизирует вмешательство в наблюдаемую обстановку. При проведении **оперативного эксперимента и проверочной закупки** БПЛА могут использоваться для наблюдения за поведением лиц, попавших в искусственно смоделированную ситуацию. Это дает возможность объективно зафиксировать их реакции и действия без прямого вмешательства оперативных сотрудников, что обеспечивает чистоту эксперимента и достоверность полученных сведений. Во время проведения **контролируемой поставки** БПЛА могут применяться для отслеживания маршрута перемещения предметов или лиц, участвующих в передаче запрещенных объектов. С их помощью можно документировать все этапы логистической цепочки и установить участников противоправного взаимодействия.

Следует отметить, что применение БПЛА при проведении других ОРМ, предусмотренных законодательством, также возможно, однако в большинстве таких случаев их эффективность и уместность видятся менее очевидными. Тем не менее по мере технологического развития и совершенствования тактики ОРД возможен более широкий охват направлений, в рамках которых данные технические средства могут быть задействованы. С учетом стремительного развития технологий и потребностей оперативной практики, усовершенствование БПЛА для нужд ОРД должно идти по ряду приоритетных направлений. Прежде всего актуальной задачей является повышение скрытности таких устройств – снижение уровня шума и визуальной заметности позволит использовать их при скрытом наблюдении в городской застройке, не рискуя демаскировать проведение ОРМ. Не менее важным представляется увеличение времени автономной работы, что обеспечит возможность длительного наблюдения без необходимости частой подзарядки. Также следует ориентироваться на расширение возможностей видеофиксации: использование компактных камер с функцией ночного видения и высокой чувствительностью к слабому освещению значительно повысит информативность получаемых материалов в условиях недостаточной видимости. Важным направлением остается обеспечение устойчивой и защищенной передачи данных в режиме реального времени – это позволит оперативным подразделениям мгновенно использовать поступающую информацию для принятия решений. Кроме того, целесообразно

на адаптация отдельных моделей БПЛА для применения в замкнутых или ограниченных пространствах – таких как подъезды, склады, подвалы, где традиционные методы наблюдения малоэффективны. Все эти усовершенствования позволят существенно расширить тактический потенциал БПЛА и укрепить их значение как эффективного технического средства в арсенале современной ОРД.

При этом важно учитывать, что использование БПЛА возможно не только при проведении ОРМ, прямо указанных в законе, но и в рамках других действий, которые выполняются в процессе ОРД. Это связано с тем, что кроме ОРМ в практике применяются и методы ОРД, которые представляют собой приемы и способы, используемые сотрудниками органов внутренних дел для решения конкретных оперативных задач. Как подчеркивают Т.В. Астишина и В.Н. Омелин, методы ОРД имеют поисковый и тактический характер, не закреплены в виде исчерпывающего перечня и подбираются в зависимости от оперативной обстановки [3, с. 41–46].

Как справедливо отмечает А.Н. Толочко, в практике ОРД наряду с формально установленными мероприятиями применяются и иные формы работы – розыскные действия и меры, направленные на установление местонахождения скрывающихся лиц, сбор ориентирующей информации и общее обеспечение поисковой деятельности. К числу таких действий он относит, в частности, прочесывание местности, организацию засад, наблюдение, анализ видеозаписей с уличных камер, использование служебных собак, проверку по базам данных и другие тактические приемы [4, с. 365–367]. В логический ряд этих розыскных действий, по нашему мнению, вполне обоснованно может быть включено и использование БПЛА, позволяющее эффективно решать сходные задачи в условиях открытой местности, городской застройки или труднодоступных районов. Применение БПЛА в этом контексте выступает как современное техническое продолжение традиционных методов розыска, расширяя возможности оперативных подразделений в ситуациях, не подпадающих под строгую формализацию ОРМ.

С учетом вышеизложенного, применение БПЛА может быть оправдано и при выполнении таких розыскных задач, которые не оформляются как отдельные ОРМ, но требуют использования технических средств для поиска, наблюдения, установления местонахождения разыскиваемых лиц, фиксации обстановки и получения ориентирующей информации. Это делает БПЛА универсальным инструментом, применимым как в рамках мероприятий, так и в рамках методов и розыскных действий, что подтверждает их высокую значимость в условиях современной

оперативно-розыскной практики. Таким образом, применение БПЛА в ОРД органов внутренних дел представляет собой перспективное направление, соответствующее современным требованиям тактики, технического оснащения и правового регулирования. БПЛА обладают высоким потенциалом для решения оперативных задач, особенно в части наблюдения, фиксации информации, документирования обстановки и сопровождения фигурантов. Их использование оправдано не только при проведении отдельных ОРМ, но и в рамках иных действий, соответствующих методам ОРД, которые, в отличие от мероприятий, не закреплены законодательно, но формируют тактическую основу практики.

Полагаем, что отсутствие прямого подзаконного регулирования не препятствует использованию БПЛА, если соблюдены общие требования законодательства, включая положения Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» и Указа Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов». По мере развития технических средств и правоприменительной практики представляется целесообразным дальнейшее совершенствование нормативной базы, в том числе в части регламентации порядка применения БПЛА при решении оперативных задач, не ограничиваясь рамками формально определенных мероприятий.

Список использованных источников

1. О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 сент. 2023 г. № 297 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300297> (дата обращения: 18.05.2025).
2. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 24 апр. 2024 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Астишина, Т.В. К вопросу о методах оперативно-розыскной деятельности / Т.В. Астишина, В.Н. Омелин // Теория и практика правоохранительной деятельности. – 2018. – № 2. – С. 41–46.
4. Толочко, А.Н. О соотношении розыскных действий и розыскных мер, направленных на обнаружение лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда / А.Н. Толочко // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 дек. 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 365–367.

А.А. Богаткевич, студент факультета права

Научный руководитель – *В.П. Зайцев*

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ**

В прошлом досудебное соглашение о сотрудничестве не существовало в том виде, в каком оно закреплено в современном уголовном процессе, однако в его истории можно найти сходные правовые механизмы. Их целью также было содействие в раскрытии преступлений и предоставление более мягкого наказания подозреваемым (обвиняемым), готовым сотрудничать со следствием. Возникновение института досудебного соглашения в национальном праве во многом обусловлено влиянием международных правовых норм. Следует отметить, что сделка о признании вины по своей сути отличается от досудебного соглашения о сотрудничестве, так как в ней присутствует элемент диспозитивности, что противоречит сущности досудебного соглашения, принятой в странах постсоветского пространства, входящих в романо-германскую правовую систему.

В США институт соглашения о признании вины широко применяется на протяжении длительного времени. Обвиняемый может признать свою вину по одному или нескольким пунктам обвинения в обмен на более мягкое наказание [1, с. 95]. Если обвиняемый не достиг договоренности с прокурором, соглашение может быть заключено непосредственно с судьей. Характерной чертой этой практики является возможность назначения более строгого наказания в случае отказа обвиняемого от сотрудничества.

В Италии широко применяется механизм сделки о признании вины, а также соглашения о наказании. Эти институты были внедрены в уголовный процесс в 1980-х гг. в рамках масштабной реформы с целью ускорения рассмотрения уголовных дел [2, с. 275]. Данный механизм позволяет сторонам еще до начала судебного разбирательства достичь договоренности: обвиняемый признает свою вину, а прокурор соглашается на назначение наказания в виде штрафа или лишения свободы сроком не более двух лет. Такое соглашение освобождает обвинение от необходимости доказывания вины в судебном процессе, а обвиняемому дает право на сокращение срока наказания на одну треть. Кроме того,

в итальянском уголовном праве предусмотрен механизм, аналогичный досудебному соглашению о сотрудничестве. Его суть заключается в том, что лица, согласившиеся дать показания против участников организованных преступных групп, при выполнении условий соглашения могут рассчитывать на наказание, в пять раз меньшее по сравнению с максимальной санкцией, установленной соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса.

Во Франции действует механизм соглашения о признании вины, закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе с 1999 г. Этот институт, во многом аналогичный американской практике, направлен на ускорение уголовного судопроизводства. В рамках данной процедуры обвиняемый признает вину и соглашается на наказание, предложенное прокурором. Перед вступлением соглашения в силу судья обязан убедиться в его законности и добровольности признания. Применение данного механизма ограничено определенной категорией преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде штрафа или лишения свободы сроком до одного года [3, с. 205]. Производство по соглашению во Франции строго регламентировано, а в ряде случаев допускается замена уголовного наказания мерами административного характера.

В Германии институт соглашения о признании вины был введен в 2009 г. Прежде чем заключить соглашение о сотрудничестве, обвиняемому предоставляется возможность ознакомиться с материалами дела, чтобы объективно оценить доказательства обвинения и свои шансы на достижение соглашения. Особенностью этой формы сделки является ограниченный перечень наказаний: штраф, лишение свободы до одного года, ограничение специальных прав и конфискация преступных доходов. Для реализации досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо получить одобрение судьи, после чего обвиняемый принимает решение о его заключении.

В Российской Федерации досудебное соглашение о сотрудничестве получило официальное закрепление в 2009 г., как мера в рамках борьбы с организованной и экономической преступностью. Однако еще в 2001 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была введена норма, предусматривающая возможность заключения соглашения между обвиняемым и следственными органами, хотя на тот момент она не имела четкого содержания и широкого практического применения [1, с. 94]. В 2009 г. институт досудебного соглашения о сотрудничестве получил законодательное оформление: в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации были внесены соответствующие изменения, что дало возможность применять этот механизм на практике.

Суть нововведения заключалась в том, что обвиняемый мог заключить соглашение со следственными органами, предоставив сведения,

способствующие раскрытию преступлений, в обмен на смягчение наказания. Уже в 2011–2012 гг. началось активное применение досудебных соглашений, особенно в расследованиях, связанных с коррупцией и экономическими преступлениями. Это нововведение стало важным инструментом для ускоренного и результативного расследования уголовных дел. Заключение досудебного соглашения возможно только при соблюдении ряда условий. Одним из ключевых является согласие подозреваемого (обвиняемого) с предъявленным обвинением без проведения судебного разбирательства по делу, наказание за которое не превышает десяти лет лишения свободы. Также обязательным является выполнение обвиняемым конкретных действий, направленных на содействие в раскрытии преступлений. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право ходатайствовать о заключении досудебного соглашения на любой стадии расследования – начиная с момента возбуждения уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия. Пропуск этого срока влечет отказ в возможности заключения соглашения. Важно, что досудебное соглашение оформляется исключительно на добровольной основе и при обязательном участии защитника.

История становления института досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь тесно связана с развитием уголовно-процессуального законодательства, а также с необходимостью повышения эффективности уголовного судопроизводства и усиления борьбы с преступностью, особенно организованной. Введение данного правового механизма было направлено на оптимизацию судебных процедур и активизацию деятельности правоохранительных органов. Первым шагом на пути формирования этого института стало внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). В 2015 г. в законодательстве Республики Беларусь появился новый процессуальный механизм – досудебное соглашение о сотрудничестве, который был нормативно закреплен в гл. 49¹ УПК. Суть досудебного соглашения заключается в том, что подозреваемый (обвиняемый) берет на себя обязательство оказывать содействие в раскрытии и расследовании преступлений. В обмен на это законом предусмотрена возможность смягчения назначенного наказания. При этом выполнение обязательств по соглашению не влияет на признание виновности или объем обвинения – эти вопросы решаются в установленном законом порядке. В отличие от зарубежных правовых систем, где сделка о признании вины позволяет значительно сократить судебный процесс, в Республике Беларусь обязательным этапом остается проведение предварительного судебного заседания. В его рамках оценивается соблюдение условий досудебного соглашения, после чего уголовное дело рассматривается по общим правилам [4, с. 91].

Таблица отличительных признаков досудебного соглашения о сотрудничестве в разных государствах

Государство	Статус лица, совершившего преступление	Содержание	Цель
Беларусь	Подозреваемый (обвиняемый)	Подозреваемый (обвиняемый) должен заявить о признании своей вины в совершении преступления, а также указать действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления	Усиление борьбы с организованной преступностью и коррупционными преступлениями
Россия	Подозреваемый (обвиняемый)	Заключение соглашения между обвиняемым и следствием, согласно которому обвиняемый дает показания, которые могут способствовать раскрытию преступлений в обмен на смягчение наказания. Одним из важных условий являются обязательные действия, которые должен совершить подозреваемый (обвиняемый) для раскрытия преступлений	Борьба с организованной преступностью и в сфере экономических преступлений
Германия	Обвиняемый	Обвиняемый имеет право ознакомиться с материалами дела, чтобы оценить доказательства стороны обвинения	Быстрое и эффективное расследование преступлений
США	Обвиняемый	Обвиняемый соглашается признать вину по одному или нескольким пунктам обвинения в обмен на смягчение наказания в случае признания вины обвиняемым, сторона обвинения освобождается от обязанности доказывания, при этом, если обвиняемый не достиг соглашения с прокурором, он может это сделать непосредственно с судьей	Ускорение уголовных разбирательств

Окончание табл.

Государство	Статус лица, совершившего преступление	Содержание	Цель
Италия	Обвиняемый	Стороны могут до начала судебного разбирательства прийти к соглашению, т. е. обвиняемый признает свою вину, а прокурор соглашается на назначение наказания в виде штрафа и (или) лишения свободы на срок не свыше двух лет	Ускорение уголовных разбирательств
Франция	Обвиняемый	Обвиняемый признает вину и соглашается на наказание, предложенное прокурором, судья должен утвердить соглашение, проверив его законность и добровольность признания вины	Ускорение уголовных разбирательств

Таким образом, в странах англосаксонской правовой системы сделка о признании вины применяется преимущественно в отношении преступлений небольшой тяжести (мисдиминоров). Такие соглашения заключаются между защитой и стороной обвинения на стадии предварительного судебного рассмотрения. В таких странах, как США, Франция и другие, обвиняемый соглашается признать вину в обмен на отказ от части обвинения, смягчение наказания либо переквалификацию деяния на менее тяжкое. В Германии досудебное соглашение о сотрудничестве также применяется в делах о менее тяжких преступлениях, однако имеет свои особенности:

- обвиняемый имеет право ознакомиться с материалами дела;
- он самостоятельно оценивает доказательства и принимает решение о заключении соглашения;

- предусмотрены санкции в виде штрафа, лишения свободы на срок до одного года, ограничения специальных прав и конфискации преступных доходов;

- соглашение вступает в силу только после одобрения судом.

Итальянская модель соглашения ограничена лишь вопросом назначения наказания, не затрагивая при этом возможность изменения квалификации преступления или отказа от обвинения. Это принципиально отличает ее от американской модели, в рамках которой приоритет отдается ускорению уголовного процесса без обязательного установления объективной истины и привлечения виновного к полному объему ответственности. Именно итальянский подход стал основой для формирования одной из наиболее распространенных форм признания вины, которая в дальнейшем с учетом национальных особенностей была адаптирована и внедрена в уголовное законодательство других государств.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации и Республике Беларусь имеет как общие черты, так и отличительные особенности. Так, например, в России не допускается заключение соглашения с несовершеннолетними, или отказ в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения не подлежит обжалованию в Беларуси. Вместе с тем существуют и сходства:

- соглашение заключается между прокурором и подозреваемым (обвиняемым) на стадии досудебного производства;

- участие потерпевшего в процессе заключения соглашения не предусмотрено;

- предмет соглашения заключается в определении обязательств сторон;

- допускается заключение соглашения по различным видам преступлений.

Следует отметить, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь представляет собой важный шаг в развитии правовой системы государства. Важным достоинством белорусского института досудебного соглашения о сотрудничестве является его гибкость и адаптивность к современным вызовам в сфере уголовной юстиции. В условиях глобализации и цифровизации преступности (например, киберпреступлений, транснационального мошенничества) сотрудничество подозреваемых (обвиняемых) с правоохранительными органами приобретает особую ценность. Признание вины и передача информации, касающейся соучастников, преступных схем и средств совершения преступлений, позволяет не только расследовать уже совершенные деяния, но и предупреждать потенциальные угрозы, включая международные. Кроме того, внедрение института досудебного соглашения стало шагом к гуманизации уголовного процесса: правоприменение все чаще строится на принципах индивидуализации ответственности, учета поведения подозреваемого (обвиняемого) после совершения преступления, его раскаяния и готовности к сотрудничеству. Такой подход способствует не только правовой, но и социальной реабилитации личности, что важно в контексте задач исправления и ресоциализации.

Стоит отметить также, что развитие данного института стимулирует профессиональный рост следователей и прокуроров, так как требует от них высокого уровня правовой культуры, тактичности, умения вести переговоры и грамотно оценивать потенциальную ценность сотрудничества. Наконец, досудебное соглашение о сотрудничестве может рассматриваться как инструмент укрепления доверия между обществом и правоохранительными органами.

Для наиболее эффективного раскрытия преступлений с использованием института досудебного соглашения о сотрудничестве мы предлагаем:

- законодательно закрепить исчерпывающий перечень преступлений, по которым возможно заключение соглашения;

- разработать стандарты для оценки сотрудничества. Иными словами, ввести методические рекомендации для следователей и прокуроров по оценке степени содействия подозреваемого (обвиняемого) в раскрытии преступлений;

- организовать статистический учет и анализ эффективности применения института досудебного соглашения о сотрудничестве на уровне правоохранительных органов в образовательных целях, а также в целях повышения квалификации сотрудников;

- организовать обучающие семинары и тренинги для следователей, прокуроров и судей по вопросам ведения переговоров, оценки доказательств, процессуальных гарантий и этики применения соглашений,

ввести курсы по зарубежной практике применения «сделок со следствием», адаптированных к белорусским реалиям.

Список использованных источников

1. Топчиева, Т.В. Соотношение соглашений о сотрудничестве в уголовном процессе России и США / Т.В. Топчиева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 94–95.

2. Климанова, О.В. История и особенности современного правового регулирования и практики применения аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве в зарубежных странах / О.В. Климанова // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11-2. – С. 275.

3. Вальшина, И.Р. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания с позиции зарубежного законодательства / И.Р. Вальшина // Общество и право. – 2014. – № 2. – С. 205.

4. Манько, М.Н. О понятии и сущности досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе / М.Н. Манько // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В.В. Борисенко (предс.) [и др.]. – Могилев, 2020. – Вып. 8. – С. 91.

УДК 343.98

А.А. Богаткевич, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.С. Сенькевич*

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Расследование преступлений прошлых лет является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Республики Беларусь. Данный приоритет обусловлен как повышенной общественной опасностью таких общественно опасных деяний, так и необходимостью реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и решения задач общей и частной превенции.

К нераскрытым преступлениям прошлых лет относятся преступные деяния, по которым уголовное дело было возбуждено либо выделено в отдельное производство до 1 января текущего года. При этом производство по которому приостановлено в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь из-за неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Данное исследование опирается на комплексный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, материалов судебной практики находящихся в свободном доступе, аналитических обзорах. Изучение научной литературы, следственной практики свидетельствует, что типичными ошибками первоначального осмотра явились:

- несвоевременность выезда участников проводимого следственного действия к месту происшествия;

- отсутствие при проведении осмотра необходимых специалистов;

- ограниченность круга выдвинутых версий, подвергнутых проверке, а также недостаточная полнота и глубина их последующего анализа [1, с. 238];

- неиспользование научных и методических рекомендаций по расследованию конкретных преступлений [2, с. 30];

- отсутствие необходимых технических средств, прибытие на место происшествия без нужного оборудования (фотоаппарат, видеокамера, упаковочные материалы, измерительные приборы, средства индивидуальной защиты и т. д.);

- нарушение принципа неизменности места происшествия, до начала осмотра к месту происшествия допускаются посторонние лица, что приводит к уничтожению или изменению следов;

- отсутствие понятых или привлечение лиц, которые имеют личную заинтересованность в исходе дела;

- осмотр проводится поверхностно, не охватываются все важные объекты, не осматривается прилегающая территория, что приводит к утере следов преступления;

- отсутствие системности и последовательности при осмотре;

- неосторожное обращение со следами, приводящее к их порче или уничтожению;

- несоблюдение правил изъятия, упаковки и транспортировки вещественных доказательств;

- отсутствие подробного описания обнаруженных объектов, их местоположения, состояния, размеров. Использование общих фраз вместо конкретного описания;

- отсутствие или низкое качество фото- и видеофиксации, несоответствие сделанных снимков или видеозаписей требованиям криминалистики (например, отсутствие масштабной линейки, плохое освещение, нечеткость изображений);

- схемы и планы не содержат всех необходимых обозначений, размеров, привязок к постоянным ориентирам;

отсутствие или неправильное оформление приложений к протоколу, несоответствие количества и наименований изъятых предметов, указанных в протоколе, фактически приложенным к нему.

В качестве примера негативной следственной практики можно привести некачественный и поверхностный осмотр места происшествия, из-за которого были упущены ключевые доказательства и затруднено своевременное выявление признаков преступления. Так, 10 июля 2017 г. в органы следствия поступило сообщение о безвестном исчезновении гражданки П. При выезде следственно-оперативной группы по адресу ее проживания была осмотрена лишь одна комната, соседние комнаты в блоке, коридор, кухня и ванная остались необследованными. В результате следы крови на мебели, одежде и других предметах были обнаружены лишь при повторном осмотре 10 февраля 2018 г. Позже в коллекторной трубе недалеко от дома гражданки П. нашли ее тело с признаками насильственной смерти [2].

При этом современная криминалистика выработала тактические приемы, позволяющие адаптировать осмотр к специфике дел прошлых лет, включая ретроспективную реконструкцию, использование новых технических средств, поведенческий анализ и цифровое моделирование, и другие, которые в практической деятельности не всегда применяются.

Фундаментальный принцип криминалистики заключается в том, что любое событие, в том числе преступление, оставляет материальные и идеальные следы. Такие следы являются своего рода «отпечатками» происшедшего, несущими информацию о нем. Ретроспективный подход как раз и занимается «чтением» этих отпечатков и восстановлением механизма совершения преступного деяния.

Поведенческий анализ в криминалистике – это комплексный подход, направленный на изучение и интерпретацию поведения преступника до, во время и после совершения преступления. Его основная цель – создание «профиля» неизвестного преступника, который может помочь правоохрнительным органам сузить круг подозреваемых, определить мотивы, предсказать дальнейшие действия.

Цифровое моделирование в криминалистике – это применение компьютерных технологий для создания виртуальных моделей, симуляций и реконструкций событий, объектов и процессов, имеющих отношение к расследованию преступлений. Оно охватывает широкий спектр методов и инструментов.

Что касается современных технологий, то они позволяют выявить и исследовать следы, которые ранее считались недостаточными для исследования, а также появились относительно недавно (цифровые сле-

ды). Среди них – ДНК, трасология, анализ цифровых данных, 3D-сканирование и моделирование места происшествия [3].

В настоящее время развивается ДНК-фенотипирование – определение внешних признаков человека (цвет глаз, волос, кожи, возможное этногеографическое происхождение) по образцу ДНК, найденному на месте происшествия. В Беларуси и России ведутся активные разработки в этом направлении, уже достигнуты успехи в определении цвета глаз и волос с высокой точностью, а также этногеографического происхождения и даже возраста (с точностью до 3–4 лет).

В настоящее время в правоохранительных органах рассматривается перспектива внедрения портативной рентгентелевизионной установки в процессе осмотра места происшествия. Данная технология позволит осуществлять неинвазивное исследование объектов, что может быть особенно полезно при анализе потенциальных следов преступления, скрытых внутри различных конструкций или материалов. Использование рентгентелевизионного оборудования обеспечит более глубокое понимание структуры объектов, а также позволит выявить скрытые детали, которые могут оказаться критически важными для расследования.

Осмотр места происшествия не может быть качественно проведен без применения научно-технических средств. В этом контексте использование комбинированных технологий фотограмметрии и лидара на беспилотных летательных аппаратах представляет собой перспективный подход. Эти технологии обеспечивают наиболее объективную фиксацию обстановки на месте происшествия, позволяя значительно расширить границы его изучения. Кроме того, они служат дополнительным фактором обеспечения безопасности участников следственного действия, особенно в сложных условиях, таких как болотистая местность, обширные территории или горные районы. Применение таких современных технологий способствует более детальному анализу ситуации и повышает вероятность успешного раскрытия преступлений [4, с. 36–40].

Кроме того, использование беспилотных летательных аппаратов с возможностью получения высококачественных изображений и автоматической передачи данных открывает новые горизонты для дистанционного привлечения специалистов к осмотру места происшествия. Это позволяет экспертам, находящимся в удаленных локациях, оперативно консультировать следственные группы, анализируя полученные материалы в реальном времени. Такой подход не только ускоряет процесс принятия решений, но и способствует более глубокому анализу сложившейся следственной ситуации.

Внедрение инновационных технологий в практику осмотра места происшествия требует привлечения высококвалифицированных специ-

алистов, обладающих соответствующими знаниями и навыками для их эффективного применения. Это обусловлено тем, что современные методы и инструменты, такие как портативные рентгенотелевизионные установки, фотограмметрия и другие научно-технические средства, требуют не только технической подготовки, но и глубокого понимания криминалистических аспектов. Таким образом, интеграция данных технологий в следственную практику не только повышает качество и точность осмотров, но и способствует более полному и объективному анализу собранных следов преступлений.

При расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет подготовительный этап осмотра места происшествия приобретает особую значимость и имеет ряд специфических особенностей. Основная задача следователя – организовать осмотр таким образом, чтобы максимально точно восстановить картину происшедшего, несмотря на прошедшее время.

До выезда на место происшествия следователю необходимо:

продумать перечень научно-технических средств, которые будут применяться в ходе осмотра (например, фото- и видеосъемка, источники ультрафиолетового и инфракрасного излучения и др.);

проверить укомплектованность криминалистического чемодана и, при необходимости, дополнить его специализированными средствами для работы в сложных или нестандартных условиях;

подготовить и взять с собой бланки необходимых процессуальных документов, включая протоколы осмотра, схемы и др.;

провести предварительный анализ возможных изменений, происшедших на месте происшествия с момента совершения преступления, это могут быть изменения архитектуры здания, перепланировка помещений, состояние природной среды, проведение строительных или реконструкционных работ и т. д.

Изучение научной литературы и следственной практики позволя-ет дать некоторые рекомендации по повышению качества проводимого следственного действия:

проведение осмотра в несколько этапов – первичный (ориентирующий) осмотр, направленный на общее восприятие, и детальный – с фиксацией всех значимых деталей;

привлечение специалистов в различных отраслях знаний;

фиксация новых объектов, появившихся после происшествия (новостройки, инженерные сооружения), и оценка их влияния на доступ к первоначальному месту происшествия;

в случае если место происшествия находится в труднодоступной местности (лес, поле, пустырь), необходимо заранее организовать при-

влечение понятых и обеспечение их транспортировки, проведение инструктажа участников осмотра, подготовка средств связи и навигации.

Общий осмотр начинается с визуального обследования места происшествия с целью определения исходной точки осмотра и выбора оптимального маршрута его проведения. На данном этапе также определяется позиция для ориентирующей и обзорной фотосъемки, которая должна быть выполнена до внесения каких-либо изменений в обстановку.

Осмотр помещения, как правило, проводят концентрическим способом, т. е. от входа в него. Осмотр открытой местности проводится эксцентрическим способом, и фронтальный способ применяется при осмотре обширной территории, которую можно разделить на полосы.

Выбор метода осмотра влияет не только на полноту собираемой информации, но и на характер взаимодействия следователя и эксперта-криминалиста. Их сотрудничество строится на основе задач, решаемых в ходе проведения осмотра и направленных на извлечение максимального объема информации из обстановки на месте преступления. Следователь, консультируясь с экспертом, решает, какие объекты изъять и какие виды экспертиз назначить в последующем.

Качественное проведение осмотра места происшествия и использование криминалистических учетов сыграли ключевую роль в раскрытии убийства малолетнего мальчика, обнаруженного 15 октября 2004 г. в мусорном контейнере у дома № 43 в городе П. В ходе осмотра места происшествия были изъяты смывы бурого цвета, нижнее белье, фрагменты ткани и майка, на которых была обнаружена кровь. Эти образцы позволили выявить генотип неустановленной женщины, который был занесен в криминалистический учет.

В январе 2016 г. поступило сообщение о положительном результате проверки по учету данных ДНК, согласно которому было установлено совпадение генотипа гражданки В., выделенного в ходе экспертиз, проведенных по уголовному делу, с вышеуказанным генотипом неустановленной женщины. В результате проведения судебно-генетических экспертиз было установлено материнство В. по отношению к потерпевшему.

Установлено, что гражданка В., находясь в женском туалете общежития, родила живого, доношенного и жизнеспособного мальчика. После родов, не желая исполнять свои родительские обязанности и с целью умышленного лишения жизни заведомо малолетнего лица, находящегося в беспомощном состоянии, она умышленно уронила новорожденного на твердый пол, а затем закрыла ладонной поверхностью отверстия рта и носа ребенка, тем самым причинив ему тяжкие телесные повреждения.

При расследовании уголовных дел прошлых лет может проводиться первоначальный осмотр, когда на основании показаний ранее неизвест-

ных свидетелей или иным образом устанавливается место происшествия, ранее неизвестное следствию. Таким местом может быть, например, место сокрытия трупа или его частей в делах об убийствах (при его отсутствии), а также место, где была причинена смерть [5, с. 143–147].

Заключительный этап осмотра места происшествия предполагает фиксацию хода и результатов следственного действия, а также изъятие следов, объектов (предметов). Все предметы, которые изымаются и впоследствии могут быть признаны вещественными доказательствами, помещаются в упаковку, исключающую их повреждение и обеспечивающую сохранность имеющихся на них следов, а также обеспечивают бирками с пояснительными надписями и подписями участников процессуального действия, которые скрепляются печатью, о чем в протоколе ставится отметка.

Предлагается разработать специализированные методические рекомендации для следователей, касающиеся осмотра места происшествия в рамках уголовных дел по нераскрытым преступлениям прошлых лет. Рекомендации должны учитывать как общие положения криминалистической тактики, так и специфику отдельных категорий преступлений, что позволит следователям более эффективно выявлять и фиксировать следы преступления, а также обеспечивать комплексный подход к расследованию.

В документе необходимо систематизировать передовые практики и современные технические средства фиксации обстановки, а также разработать алгоритмы действий следователя в зависимости от характера и условий происшествия.

Введение подобных методических материалов в практику позволит унифицировать действия следователей, снизить количество процессуальных нарушений и утрату доказательств, а также повысить общий уровень профессиональной подготовки сотрудников.

Дополнительного изучения требует вопрос о создании специализированных следственных групп, направленных на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет. Важно, чтобы в состав таких групп не входили сотрудники, которые ознакомлены с материалами уголовного дела. Такой подход, по нашему мнению, обеспечит более глубокий анализ обстоятельств дела и повысит вероятность успешного раскрытия преступлений, позволит исключить фактор предвзятости.

При осмотре места происшествия необходимо акцентировать внимание на любые логические или смысловые несоответствия в обстановке. Такие противоречия, заметные уже при первичном восприятии места происшествия, могут указывать на преднамеренное сокрытие следов или искажение фактической картины происшедшего.

Эффективность осмотра места происшествия при расследовании преступлений прошлых лет определяется сочетанием современных научно-технических средств и строгим следованием криминалистическим рекомендациям. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии множественных ошибок, допускаемых при проведении осмотра места происшествия. Для повышения эффективности предлагается научному сообществу разработать специализированные методические рекомендации, систематизировать передовые подходы в осуществлении осмотра места происшествия. Решение этих задач позволит повысить качество собираемых доказательств и результативность раскрытия преступлений.

Список использованных источников

1. Мирошниченко, Д.В. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет / Д.В. Мирошниченко // Эпомен. – 2020. – № 49. – С. 238.
2. Информационный бюллетень Следственного комитета Республики Беларусь. – 2019. – № 1. – 376 с.
3. Мирошниченко, Д.А. Инновационные технологии в расследовании преступлений / Д.А. Мирошниченко, А.Ю. Павлова // Криминалистика и судебная экспертиза. – 2021. – № 3.
4. Луняка, Н.В. О возможностях комбинированного применения технологий фотограмметрии и лидара на беспилотных летательных аппаратах при проведении осмотра места происшествия / Н.В. Луняка, А.Л. Смаль // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 4. – С. 36–40.
5. Бессонов, А.А. Использование возможностей цифровой криминалистики в расследовании фактов безвестного исчезновения людей / А.А. Бессонов // Информационный бюллетень Следственного комитета Республики Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 143–147.

УДК 343.1

С.А. Воронко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.Ю. Левченкова*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Прокуратура издавна является важным органом. Особое место прокуратуры обусловлено осуществлением прокурорского надзора, который реализуется в рамках правоохранительной функции государства. Ни один другой государственный орган не вправе подменять прокура-

туру, осуществляя данный вид деятельности [1, с. 227]. Правовой статус прокурорских работников в целом и прокурора как участника уголовного процесса тесно связан с развитием самого органа, в связи с чем следует рассматривать его эволюцию через призму истории и изменений соответствующего законодательства.

Точкой отсчета истории прокуратуры можно считать 26 июня 1922 г., когда решением ЦИК БССР было принято Положение о прокурорском надзоре и учреждена Государственная прокуратура в составе Народного комиссариата юстиции. В соответствии с Положением о прокурорском надзоре на нее возлагалось осуществление от имени государства надзора за законностью действий государственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования противоречащих закону постановлений; поддержание обвинения в суде [2, с. 269].

Новым витком развития прокуратуры стало 25 апреля 1931 г., когда по принятому Положению о судостроительстве БССР деятельность прокуратуры стала осуществляться по отраслевому принципу [3, с. 14].

В годы Великой Отечественной войны деятельность прокуратуры была полностью ориентирована на достижение победы над немецко-фашистскими захватчиками. Структура прокуратуры в военные годы включала в себя подразделения, подчиненные прокуратурам фронтов, в том числе прокуратуры войск НКВД, отвечавших за охрану тыла, и прокуратуры железнодорожных войск. Также функционировали специализированные прокуратуры противовоздушной обороны и авиации дальнего действия, а с января 1942 г. и Главная военная прокуратура железнодорожного транспорта в составе Прокуратуры СССР [4, с. 53].

Одной из основных задач послевоенного периода явилась ликвидация последствий фашистской оккупации, а также привлечение преступников к установленной ответственности, помимо этого органы прокуратуры сосредоточили свои усилия на укреплении законности и в экономической сфере [5, с. 242].

Важным этапом в развитии прокурорского надзора стало принятие Положения о прокурорском надзоре в СССР 24 мая 1955 г., который систематизировал и развил нормы прокурорского надзора, определив не только общие задачи надзорной деятельности, но и конкретные формы и методы работы прокуратуры по обеспечению законности во всех сферах государственной и общественной жизни. Особое значение имело закрепление в Положении принципа подзаконности самой прокурорской деятельности. Дальнейшее развитие полномочий прокуратуры произошло с принятием в 1958–1962 гг. Основ уголовного и гражданского судопроизводства, а также соответствующих процессуальных кодексов со-

юзных республик. Эти нормативные акты расширили права прокурора в сфере надзора за законностью в судопроизводстве, возложив на него обязанность своевременно реагировать на любые нарушения закона на всех стадиях процесса независимо от их источника. В законодательстве было четко закреплено положение о том, что каждый прокурор обязан принимать меры к предупреждению и устранению любых нарушений закона, привлекать виновных к ответственности, осуществляя тем самым высший надзор от имени государства [6].

После распада СССР Республика Беларусь стала самостоятельным и независимым государством, которое стало выстраивать свою систему законодательства, в том числе связанного с урегулированием деятельности прокуратуры. Основой являются Конституция Республики Беларусь, Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», а также отраслевое законодательство, регламентирующее участие прокурора, в том числе и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) [7].

Вместе с тем в рамках уголовного процесса задачи, стоящие перед прокурором, остались теми же: надзор за соблюдением законодательства на всех стадиях уголовного процесса, осуществление предварительного следствия в отдельных случаях с возложением на себя обязанностей следователя, а также поддержание государственного обвинения в суде.

С учетом особой роли и многогранности форм участия прокурора в уголовном процессе, понятие его как участника, а также правовой статус регулярно подвергаются изменениям, отвечающим вызовам времени. С 21 мая 2025 г. вступили в силу очередные изменения в УПК, значительная часть которых относится именно к указанному участнику уголовного процесса [8].

Корректировке подверглось большинство положений УПК, начиная со ст. 6. П. 32 данной статьи, содержащий определение прокурора, был расширен и дополнен рядом должностей прокурорских работников, имеющих право возложить на себя полномочия указанного участника уголовного процесса. Аналогичные изменения были внесены также и в п. 38. Помимо этого ряд статей дополнен прямым указанием на заместителя прокурора, как лицо, обладающее в определенных случаях теми же полномочиями, что и его непосредственный руководитель.

Отдельного внимания заслуживает ст. 34 УПК, которая посвящена правовому статусу прокурора. В соответствии с данной статьей прокурор как должностное лицо в пределах своей компетенции осуществляет от имени государства уголовное преследование и поддерживает государственное обвинение в суде. В отдельной части указанной статьи закреплено положение о том, что при осуществлении надзора за исполнением законов на стадиях досудебного производства прокурор неза-

висим и подчиняется исключительно закону, что дополнительно подчеркивает особое положение данного участника уголовного процесса. Дальнейшее перечисление полномочий прокурора демонстрирует всю широту и уникальность его процессуального положения, обусловленного особым статусом прокуратуры в системе правоохранительных органов Республики Беларусь. В процессе досудебного производства прокурор обладает правом знакомиться с материалами оперативно-розыскной деятельности, давать обязательные указания органам дознания и следствия, возбуждать или отказывать в возбуждении уголовных дел. Он может принимать уголовное дело к своему производству для осуществления предварительного следствия, возлагая на себя полномочия следователя, либо передавать его нижестоящему прокурору или органу предварительного следствия. Прокурор осуществляет надзор за предварительным расследованием, проводимым органами дознания и следствия, а также процессуальное руководство деятельностью нижестоящих прокуроров. В рамках надзора за законностью предварительного следствия и дознания прокурор уполномочен истребовать и проверять уголовные дела и материалы, при этом изменениями, вступившими в законную силу 21 мая 2025 г., прямо закреплён срок их предоставления, составляющий 72 часа с момента поступления запроса. Помимо этого прокурор имеет полномочия передавать дела между органами следствия в соответствии с подследственностью, лично проводить следственные действия, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, формировать следственные группы и руководить ими. Отдельно следует отметить еще одно полномочие, интегрированное в УПК вышеуказанным законом: возбуждать производство по вновь открывшимся обстоятельствам и прекращать его, отказывать в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Наличие данного пункта подчеркивает широту процессуального статуса прокурора, имеющего полномочия осуществлять деятельность на всех стадиях уголовного процесса.

Также прокурор может отменять незаконные постановления нижестоящих прокуроров и следователей, давать обязательные указания о проведении процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, санкционировать применение, изменение или отмену меры пресечения, продлевать сроки следствия и содержания под стражей. Он вправе прекращать производство по уголовным делам, разрешать отводы и жалобы, выносить требования об устранении нарушений закона, отстранять прокуроров от следствия при выявлении нарушений, обращаться с представлениями о лишении иммунитета от уголовного преследования. Указанное должностное лицо санкционирует применение мер процессуального принуждения и проведение ряда следственных

действий. Прокурор направляет уголовные дела в суд, а также, при необходимости, возвращает уголовные дела для производства дополнительного предварительного расследования.

Достаточно широким спектром полномочий наделен прокурор и в судебном разбирательстве, при этом необходимо подчеркнуть, что участие прокурора обязательно по делам публичного и частно-публичного обвинения, а также по делам частного обвинения, возбужденным прокурором, за исключением случаев, определенных УПК. Также определенный перечень полномочий присущ прокурору при апелляционном, кассационном и надзорном производстве.

Отдельно следует отметить одно из нововведений, а именно ст. 34¹ УПК, которой теперь прямо регламентирован порядок дачи санкции прокурором.

Проведенный анализ эволюции правового статуса прокурора в уголовном процессе Республики Беларусь демонстрирует последовательное развитие и совершенствование его полномочий на различных исторических этапах. Начиная с момента создания прокуратуры в 1922 г. как органа, осуществляющего надзор за законностью, через сложные периоды военного времени и послевоенного восстановления до современного этапа государственного строительства, правовой статус прокурора претерпел существенные изменения, отражая потребности общества и государства в обеспечении законности. Исторический опыт показывает, что функции и полномочия прокурора всегда адаптировались к актуальным задачам государства – от борьбы с последствиями военной разрухи и восстановления народного хозяйства до обеспечения правопорядка в современных условиях. Особенно значительные преобразования произошли после обретения Беларусью независимости, когда была создана собственная правовая система, закрепившая принципы независимости прокуратуры, расширившая ее надзорные и процессуальные полномочия. Современное законодательство закрепило комплексный статус прокурора как субъекта уголовного процесса, сочетающего функции прокурорского надзора, уголовного преследования и поддержания государственного обвинения. Анализ норм УПК свидетельствует о широте процессуальных полномочий прокурора на всех стадиях уголовного процесса, что подчеркивает его ключевую роль в обеспечении законности. При этом сохраняется принцип подзаконности прокурорской деятельности, что гарантирует соблюдение прав участников процесса. Эволюция правового статуса прокурора отражает общую тенденцию усиления гарантий законности в уголовном процессе, повышения эффективности прокурорского надзора и совершенствования механизмов защиты прав граждан. Дальнейшее развитие правового статуса про-

курора, вероятно, будет связано с совершенствованием процессуальных механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности в уголовном процессе.

Список использованных источников

1. Бибило, В.Н. Судостроительство : учебник / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 328 с.
2. История советской прокуратуры в важнейших документах. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – 298 с.
3. Грачева, И.М. Централизация полномочий органов прокуратуры БССР периода 1922–1937 гг. / И.М. Грачева // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2021. – № 1. – С. 14.
4. Прокуратура Беларуси. 100 лет: история и современность / авт. текста, сост.: Г.И. Дыско [и др.] ; под общ. ред. А.И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 255 с.
5. Грачева, И.М. Деятельность органов прокуратуры БССР в первые послевоенные годы (1944–1950 гг.) / И.М. Грачева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2020. – № 20-1. – С. 242.
6. Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2025. – URL: <http://www.prokuratura.gov.by> (дата обращения: 28.05.2025).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.05.2025).
8. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.05.2025).

УДК 341.33

И.А. Гриб, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *С.Ю. Дегонский*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Согласно п. 7 Концепции национальной безопасности национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и явля-

ются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития. При этом в экономической и социальной сферах к основным интересам относятся:

- развитие национального финансового рынка и регулируемой государством интеграции в международную финансовую систему;

- недискриминационный доступ на мировые рынки товаров, услуг и финансов, а также сырьевых и энергетических ресурсов;

- сбалансированность внешней торговли, обеспечение внешнеэкономической безопасности;

- взаимовыгодное и недискриминационное экономическое сотрудничество в рамках международных интеграционных объединений;

- удовлетворение ключевых социальных потребностей граждан, минимизация негативных последствий социальной дифференциации и социальной напряженности в обществе;

- обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества.

Достижение обозначенных целей в условиях глобализации мировых процессов невозможно представить без взаимодействия нашей страны с иными участниками международных правоотношений.

Несмотря на негативные тенденции развития мировой экономики – неустойчивость, связанная с переделом сфер влияния, в том числе силовым путем, а также последствиями масштабных международных экономических санкций, которые стали инструментом воздействия на социально-экономические процессы неугодных государств [1] – во внешней политике Республика Беларусь при построении взаимоотношений с субъектами международного права придерживается позиции равноправного и взаимоуважительного диалога. Наша страна активно интегрируется в мировое сообщество как самостоятельный независимый субъект международных правоотношений, преследующий не только свои национальные интересы, но и нацеленный на достижение мировой и локальной безопасности в широком смысле слова.

Путь Республики Беларусь как самостоятельного субъекта международного права начался с 1919 г., когда она заключила договор с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой о военном и хозяйственном союзе, в котором на основе права народов на самоопределение признавалась независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон. С тех самых пор Республика Беларусь, на тот момент называвшаяся Белорусской Советской Социалистической Республикой, стала участником международных договоров.

Республика Беларусь к настоящему времени стала участницей 2 750 двухсторонних и 1 400 многосторонних международных договоров, и это количество продолжает увеличиваться. Важно понимать, что при заключении новых международных договоров Республика Беларусь реализует задачи и стремится достичь целей, которые закреплены в Конституции. Согласно Основному Закону страны мы опираемся на общепризнанные нормы и принципы международного права. Помимо этого, Республика Беларусь не заключает международные договоры, которые противоречат Конституции [2]. Наша страна заключает в основном договоры, направленные на развитие дружественных и партнерских отношений, при этом не имеет значения, к какой части света относится государство, главное, чтобы все строилось на взаимопонимании и взаимопомощи.

Если говорить о том, какие именно международные договоры и с кем заключает наша республика, то важно определить направления внешней политики нашей страны, так как именно они во многом определяют те международные договоры, которые в будущем будут заключены. Во многом они определяются тем, что Республика Беларусь является социальным государством, которое ставит защиту прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь в приоритете. Исходя из этого, основными направлениями являются: внешняя торговля, договоры о противодействии преступности, международные договоры ООН, космическая отрасль, договоры в научных и социальных сферах.

Международные договоры в сфере внешней торговли представляют особый интерес для нашего государства. Связано это с тем, что экономика государства ориентируется на производство продукции как для внутреннего, так и для внешнего рынка. Для Республики Беларусь важно, чтобы инвестиции поступали из-за рубежа и не было оттока денежных средств из страны в иные государства. Следует отметить, что Республика Беларусь, расположенная между Европой и Азией, является одной из транзитных стран. Ввиду чего это обусловило возможность многовекторного развития нашей страны, в том числе путем заключения различных международных договоров, присоединением к международным организациям. Однако важно помнить, что международная активность Беларуси призвана обеспечивать защиту государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь, прав, свобод и законных интересов граждан.

Сегодня Республика Беларусь является членом более чем 60 различных международных объединений и организаций. Необходимо понимать, что эти объединения имеют различные цели и задачи, состав

их участников разнообразен, однако все они преследуют и реализуют мирные инициативы, с целью удовлетворения не только национальных интересов, но обеспечения всеобщего благоденствия. Наша страна не «дружит против кого-то», а нацелена на установление и поддержание деловых товарищеских взаимоотношений со всеми миролюбивыми участниками международных правоотношений.

Так, наиважнейшей сферой взаимодействия Республики Беларусь является взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН). Республика Беларусь является государством – учредителем ООН, равноправным субъектом международных отношений, выступающим за признание многообразия путей устойчивого развития. Беларусь привержена общепризнанным принципам международного права, прежде всего суверенного равенства государств, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других стран, неделимости безопасности.

Внешняя политика республики направлена на поддержание мира, исключение этнической, национальной, религиозной и иной вражды, формирование и укрепление многополярности в сфере международных отношений, взаимовыгодное и равноправное сотрудничество с другими странами и народами, уважение права выбора ими своего пути [3].

В рамках ООН действуют различные организации, которые преследуют определенные цели, решают соответствующие задачи. Общим у этих формирований является то, что они действуют в рамках данной организации, а также то, что их основная цель – укрепление связей и отношений между государствами. К таким организациям можно отнести Программу развития ООН (ПРООН), Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Международную организацию труда (МОТ) и иные.

ПРООН – глобальная сеть для достижения устойчивого развития. Она основана в 1965 г., оказывает финансовую, техническую и экспертную помощь странам, решая социально-экономические проблемы. ПРООН комплексно поддерживает страны в достижении 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), включая искоренение нищеты, гендерное равенство, борьбу с изменением климата и укрепление национальных институтов. Деятельность организации охватывает защиту окружающей среды, содействие занятости, улучшение положения женщин и борьбу с инфекционными заболеваниями. Сотрудничество Беларуси и ПРООН началось в 1992 г., направлено на социально-экономическое развитие страны и закреплено соглашением, обязывающим ПРООН поддерживать национальные приоритеты.

Начиная с 2017 г. ПРООН оказывает значительную поддержку в формировании и обеспечении функционирования Национальной архи-

тектуры управления процессом достижения ЦУР. Согласно Страновой программе ПРООН по Республике Беларусь на 2021–2025 годы, работа ведется по следующим ключевым направлениям, отражающим приоритеты устойчивого развития страны: развитие экономики на принципах «зеленого» и инклюзивного роста, что подразумевает стимулирование инноваций, поддержку малого и среднего бизнеса, создание новых рабочих мест и обеспечение равных возможностей для всех граждан; внедрение мер по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним; расширение возможностей уязвимых групп населения, таких как люди с инвалидностью, пожилые люди и сельские жители, для полноценного участия в социально-экономической жизни, включая доступ к образованию, здравоохранению и занятости.

В сфере международной безопасности также имеются определенные договоренности, которые наша страна обеспечивает. Республика Беларусь является членом Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), основная задача которого – стандартизация и контроль за обращением с атомной энергией. Международное взаимодействие по вопросам обеспечения ядерной и радиационной безопасности осуществляется с общим пониманием значимости данного направления при использовании атомной энергии, взаимном стремлении как со стороны Республики Беларусь, так и зарубежных контрагентов приложить максимум усилий для его укрепления, стремлении зарубежных и международных организаций (прежде всего МАГАТЭ) оказать всестороннее содействие Республике Беларусь как на текущем этапе развития инфраструктуры ядерной и радиационной безопасности, так и в дальнейшем [4].

Кроме участия в рамках социально-экономического взаимодействия с международными организациями, Республика Беларусь активно проводит политику и в региональном масштабе.

Ряд объединений относятся к постсоветским. Самым известным таким объединением является Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное в 1991 г. на основании подписания в резиденции «Вискули» Соглашения о создании Союза Суверенных Государств, впоследствии измененное на Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Республика Беларусь выступила как одна из стран-основательниц нового объединения. Чуть позднее в рамках СНГ был принят ряд решений, которые укрепили взаимоотношения между странами-участниками: Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г., «Об актуализации Перечня совместных мер реагирования на возникающие проблемы», Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции и ряд иных соглашений.

Важное место в региональном взаимодействии занимает Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянно действующий регулирующий орган Евразийского экономического союза (ЕАЭС), созданный для обеспечения эффективного функционирования и дальнейшего развития этого интеграционного объединения. Основное назначение ЕЭК заключается в создании условий для беспрепятственного функционирования и устойчивого развития ЕАЭС. В составе ЕЭК представлены пять государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. На сегодня в структуре ЕЭК функционируют 25 департаментов. При данных департаментах созданы 20 консультативных комитетов с целью выработки предложений для Коллегии ЕЭК и проведения консультаций с представителями национальных органов государственной власти [5].

Ярким примером социально-экономического взаимодействия с ближайшими соседями нашей страны выступает добрососедское и дружеское построение взаимоотношений с братской Россией. В подтверждение этих слов в сфере экономики между нашими странами осуществляется поставка сырья, экспорт продукции нефтехимии, машиностроения, металлургии, деревообработки, легкой промышленности, молочной и мясной продукции, мебели, стекла, стекловолокна, цемента, а также иных видов товаров. Основными покупателями нашей продукции являются Московская и Смоленская области, г. Санкт-Петербург, Кемеровская и Брянская области, Республика Татарстан, Краснодарский край, Ленинградская и Воронежская области. К крупнейшим потребителям белорусской продукции относятся также Центральный, Северо-Западный и Приволжский федеральные округа [6]. Товарооборот между Российской Федерацией и Республикой Беларусь показывает постоянное увеличение [7].

Кроме того, с Россией нас связывает и ряд социальных проектов в рамках развития Союзного государства. Помимо общего рынка, также осуществляется общее финансирование проектов, в том числе в сфере работы научных фондов. Одним из самых известных научных фондов Российской Федерации, а именно Российским фондом фундаментальных исследований, в контексте совершенствования системы взаимосвязей участников научно-инновационной деятельности ежегодно организуются совместные с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований конкурсы на лучшие проекты фундаментальных научных исследований [8].

На сегодня активно развивается также космическая отрасль нашей страны в сотрудничестве с Россией. Согласно Основным направлениям внутренней и внешней политики Республики Беларусь в рамках дея-

тельности по исследованию и освоению космоса наша страна ставит перед собой следующие задачи:

а) участие в международных программах исследования и использования космического пространства;

б) развитие научно-технического потенциала белорусских организаций, работающих в области космической деятельности [9].

Развитие космической программы нашей страны имеет конкретные результаты. В космос было запущено 2 спутника: БКА, или же БелКА (белорусский космический аппарат), 22 июля 2012 г., после чего Республика Беларусь вошла в число космических государств [10]. В январе 2016 г. спутник «Белинтерсат-1» также был запущен нашей страной в космос.

Марина Василевская, первая в Республике Беларусь женщина-космонавт, с 23 марта по 6 апреля 2024 г. совместно с российскими коллегами отправилась в космос на Международную космическую станцию для участия в течение 14 суток в экспедиции, тем самым вывела нашу страну на новый мировой уровень развития. По возвращении в Республику Беларусь Марина Василевская в торжественной обстановке получила звание «Герой Беларуси» [11].

Однако необходимо отметить, что Беларусь открыта и миролюбива в своей внешней политике не только по отношению к своим «соседям», но выстраивает на паритетной основе отношения и со странами дальнего зарубежья.

Следует осветить взаимодействие Беларуси и стран Востока. В пяти странах – как традиционных, так и перспективных партнерах (Египет, Катар, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Сирия, Южно-Африканская Республика (ЮАР)) – успешно работают белорусские дипломатические представительства, а если говорить об ОАЭ, то у нас с данным государством действует двустороннее соглашение о взаимных безвизовых поездках граждан [12].

Отдельно выделим взаимодействие с мировыми экономическими лидерами нашей планеты. На сегодня Китай является одним из крупнейших рынков широкого спектра товаров. Взаимодействие Республики Беларусь с Китаем осуществляется в различных сферах деятельности. Одним из наиболее интересных является развитие проекта «Великий камень». Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, экспорт товаров составил 156 млн долларов США, а импорт – 303,4 млн долларов США за 2024 г. [13]. Исходя из изложенного, можно заключить, что развитие проекта «Великий камень» является перспективным для нашей страны. Помимо этого, усиление сотрудничества между двумя странами в области цифровой

трансформации будут способствовать дальнейшему развитию отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства [14]. Также наша страна и КНР успешно осуществляют торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество в ходе реализации концепции «Один пояс – один путь» [15].

Подводя итог, необходимо отметить, что Республика Беларусь является активным участником широкого спектра международных соглашений в социально-экономической сфере. Все эти соглашения, в том числе охватывающие торгово-экономическое сотрудничество, научно-техническое взаимодействие, направлены на устойчивый рост взаимоотношений как с конкретными государствами, так и с мировым сообществом в целом. Ввиду исторической общности развития особое значение в этом направлении имеют страны постсоветского пространства, с которыми Республика Беларусь поддерживает тесные интеграционные связи и реализует совместные проекты в рамках ЕАЭС.

Кроме того, важным направлением внешней экономической политики республики является развитие сотрудничества со странами Востока и Азии. Это сотрудничество характеризуется увеличением товарооборота, реализацией крупных инвестиционных проектов в различных отраслях экономики, включая промышленность, сельское хозяйство, машиностроение.

Таким образом, активное участие в международном договорном процессе и приоритетное развитие сотрудничества со многими странами являются ключевыми факторами обеспечения экономического роста и повышения благосостояния населения Республики Беларусь.

Участие Республики Беларусь в международных объединениях и организациях подчеркивает нацеленность на реализацию мирных инициатив, удовлетворения не только национальных интересов, но обеспечение всеобщего блага. Белорусы нацелены на установление и поддержание деловых товарищеских взаимоотношений со всеми миролюбивыми участниками международных правоотношений. Своей внешней политикой наша страна в очередной раз подчеркивает приверженность принципам социальной справедливости и социальной ответственности не только перед своими гражданами, но и перед гражданами взаимодействующих государств.

Поэтому белорусское общество посредством делегирования своих представителей 25 апреля 2024 г. на заседании Всебелорусского народного собрания приняло решение «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», в которой и закреплены юридически вышеназванные устремления:

участие в формировании многополярного мира и системы международных отношений, основанной на верховенстве норм международного права и многостороннем сотрудничестве;

совершенствование и укрепление механизмов обеспечения национальной и коллективной безопасности с участием Республики Беларусь на основе принципа неделимости международной безопасности;

стратегическое партнерство и особые отношения с дружественными государствами, углубление евразийской интеграции;

прагматичное взаимодействие с иными государствами и объединениями, основанное на равноправии и взаимном учете интересов.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 15.06.2025).

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // илех : информ.-правовая система (дата обращения: 30.05.2025).

3. О реализации основ идеологии белорусского государства : директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012> (дата обращения: 30.05.2025).

4. Трафимчик, З.И. Международное сотрудничество Республики Беларусь в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности / З.И. Трафимчик, О.В. Соболев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-respubliki-belarus-v-oblasti-obespecheniya-yadernoy-i-radiatsionnoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Общая информация о ЕЭК / официальный сайт ЕЭК. – URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/about/> (дата обращения: 31.05.2025).

6. Региональное сотрудничество России и Белоруссии в рамках ЕАЭС // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/regionalnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-belorussii-v-ramkakh-eaes/> (дата обращения: 25.05.2025).

7. Официальный сайт ЕЭК. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx (дата обращения: 21.03.2025).

8. Перегудова, Е.Ю. Экономические и организационные аспекты межрегионального взаимодействия в Союзном государстве Беларуси и России в условиях цифровизации / Е.Ю. Перегудова // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 4. – URL: <https://esj.today/PDF/46ECVN420.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

9. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1518. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> – Нацио-

нальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 29.05.2025).

10. Белорусский спутник запустили с космодрома Байконур // БелТА. – 2012. – 22 июля. – URL: <https://belta.by/society/view/belorussskij-sputnik-zapustili-s-kosmodroma-bajkonur-foto-video-86121-2012/> (дата обращения: 31.05.2025).

11. Лукашенко: полет Василевской вывел Беларусь на новый уровень участия в космических программах // БелТА. – 2024. – 11 апр. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-polet-vasilevskoj-vyvel-belarus-na-novyy-uroven-uchastija-v-kosmicheskikh-programmah-627257-2024/> (дата обращения: 30.05.2025).

12. Бордуков, Ю.В. Международные отношения Республики Беларусь со странами Ближнего Востока / Ю.В. Бордуков. – URL: <https://elib.gstu.by/handle/220612/39771?show=full> (дата обращения: 15.04.2025).

13. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/statistika-malykh-territoriy/osobyie-ekonomicheskije-zony/godovye-dannye/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-rezidentov-kitaysko-belorusskogo-industrialnogo-parka-velikiy-kamen/> (дата обращения: 05.03.2025).

14. Терещенко, Е.А. Перспективы сотрудничества между Китаем и Беларусью в области цифровой экономики / Е.А. Терещенко. – URL: <https://rep.bntu.by/handle/data/73485> (дата обращения: 17.03.2025).

15. Новская, А.А. Экономическое сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на современном этапе / А.А. Новская, А.А. Нечай. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-respubliki-belarus-i-kitayskoj-narodnoj-respubliki-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения: 19.03.2025).

УДК 343.983.22

П.С. Гринь, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *А.Н. Матлак*

ЭКСПЕРТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ВЫСТРЕЛА ИЗ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ БЕЗ НАЖАТИЯ НА СПУСКОВОЙ КРЮЧОК

Эксперимент представляет собой наиболее сложный и эффективный метод эмпирического познания, с которым связано становление всей опытной науки и утверждение доминирования объяснительных моделей в естествознании в целом. Не является исключением роль эксперимента для криминалистики и судебной экспертизы. Если рассматривать эксперимент в криминалистике, то его сущность воплощена в самостоятельном следственном действии – следственном эксперименте.

В судебной экспертизе экспертный эксперимент используется с целью получения необходимых для сравнения материалов или решения вопросов следствия и суда, выступая в качестве одного из этапов экспертного исследования.

Следует отметить, что в отличие от следственного и судебного экспертного эксперимента не является самостоятельным источником получения доказательств, а представляет собой лишь один из элементов технологии проведения судебной экспертизы, финальным результатом которого может быть получение доказательственной информации.

В научных трудах под экспертным экспериментом понимается общенаучный метод познания, суть которого заключается в производстве опытов в контролируемых и управляемых условиях с объектами исследования в целях выяснения механизма слеодообразования, установления конкретного факта и причинной связи между фактами, явлениями, установления причин и условий технического характера, способствовавших совершению преступления, и т. д. [1, с. 131].

В литературе под экспериментом понимается «метод научного познания, при помощи которого исследуются явления реально-предметной действительности в определенных (заданных), воспроизводимых условиях путем их контролируемого изменения» [2, с. 122].

Изучая эксперимент как одну из форм практики, как критерий истины, представляющий собой специфическую форму познания, Р.С. Белкин дает такое определение: «Эксперимент (от лат. слова *experimentum* – испытание) – искусственное систематическое изменение условий наблюдаемого явления и связей его с другими явлениями» [3, с. 144].

Введя в криминалистику понятие экспертного эксперимента, в своей докторской диссертации Р.С. Белкин указывал, что «с одной стороны, экспертный эксперимент – научный метод исследования, достоверность которого напрямую зависит от его правильной организации и выбора условий его проведения. С другой – эксперимент является разновидностью второй стадии экспертного осмотра, продолжение динамической, активной его стадии» [4, с. 153].

На основании изложенного мы считаем возможным определить экспертный эксперимент как одно из практических средств получения новых знаний об объекте судебной экспертизы, применяемое экспертом при необходимости. Важным моментом, который следует учитывать, говоря об экспертном эксперименте, является тот факт, что его неотъемлемыми чертами являются создание специальных условий, неоднократность воспроизведения хода и полученных результатов, использование технических и программных средств.

Решение задачи по установлению возможности выстрела из огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок невозможно представить без проведения экспертного эксперимента. При этом, в зависимости от конкретных условий, при которых экспертом проверяется возможность производства такого выстрела, алгоритм экспертного эксперимента может различаться (например, при падении с высоты 1,5 метра, либо при ударе казенной частью или прикладом оружия о какое-либо препятствие и т. д.).

Данное обстоятельство обусловлено двойственным характером цели рассматриваемой экспертной задачи: установлением самой возможности или невозможности производства выстрела, а в случае наличия такой возможности еще и установлением ее зависимости от конкретных условий и причин (например, износ или производственный дефект шептала, разобьителя, фиксатора или его пружины и т. д.).

На начальной стадии проведения экспертного эксперимента эксперт использует весь арсенал всеобщего метода познания для первоначального (предварительного) исследования и оценки представленного на исследование объекта, его конструктивных особенностей, с целью дальнейшего планирования эксперимента и, в том числе, для оценки безопасности его проведения.

Положительно оценив возможность проведения эксперимента и спланировав его ход, судебным экспертом проводятся осмотр оружия и его деталей, их измерение и сравнение с имеющимися справочными материалами или образцами из натуральных коллекций для выявления дефектов, способных привести к сбоям в работе всех или отдельных узлов и механизмов оружия, и, соответственно, к производству выстрела при воспроизведении определенных условий или их совокупности.

Для полного и объективного ответа на поставленный инициатором проведения экспертизы вопрос все манипуляции, проводимые судебным экспертом при экспертном эксперименте, должны условно носить констатирующий и контролирующий характер.

Констатирующий характер действий эксперта заключается в подтверждении или опровержении выдвигаемой инициатором и изложенной в постановлении (определении) о назначении экспертизы гипотезы.

Для этих целей судебный эксперт должен воспроизвести, смоделировать аналогичные условия, в которых ранее, согласно фабуле дела, могло гипотетически произойти определенное действие с объектом судебной экспертизы. Осуществив неоднократно экспериментальное действие, направленное на установление возможности выстрела без нажа-

тия на спусковой крючок в определенных условиях, эксперт формулирует ответ на вопрос: «Возможен выстрел или нет?».

В случае если выстрел невозможен, с учетом проверяемой гипотезы, часто формулируются соответствующие выводы и экспертное исследование завершается. В случае если выстрел без нажатия на спусковой крючок возможен, то эксперт проводит разборку оружия и проводит детальное изучение его комплектующих на предмет выявления производственных дефектов и следов износа, потертостей, т. е. следов эксплуатации, могущих привести к имеющимся (выявленным) последствиям – производству таких выстрелов в определенных условиях. Тем самым экспертный эксперимент приобретает контролирующий характер. Определив условие, влияющее на возможность производства выстрела без нажатия на спусковой крючок, эксперт для подтверждения уже своей гипотезы (является ли выявленная неисправность или дефект причиной выстрела без нажатия на спусковой крючок) проводит повторный эксперимент, моделируя аналог влияющего условия. И, наконец, по результатам повторного эксперимента, в зависимости от полученных данных (возможность выстрела без нажатия на спусковой крючок подтверждается или нет), эксперт с полной уверенностью формулирует вывод об истинности или недостоверности влияния ранее установленной причины на возможность выстрела без нажатия на спусковой крючок при воспроизведенных конкретных условиях из исследуемого экземпляра оружия. Кроме того, повторное проведение эксперимента позволяет исключить существование комплексной причины, повлиявшей на возможность производства выстрела без нажатия на спусковой крючок (например, помимо наличия дефектной или изношенной детали – сильное загрязнение узлов и механизмов, использование неподходящей смазки и т. п.).

Согласно методике объем и характер эксперимента определяются конструкцией оружия и фактическими обстоятельствами, приведенными в постановлении и предоставленных материалах дела, которые могли привести к производству выстрела без нажатия на спусковой крючок. При этом учитываются и положительные, и отрицательные результаты проведенных экспериментов, которые в совокупности с данными, полученными в ходе исследования состояния деталей и механизмов оружия, позволяют качественно оценить результаты исследования и сформулировать вывод.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что роль экспертного эксперимента для судебной баллистической экспертизы в целом и для экспертного исследования, целью которого является уста-

новление возможности производства выстрела из огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок, в частности представляется основополагающей для формирования объективного и полного вывода по интересующим инициатора проведения экспертизы вопросам. Именно экспертный эксперимент, с учетом воспроизведения в ходе его проведения определенных условий, в совокупности с изучением судебным экспертом материальной части конкретного экземпляра огнестрельного оружия позволяют выстроить логическую цепочку, в которой эксперт четко и гармонично обосновывает взаимосвязь и взаимозависимость комплекса элементов, приведших к наступлению такого события, как выстрел без нажатия на спусковой крючок.

Для проведения серии экспериментов нами были отобраны два исправных пистолета указанной модели (из числа учебных пособий кафедры криминалистических экспертиз), один из которых был подвергнут конструктивному изменению, выразившемуся в подтачивании выступа боевого взвода курка (условно пронумерован как пистолет № 1); второй пистолет каким-либо изменениям не подвергался (условно пронумерован как пистолет № 2).

Причиной внесения в конструкцию пистолета именно указанного изменения является тот факт, что именно оно чаще всего становится причиной выстрела из короткоствольного огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок.

В ходе эксперимента были смоделированы три ситуации:

выпадение оружия при попытке правонарушителя выхватить пистолет из кобуры, находящейся на поясном ремне сотрудника (рис. 1);

выпадение оружия при попытке правонарушителя выхватить (выбить) пистолет, удерживаемый сотрудником в руках в момент прицеливания и производства выстрела (рис. 2 и 3);

выпадение оружия при нарушении Правил безопасного обращения с оружием в ходе вооружения и разоружения сотрудника (рис. 4).

Все действия, воспроизводимые в ходе серий проведенных экспериментов, осуществлялись без помещения патронов или гильз в магазины и каналы стволов пистолетов.

Две первые из приведенных выше ситуаций моделировались как в помещениях с различным напольным покрытием (керамическая плитка, ламинат), так и в условиях открытых участков местности, покрытых асфальтом, тротуарной плиткой и твердым грунтом. Действия в рамках третьей условной ситуации производились в комнате зарядания оружия с линолеумом в качестве напольного покрытия.

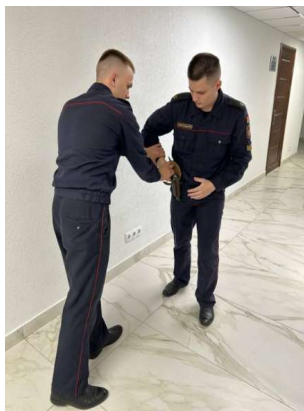

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

В ходе серии экспериментов осуществлялась постановка на боевой взвод курков с выключенными предохранителями pistols № 1 и № 2. Далее, согласно смоделированным условиям, производилось поочередное падение pistols:

- с высоты расположения поясной pistolетной кобуры;
- с высоты линии прицеливания;
- с высоты стола, на котором осуществляются манипуляции при зарядании/разрядании оружия.

При этом для каждого условия и pistolета проводилось не менее 10 повторов аналогичных действий для различных поверхностей, на ко-

торые пистолеты отпускались в свободном падении с вышеуказанной высоты. В ходе последовавших манипуляций срыва курка с боевого взвода происходили из пистолета № 1:

при падении на керамическую плитку с высоты линии прицеливания в 8 из 10 случаев;

при падении на ламинат с высоты линии прицеливания в 6 из 10 случаев;

при падении на асфальт с высоты линии прицеливания в 8 из 10 случаев;

при падении на тротуарную плитку с высоты линии прицеливания в 7 из 10 случаев;

при падении на керамическую плитку с высоты расположения поясной пистолетной кобуры в 2 из 10 случаев;

при падении на ламинат с высоты расположения поясной пистолетной кобуры в 1 из 10 случаев;

при падении на асфальт и тротуарную плитку с высоты расположения поясной пистолетной кобуры в 4 из 10 случаев для каждого покрытия.

Во всех других случаях, как при использовании пистолета с внесенными в него изменениями (пистолет № 1), так и полностью исправного пистолета (пистолет № 2), срыва курка с боевого взвода не последовало.

Оценивая результаты проведенного эксперимента, можно сделать следующие выводы:

конструкция 9-мм пистолета Макарова при его полной исправности исключает срыв курка с боевого взвода и производство выстрела без нажатия на спусковой крючок при падении оружия с различной высоты на разные типы напольного покрытия;

при игнорировании требования по фиксации пистолета при несении службы к поясу пистолетным ремнем, с учетом наличия в оружии определенных конструктивных изменений (например, скругление боевого выступа курка), обусловленных его эксплуатационным износом, возможен срыв курка с боевого взвода и производство выстрела без нажатия на спусковой крючок при падении пистолета на твердые поверхности, как с высоты линии прицеливания, так и с высоты расположения поясной пистолетной кобуры;

высота линии прицеливания (около 170 см) и высота расположения поясной пистолетной кобуры (около 110 см) являются достаточным состоянием для придания курку необходимой для его срыва с боевого взвода кинетической энергии (при условии его эксплуатационного износа);

высота стола, на котором осуществляется зарядание и разрядание пистолета (около 100 см), в совокупности с мягким напольным покры-

тием (линолеум) даже при наличии эксплуатационного износа курка пистолета, не образуют комплекса условий и причины, достаточной для срыва курка с боевого взвода и производства выстрела без нажатия на спусковой крючок.

Проведенные в рамках настоящего исследования манипуляции позволяют констатировать важность не только самого эксперимента, но и точное воспроизведение условий, имевших место при том или ином событии происшествия, поскольку даже минимальные отклонения в моделируемых судебным экспертом обстоятельствах происшедшего могут существенно влиять на результаты судебной экспертизы и, как следствие, принятие решений по материалу или уголовному делу.

Список использованных источников

1. Устинов, А.И. Техническая исправность оружия, пригодность его к стрельбе и возможность производства из него отдельного выстрела / А.И. Устинов // Теория и практика криминалистической экспертизы : сборник. – М. : Госюриздат, 1958. – № 5. – С. 131.
2. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза : учебник / А.В. Стальмахов, А.М. Сумарока, А.Г. Егоров [и др.] ; под общ. ред. А.Г. Егорова. – Саратов : СЮИ МВД РФ, 1998. – 176 с.
3. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. – М. : Проспект, 2022. – 272 с.
4. Владимиров, В.Ю. Криминалистическое оружиеведение / В.Ю. Владимиров. – 2-е изд. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. – 526 с.

УДК 343.985.8

К.А. Ерофеев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

РИСКИ И УГРОЗЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Эффективное противодействие совершаемым нарушениям в сфере государственных закупок требует комплексного подхода со стороны правоохранительных органов. В этой связи основой сопровождения сферы государственных закупок товаров (работ, услуг) (далее – госзакупки) должно являться изучение содержания указанной сферы, т. е. формирование ее характеристики. Среди элементов такой характеристики особое

место занимает определение рисков и угроз совершения преступлений, что может стать отправной точкой в выявлении преступлений в указанной сфере, а в ряде случаев позволит предотвращать совершение нарушений. Рассмотрим некоторые из рисков и угроз более подробно.

Одной из главных особенностей сферы госзакупок является значительное количество нормативных правовых актов, регламентирующих порядок их организации и проведения. Данная особенность, призванная обеспечить законность и прозрачность процедур, усложняет систему контроля за соблюдением законодательства. Необходимость учета отраслевой специфики, особенностей организации и проведения отдельных видов процедур требует от правоохранительных органов дифференцированного подхода к изучению каждой конкретной ситуации. Как следствие, избыточная нормативная нагрузка и фрагментация нормативного поля могут выступать не только фактором, затрудняющим администрирование закупок, но и являться потенциальным источником коррупционных рисков, создавая благоприятную почву для злоупотреблений и избирательного применения норм законодательства. Например, злоупотребление должностным лицом нормой естественной убыли может поспособствовать фиктивному завышению такого показателя. Это, как следствие, может привести к проведению фиктивной процедуры закупок по приобретению «израсходованных» товарно-материальных ценностей с последующим завладением ими или денежными средствами, выделенными на приобретение указанных материальных благ.

Нормативному регулированию также подлежит порядок организации процедур госзакупок товаров (работ, услуг). Законодательством установлен следующий порядок проведения конкурентных процедур госзакупок. Первым этапом является разработка и утверждение годового плана госзакупок. Данный план размещается на официальном сайте и служит основой для принятия решения о проведении закупок. После этого руководитель или уполномоченное лицо принимает решение о начале проведения процедуры. Затем заказчик (организатор) разрабатывает конкурсные документы: описание предмета закупки, требования к участникам и квалификационные данные. Далее происходит рассмотрение предложений участников, где проверяется их соответствие требованиям, соотнесение предложений между собой по определенным показателям. Также на данном этапе могут запрашиваться разъяснения и вноситься исправления в конкурсную документацию. После этого составляется протокол о выборе победителя, который размещается на сайте, что ведет к заключению договора на госзакупку в установленные сроки. Завершающим этапом является формирование дела по процеду-

рам госзакупок, которое включает размещение информации о заключенном договоре, его изменениях и исполнении [1].

Анализ совершаемых правонарушений в сфере госзакупок в рамках проведения конкурентных процедур свидетельствует, что наиболее уязвимыми являются следующие этапы. На этапе планирования проведения процедур ключевые риски связаны с манипуляциями начальной ценой контракта, с выставлением (занижением) сроков исполнения обязательств и ограничением конкуренции. Этап разработки документации о госзакупке и извещения об осуществлении закупки уязвим из-за возможности проведения нецелевых процедур госзакупок, создания дискриминационных требований и неопределенных условий, выгодных конкретному участнику процедур. Этапу непосредственно проведения процедуры госзакупок свойственны неформальные контакты между представителями заказчика (организатора) и представителями участников, изменение положений конкурсной и проектной (технической) документации и др. На этапе исполнения контракта основными угрозами становятся необоснованные изменения условий (в том числе, затягивание сроков, увеличение сметы выполненных работ, а также порядок приемки товаров (работ, услуг) и слабый контроль за выполнением обязательств [2, с. 133].

Описанные выше этапы и риски, связанные с ними, в первую очередь связаны с организацией и проведением конкурентных процедур госзакупок. Кроме конкурентных процедур, законодательство предусматривает проведение неконкурентных процедур госзакупок. Закупка из одного источника представляет собой процедуру госзакупки, при которой заказчик предлагает заключить договор только одному потенциальному поставщику, подрядчику или исполнителю. Эта процедура используется в тех случаях, когда проведение конкурентной закупки нецелесообразно, например, из-за отсутствия конкуренции на рынке, необходимости срочного выполнения работ и услуг или специфики запрашиваемых товаров.

Отличительной чертой данной процедуры является тот факт, что она не может быть признана несостоявшейся. Кроме того, срок проведения отдельных этапов указанной процедуры нормативно не закреплён, что может способствовать совершению противоправных деяний (например, установление коротких сроков исполнения обязательств (несколько часов) для выставления предложений с целью легализации результатов приобретения товара (выполнения работы или оказания услуги) до проведения процедуры).

Процедура закупок из одного источника, вследствие отсутствия по своей специфике в ней конкуренции, трансформирует процесс выявления

лучшего варианта предмета закупок в систему субъективного принятия решений, что существенно повышает вероятность совершения преступлений. В частности, это включает, в определенных случаях, формальное обоснование выбора, невыгодные условия выполнения и ограничение доступа добросовестных участников. Статистические данные свидетельствуют о том, что в Республике Беларусь доля закупок из одного источника была относительно высокой – 81,34 % от общего количества заключенных договоров, что подчеркивает актуальность проблемы минимизации коррупционных рисков в рамках данного вида процедур [3].

Безусловно, такая ситуация в рамках проведения процедур госзакупок может быть вызвана рядом причин: подано только одно предложение, после рассмотрения осталось одно предложение и др. Ранее в таких ситуациях нормативно предусматривалось только проведение повторной процедуры госзакупки без изменения требований к предмету, участникам и самой процедуре. После проведения повторной процедуры госзакупки, которая также была признана несостоявшейся, законодатель допускал проведение процедуры закупок из одного источника без изменения требований к предмету, участникам и самой процедуре. В соответствии с действующим законодательством допускается проведение процедуры закупок из одного источника без изменения требований к предмету, участникам и самой процедуре после признания первоначальной процедуры несостоявшейся, что привело к увеличению количества таких процедур.

В 2025 г. были внесены изменения в порядок подготовки проведения процедуры закупок из одного источника. Данные изменения уменьшили количество заявок, которые необходимо отправить в адрес потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для изучения конъюнктуры рынка (с 5 до 3). Также была добавлена новая форма изучения информации о ценах на товары (работы, услуги) – получение информации о ценах заказчиком (организатором) от потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) без направления заявок в установленной форме. Такие изменения облегчают порядок проведения процедуры, а также оптимизируют процесс поиска возможных предложений.

Полагаем, что уменьшение количества предложений, которые необходимо изучить, существенно не окажет влияние на количество нарушений, так как изучение необходимого минимума предложений не станет основанием для освобождения от ответственности за нарушение системы ценообразования. Кроме того, это облегчит работу отделу закупок, что позволит оптимизировать деятельность по организации и проведению процедур, распределив внимание на другие направления. Добавле-

ние нового способа получения и изучения информации о конъюнктуре рынка упрощает процесс формирования конкурсной документации, так как позволяет использовать предложения, присланные заказчиком, например, в форме коммерческой рассылки. При этом стоит акцентировать внимание на том, что такие обращения не имеют установленной формы и могут стать прикрытием для недобросовестных субъектов процедур. Иными словами, заказчик или организатор на основании поданных заявок и иных форм предложений выбирает то предложение, которое пришло по подобной рассылке. На первый взгляд, такое взаимодействие может показаться легальным и почти случайным. При обнаружении в таком случае неформальных связей у участника есть возможность ссылаться на то, что подобное предложение распространено системой рассылки и не имело целевого характера (ранее, при установленной форме заявки, такой возможности не было). Такие и подобные им возможности в первое время после принятия изменений должны представлять наибольший интерес для правоохранительных органов [4].

Особенностью национального законодательства в сфере госзакупок является также преференциальная поправка. Преференциальная поправка является механизмом государственной поддержки, предоставляющим преимущества отечественным производителям, организациям, берущим на себя определенную социальную нагрузку, и ряду государственных учреждений (учреждения уголовно-исполнительной системы и другие) в размере 15 % или 25 % от цены договора, неучитываемых при определении победителя в процедурах открытого конкурса, электронного аукциона и запроса ценовых предложений. Данная мера призвана повысить конкурентоспособность определенных категорий участников и содействовать социально значимым инициативам [5].

Вместе с тем механизм применения преференциальных поправок, в определенных условиях, является средством совершения правонарушения. Участники процедур могут фальсифицировать документы для необоснованного получения льгот, исказить сведения о происхождении продукции или статусе «собственного производства» и др. Например, при проверках устанавливается, что лицами, формирующими основание для получения преференции (в частности, лица с инвалидностью), работы не выполняются, а труд задействованных исполнителей оформляется по гражданско-правовым договорам. Это может свидетельствовать о фиктивности условий, якобы обеспечивающих социальную направленность участия организации в закупке, и указывать на реализацию преступного умысла с использованием легального механизма предоставления преимуществ [6, с. 134].

Таким образом, описанные выше риски и угрозы совершения преступлений, равно как и определение таковых, имеет важное значение в борьбе с преступлениями в сфере госзакупок. Определение таковых и им подобных направлений позволяет структурировать процесс сопровождения сферы госзакупок, повысить эффективность противодействия преступлениям. Представленный список рисков и угроз в сфере госзакупок не является полным и окончательным и может быть дополнен исходя из специфики выбранной процедуры.

Список использованных источников

1. О государственных закупках товаров (работ, услуг) : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З : принят Палатой представителей 27 июня 2012 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2012 г. : в ред. от 31 янв. 2024 г. № 354-З (с изм. и доп., вступ. в силу с 4 авг. 2024 г.) // *ilex* : информ.-правовая система (дата обращения: 01.06.2025).
2. Огаркова, Т.С. Преступления в государственных закупках: нейтрализация рисков и угроз экономической безопасности страны / Т.С. Огаркова // *Экономическая безопасность страны, региона, организаций различных видов деятельности* : сб. ст. по материалам Второго Всерос. форума в Тюмени по экон. безопасности, Тюмень, 20–21 апр. 2021 г. / Тюм. гос. ун-т ; отв. ред. Д.Л. Скипин. – Тюмень, 2021. – С. 133.
3. Статистические показатели, характеризующие результаты осуществления государственных закупок в количественных и стоимостных данных за I полугодие 2024 года / Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – URL: <https://mart.gov.by/activity/regulirovanie-i-kontrol-zakupok/statistika/#> (дата обращения: 01.06.2025).
4. О проведении процедуры закупок из одного источника : постановление М-ва торговли и антимонополь. регулирования от 13 апр. 2019 г. № 30 : с изм. и доп. от 17 июня 2025 г. № 42 // *ilex* : информ.-правовая система (дата обращения: 01.06.2025).
5. О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (вместе с Положением о порядке аккредитации на электронной торговой площадке) : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 : с изм. и доп. от 21 янв. 2025 г. № 28 // *ilex* : информ.-правовая система (дата обращения: 01.06.2025).
6. Прусенко, Е.Д. Актуальные проблемы использования преференциальной поправки при проведении государственных закупок в области строительства / Е.Д. Прусенко // *Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов* : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 апр. 2024 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2024. – С. 134.

И.В. Козырев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА ВЫЯВЛЕНИЯ (РАСКРЫТИЯ) ПРИСВОЕНИЯ ЛИБО РАСТРАТЫ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

На сегодня важную роль для экономики Республики Беларусь играют объекты транспортной инфраструктуры. В большей степени это связано с внутриконтинентальным положением государства. Кроме того, Республика Беларусь является интегрирующим звеном в торговле между странами Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой связи она выступает в качестве транзитного государства.

Ключевая роль объектов транспорта отмечается также и в социальной инфраструктуре страны, поскольку они обеспечивают своевременное и качественное удовлетворение транспортных потребностей населения и обеспечивают поддержание деятельности всех секторов экономики.

В нашем государстве центральным органом, отвечающим за объекты транспорта, является Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. Основными сферами деятельности которого являются автомобильный, воздушный, железнодорожный транспорт, дорожное хозяйство и научно-техническая деятельность. Данные направления обеспечиваются с помощью объектов транспортной инфраструктуры, к которым следует относить железнодорожные станции, автостанции, остановочные пункты, станции метрополитена, порты, пристани, аэропорты и иные аналогичные объекты.

Стоит отметить, что на данных объектах нередко совершаются преступления, в частности, против собственности. Среди различных противоправных посягательств на собственность особое место занимают хищения, совершаемые в форме присвоения или растраты. Указанная категория преступлений не относится к коррупционным, однако степень их общественной опасности исключительно велика, поскольку такие преступления совершаются работниками предприятий и (или) организаций, на которых нанимателем возлагается ответственность по обеспечению сохранности материальных ценностей. Довольно часто при совершении данной категории преступлений имущественный вред причиняется государственной собственности.

Анализ статистических сведений о совершенных преступлениях свидетельствует, что присвоение либо растрата совершается на практике довольно часто, а ущерб по указанному уголовно наказуемому дея-

нию в ряде случаев является крупным и особо крупным. Так, например, в апреле 2024 г. следственным управлением УСК по Гомельской области установлены обстоятельства хищения дизельного топлива с тепловозов локомотивного депо Осиповичи РУП «Могилевское отделение Белорусской железной дороги», где обвиняемые, орудуя в разном составе преступной группы, похитили более 12,5 тонны дизельного топлива на сумму свыше 29 тысяч рублей [1]. Сходным примером подобного рода хищений также является возбужденное уголовное дело в марте 2025 г. Оперативными сотрудниками Октябрьского РОВД г. Могилева был выявлен факт хищения дизельного топлива у транспортной компании из Гродно, ущерб от преступной деятельности правонарушителей составил более 27 тыс. рублей [2].

Успешное выявление и раскрытие любого преступления связано с теоретической разработкой и практическим использованием положений оперативно-розыскной тактики. Последняя является фундаментальной основой для достижения положительных результатов в условиях противоборства, которое возникает в силу разведывательно-поискового характера оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Одним из основных направлений совершенствования теории ОРД является обеспечение научно обоснованными теоретико-прикладными результатами процесса выявления и раскрытия преступлений. Именно для этого учеными разрабатываются приемы, методы и средства решения задач, возникающих в процессе оперативной работы. Вместе с тем, чтобы такое содействие было максимально эффективным, теоретические рекомендации должны активно внедряться и использоваться в повседневной практике выявления и раскрытия преступлений. Для этого необходимы соответствующие условия и обеспечение данного процесса (научное, организационное, техническое, методическое и др.), позволяющие наиболее эффективно использовать достижения ОРД.

В научной литературе типичные ситуации определяют как часто повторяемые ситуации, в известной мере поддающиеся формализации и предполагающие принятие типовых решений. Их значение состоит в том, что, сопоставляя их с возникающими на практике ситуациями, можно использовать разработанные типовые решения и средства воздействия на ситуации, смоделировать варианты развития событий, спланировать дальнейшие действия [3, с. 711].

Особенности развития той или иной оперативно-розыскной ситуации определяются различными обстоятельствами: количеством и качеством полученной первичной информации, наличием или отсутствием противодействия со стороны лица, представляющего оперативный интерес, его

осведомленностью о силах, средствах, методах осуществления ОРД и т. д. Применительно к выявлению (раскрытию) присвоений либо растрат на объектах транспорта, помимо указанных обстоятельств, обуславливающих организационные и тактические аспекты осуществления ОРД, также могут выступать: вид деятельности организации, ее расположение и имеющаяся система охраны, штатная численность персонала и др.

Анализ практической деятельности сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями показывает, что при выявлении присвоения либо растраты на объектах транспорта одной из наиболее встречающихся оперативно-розыскных ситуаций является поступление первичной оперативной информации. Рассмотрим данную оперативно-розыскную ситуацию более подробно.

Практика свидетельствует, что первичную информацию о совершенном присвоении либо растрате возможно получить различными способами: в ходе осуществления оперативного поиска либо оперативной разработки, проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, при взаимодействии с конфидентами и др.

Наиболее часто с целью получения более широкого спектра информации о совершенном преступлении проводится оперативный опрос лица, от которого получена первичная оперативная информация. При этом указанное оперативно-розыскное мероприятие может проводиться необязательно гласно, в ряде случаев целесообразно его негласное проведение, а также зашифровка его цели. Далее, как правило, уточняются анкетные данные фигуранта, осуществляется проверка через оперативные учеты и автоматизированные информационные системы, ввиду чего формируется «портрет» лица, в отношении которого получена оперативная информация. Немаловажным является мониторинг социальных сетей лица, размещаемой в них информации, анализ его активности.

Установить, является ли проверяемое лицо субъектом преступления, возможно посредством изучения его должностной инструкции. Осуществить это можно различными способами: посредством поручения гражданам, оказывающим содействие на конфиденциальной основе, работающим на объекте транспорта; путем изучения типовых должностных инструкций; посредством направления запроса в интересующую транспортную организацию под благовидным предлогом или в такие же организации, но территориально находящиеся в других местах; путем мониторинга интернет-ресурсов транспортной организации; посредством проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий и др.

Далее необходимо осуществить проверку полученной первичной информации. Суть данного этапа будет сводиться к отождествлению

фактически находящихся товарно-материальных ценностей с данными, отраженными в бухгалтерской отчетности. В ряде случаев для этого с зашифровкой цели проводится оперативный осмотр либо дается поручение конфидентам, работающим в транспортной организации. Кроме того, в данных ситуациях целесообразно привлекать лиц, обладающих специальными знаниями в указанных сферах деятельности. Посредством взаимодействия с ними оперативный сотрудник может получить консультацию о возможных способах совершения хищения, нюансах оформления необходимых бухгалтерских документов, иных значимых обстоятельствах [4, с. 52–53].

При подтверждении информации о несоответствии сведений, указанных в бухгалтерских документах, с фактическим количеством товарно-материальных ценностей целесообразно сформулировать оперативно-розыскные версии о способах совершенного хищения. Последние определяются особенностями и условиями работы транспортной организации, ее структурой, системой учета и контроля. При определении способа совершения хищения можно составить перечень лиц, которые могут быть задействованы в совершении данного преступления, например сотрудники охраны, осуществляющие проверку персонала на выходе, могут являться пособниками в совершении данного преступления.

Некоторые авторы отмечают, что после проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий на начальном этапе и определения способа совершения преступления можно составить более детальный план по выявлению преступления и решать вопрос о заведении дела оперативно-розыскного учета. Тем более, что к этому времени у оперативного сотрудника уже есть достаточно фактов для уточнения и детализации первоначальных версий и формирования новых [5, с. 71]. Практика осуществления документирования присвоений либо растрат на объектах транспорта показывает, что после заведения соответствующего дела оперативно-розыскного учета оперативные сотрудники проводят широкий спектр оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством об ОРД. Наиболее распространенными среди них являются «контроль в сетях электросвязи», «наблюдение», «слуховой контроль», «оперативный осмотр» и др. В результате их проведения, в ряде случаев, будут установлены и задокументированы эпизоды хищений, известны места хранения предметов и документов, подтверждающих факты хищений и причастности к ним определенных лиц, обнаружены места сбыта и хранения похищенного, установлены условия, способствовавшие хищению. Также будут определены общие и частные версии (о способе хищения, его размерах, причастных лицах и т. п.), которые в последующем будут конкретизироваться и дополняться.

Следующим этапом является реализация оперативной информации, которая включает в себя: определение количества сотрудников в составе оперативных групп и постановка им задач (задержание с поличным, блокирование пропускного пункта и всех проходных, изъятие документации и т. д.); определение ревизоров (членов инвентаризационной комиссии); определение тактики и последовательности проведения мероприятий в рамках материала проверки, проводимой в порядке ст. 173–174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

В данном случае оперативная группа осуществляет задержание лица и проводит неотложные следственные действия, которые направлены на документирование преступной деятельности задержанного лица. Как правило, речь идет о проведении осмотров, получении объяснений, назначении экспертиз и др.

Успешное проведение указанных мероприятий зависит от различных факторов, к которым можно отнести: строгое распределение обязанностей между членами группы; выбор времени и места задержания; обеспечение внезапности при задержании; обеспечение сотрудников необходимыми научно-техническими средствами и транспортом, а также продумывание мер безопасности сотрудников, участвующих в задержании.

Заключительным этапом будет являться передача материала по подследственности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 174 УПК и его оперативное сопровождение.

Таким образом, на сегодня транспортная инфраструктура играет ключевую роль в экономике и социальной жизни Республики Беларусь. Географическое положение страны как транзитного узла между Европой и Азией делает транспортные объекты стратегически важными как для внутреннего развития, так и для международной торговли. Однако высокая значимость этих объектов сопровождается и повышенными рисками, в частности – в сфере преступлений против собственности. Особую обеспокоенность вызывают хищения в форме присвоения и растраты, совершаемые работниками транспортных организаций. Эти преступления наносят значительный ущерб, довольно часто государственной собственности, и требуют эффективного противодействия. При выявлении указанного хищения одной из типичных оперативно-розыскных ситуаций является получение первичной оперативной информации. При возникновении данной ситуации оперативному сотруднику целесообразно проводить комплекс первичных оперативно-розыскных и иных мероприятий, посредством которого станет возможным осуществить проверку полученной оперативной информации, после чего решать вопрос о заведении дела оперативного учета для реализации оперативной информации.

Список использованных источников

1. Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: <https://sk.gov.by> (дата обращения: 08.07.2025).
2. Онлайн Брест. – URL: <https://onlinebrest.by> (дата обращения: 08.07.2025).
3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Гояринова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 832 с.
4. Мартынов, А.О. Формы использования специальных знаний при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / А.О. Мартынов // Судебная экспертиза Беларуси. – 2023. – № 2. – С. 52–53.
5. Толочко, А.Н. Современный взгляд на совершенствование борьбы с экономическими преступлениями / А.Н. Толочко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси (Минск, 10 февр. 2017 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 71.

УДК 347.1

А.И. Криволевич, Т.А. Сидляревич,

курсанты следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.Ю. Березнёв*

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Физическая культура представляет собой один из ключевых элементов полноценного и гармоничного совершенствования личности, способствуя сбалансированному развитию духовных и физических качеств, а также психологическому благополучию.

Актуальность исследования правовых аспектов функционирования цифровых технологий в сфере физической культуры и спорта обусловлена рядом факторов. Во-первых, эти технологии аккумулируют значительные объемы персональных данных, включая информацию о здоровье пользователей, что требует особого внимания к вопросам их защиты и конфиденциальности. Во-вторых, интеграция фитнес-приложений с различными носимыми устройствами и медицинскими сервисами размывает границы между технологиями благополучия и медицинскими услугами, создавая новые правовые вызовы в области регулирования здравоохранения.

Вместе с тем в отечественной науке уделяют в основном внимание техническим аспектам функционирования приложений для занятия спортом и здорового образа жизни, останавливаясь на их достоинствах и недостатках. При этом правовые аспекты функционирования таких программ остаются неисследованными. В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют научные работы, посвященные данной теме.

В Основном Законе Республики Беларусь закреплено, что право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда [1, с. 28].

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Всемирной организацией здравоохранения провозглашен принцип, «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав каждого человека». Однако данные Всемирной организации здравоохранения показывают, что наиболее значимым фактором, оказывающим влияние на человека, является его образ жизни (50–55 %) [2].

Существует мнение, что современные приложения для здорового питания являются всего лишь трекерами калорий, но это только один из многих способов, которыми смартфоны могут помочь придерживаться здорового питания. Фитнес-приложения такой тематики, как правило, содержат рецепты для приготовления здоровой еды, направлены на составление индивидуального режима питания в соответствии с состоянием здоровья и целями. Мобильные приложения будут направлены на оптимизацию времени человека, которое он уделяет физической активности [3, с. 53].

В нашей стране, как и во всем мире, наблюдается рост популярности фитнес-приложений, которые предлагают пользователям возможность тренироваться онлайн, отслеживать свои достижения, получать индивидуальные программы тренировок и консультации. Это создает необходимость регулирования таких сервисов, чтобы обеспечить защиту прав пользователей и соблюдение законодательства.

В первую очередь фитнес-приложения функционируют в интернет-среде, правовое регулирование которой имеет свои особенности.

Правовые основы информационных и других общественных отношений в национальном сегменте сети Интернет, в том числе и разработчиков фитнес-приложений, нашли свое отражение в Указе Президента

Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее – Указ № 60). Указ № 60 регулирует деятельность государственных органов и организаций в национальном сегменте сети Интернет и обязывает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей государственной регистрацией информационных ресурсов национального сегмента сети Интернет.

Правовой статус поставщиков интернет-услуг предусмотрен в п. 6 Указа № 60 и состоит преимущественно из обязанностей. Поставщики интернет-услуг обязаны: осуществлять идентификацию абонентских устройств, учет и хранение сведений об абонентских устройствах; устранять различные виды неправомерных воздействий, о наличии которых поставщику интернет-услуг стало известно, заведомо приводящих к нарушению конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности, сохранности информации, направленных на пользователей интернет-услуг и (или) исходящих от них; выполнять иные требования законодательства.

С нашей точки зрения, в целях развития способов защиты национального сегмента сети Интернет от распространения в его пределах запрещенной в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь информации необходимо дополнить перечень обязанностей поставщиков интернет-услуг обязанностью по недопущению размещения в сети Интернет информации, распространение которой на интернет-ресурсах запрещено законодательными актами Республики Беларусь, в том случае, если о наличии такой информации на информационно-технических ресурсах хостинг-провайдеру (поставщику интернет-услуг) стало известно.

Наряду с предлагаемой обязанностью возникает вопрос о юридической ответственности хостинг-провайдеров (поставщиков интернет-услуг), в том числе и разработчиков фитнес-приложений, в случае размещения на их информационно-технических ресурсах вредоносной информации, распространяемой в сети Интернет.

В Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте» на настоящий момент не содержится определения понятий «фитнес» и «фитнес-приложения».

Необходимость совершенствования белорусского законодательства в данной сфере требует научного осмысления проблемы правового обеспечения деятельности в сфере фитнеса, в том числе с точки зрения сравнительно-правового анализа подходов зарубежных государств в вышеуказанной области.

Так, О.В. Сапожникова определяет фитнес как «систему занятий физической культурой, включающую не только поддержание хорошей физической формы, но и интеллектуальное, эмоциональное, социальное и духовное начало» [1, с. 16].

Фитнес-приложение – это больше, чем просто программа с набором видео с тренировками. Оно предоставляет возможность интеграции с носимыми устройствами (умные часы) и отслеживание активности, формирование привычек, техники тренировок и медитации и многое другое. Фитнес-приложения часто собирают и обрабатывают персональные данные пользователей, включая информацию о здоровье, физической активности, местоположении и т. д.

У нас в стране действует Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных), который устанавливает требования к сбору, хранению и обработке таких данных. Исследование должно учитывать, как разработчики приложений соблюдают эти нормы.

Закон о защите персональных данных устанавливает правовые основы для обработки персональных данных. Указанный закон требует, чтобы операторы данных (включая разработчиков фитнес-приложений) получали согласие на обработку данных от лиц, чьи данные собираются, обеспечивали защиту этих данных от несанкционированного доступа и использования, а также информировали субъектов данных о целях и методах обработки.

Под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Вместе с тем физическое лицо, которое может быть идентифицировано, – это физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через фамилию, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности.

Законодательство выделяет категорию специальных персональных данных, под которыми понимаются персональные данные, касающиеся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, членства в профсоюзах, религиозных или других убеждений, привлечения к административной или уголовной ответственности, а также биометрические и генетические персональные данные (абз. 12 ст. 1 Закона о защите персональных данных). Закон о защите персональных данных уточняет процедуры и требования к обработке персональных данных, что включает требования к фитнес-приложениям.

Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» касается вопросов качества услуг, включая функциональность и безопасность фитнес-приложений. Если фитнес-приложение предоставляет услуги (например, тренировки, консультации), оно должно соответствовать требованиям в отношении качества, безопасности и информационной открытости.

Кроме этого, необходимо учитывать нормы законодательства об авторском праве и смежных правах, а также вопросы лицензирования и использования стороннего контента. Разработка фитнес-приложений связана с использованием объектов интеллектуальной собственности, таких как программное обеспечение, дизайн, контент (видео, тексты, изображения).

Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» и Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» определяют права на интеллектуальную собственность, включая программное обеспечение, что напрямую касается разработки и распространения фитнес-приложений. Эти законы защищают авторские права разработчиков, а также регулируют использование патентованных технологий в приложениях.

Авторское право Республики Беларусь является частью ее гражданского законодательства и изначально имеет ограниченную сферу применения – ограниченную по кругу лиц, за которыми оно признает авторское право, и по территории, находящейся под суверенитетом нашего государства, на которой это признаваемое авторское право действует. Законодательство Республики Беларусь в области авторского права и смежных прав основывается на Конституции и состоит из Гражданского кодекса, а также актов законодательства, которые устанавливают минимальные ставки авторского вознаграждения за использование некоторых видов произведений литературы и искусства, порядок их применения, а также детализируют порядок осуществления деятельности по коллективному управлению имущественными правами авторов и иных правообладателей.

На современном этапе развития большинство отечественных ученых справедливо рассматривают авторское право, нормы которого регулируют отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений литературы, науки и искусства, в качестве особого института гражданского права.

Регулируемые авторским правом имущественные и личные неимущественные отношения связаны с созданием и использованием произведений литературы, науки и искусства. Авторское право как самостоя-

тельный институт решает конкретные задачи, которые включают в себя всемирную охрану имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов авторов, обеспечение правовыми средствами наиболее благоприятных условий для создания научных и художественных произведений, широкое использование их обществом.

В последнее время занятия спортом для многих стали не просто способом держать себя в форме, а одной из полноценных сфер жизни. Спорт стал модным в среде современных прогрессивных людей, стремящихся к эффективности во всем.

Функционирование фитнес-приложений в Республике Беларусь требует внимательного отношения к соблюдению законодательства, в частности в области защиты персональных данных, защиты прав потребителей, авторского законодательства. Тщательная разработка необходимой документации (политика обработки персональных данных, пользовательское соглашение и т. д.) и принятие необходимых мер для обеспечения безопасности данных позволят минимизировать риски и обеспечить соответствие деятельности фитнес-приложений требованиям законодательства.

Совершенствование правовых аспектов функционирования фитнес-приложений в Республике Беларусь может способствовать не только защите прав пользователей, но и повышению доверия к таким приложениям.

Реализация этих предложений позволит создать в Республике Беларусь правовую среду, способствующую развитию рынка фитнес-приложений, защите прав потребителей и обеспечению безопасности пользователей. Важно помнить, что правовое регулирование должно быть гибким и адаптироваться к быстро меняющимся технологиям и потребностям рынка. Необходимо вовлекать в процесс разработки правовых норм все заинтересованные стороны: разработчиков фитнес-приложений, представителей фитнес-индустрии, юристов, экспертов в области защиты персональных данных и представителей государственных органов.

Список использованных источников

1. Фитнес : учеб. пособие / О.В. Сапожникова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 144 с.
2. «Чаще – женщины, а активнее – молодежь». Белстат озвучил статистику занятий спортом в Беларуси : [сайт]. – URL: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/5754154> (дата обращения: 24.03.2025).
3. Игнатьева, Л.П. Факторы, влияющие на здоровье : учеб. пособие / Л.П. Игнатьева, М.В. Чирцова, М.О. Потапова. – Иркутск : Изд. ИГМУ, 2014. – 147 с.

Я.В. Крупский, выпускник факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫМ ДОСТУПОМ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Несанкционированный доступ к компьютерной информации представляет собой сложное и многогранное правонарушение, направленное на нарушение безопасности информационных систем и нарушение прав собственников данных. В условиях растущей зависимости общества от информационных технологий и цифровых средств хранения данных проблема обеспечения безопасности информации, предотвращения несанкционированного доступа к ней и защиты от кибератак становится все более актуальной. В Республике Беларусь данное направление активно регулируется законодательством, что позволяет защищать права и интересы как государственных, так и частных субъектов.

Под несанкционированным доступом к компьютерной информации понимается доступ к информации, осуществляемый без надлежащего разрешения, либо с использованием методов, нарушающих установленные правила защиты данных. Этот термин отражает целый спектр действий, направленных на незаконное получение, изменение, уничтожение или блокировку данных. Для понимания масштабов проблемы необходимо учитывать ее правовые аспекты, связанные с регулированием информационной безопасности, а также виды несанкционированного доступа, которые определяют специфику киберпреступлений в данной сфере.

Национальное законодательство Республики Беларусь устанавливает несколько видов ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации, что является важным инструментом в борьбе с киберпреступностью и позволяет правоохранительным органам эффективно реагировать на угрозы безопасности. В ст. 349 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрены как меры наказания в виде штрафов, так и уголовное преследование, что подчеркивает серьезность рассматриваемого преступления и стремление государства к защите информации. Важно отметить, что ответственность за несанкционированный доступ к информации может включать лишение свободы на срок до семи лет в случае серьезных последствий или повторного нарушения [1].

К числу деяний, подпадающих под определение несанкционированного доступа, относятся различные действия, направленные на обход

систем защиты. Так, в тех случаях, когда злоумышленник использует программное обеспечение для взлома паролей или установки вредоносных программ, его действия будут рассматриваться как несанкционированный доступ. В свою очередь, такие деяния могут осуществляться как внешними субъектами, так и внутренними пользователями, имеющими ограниченные права доступа, но превышающими свои полномочия. Например, сотрудник компании может использовать свои учетные данные для получения доступа к информации, к которой у него нет прав. Это также рассматривается как несанкционированный доступ и наказывается в соответствии с национальным законодательством [2].

Помимо уголовной ответственности, административные нормы предусматривают меры наказания за менее значительные нарушения в этой области. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, в частности, включает статьи, предусматривающие наказание за действия, приводящие к угрозе безопасности информации, а также за пренебрежение обязательными мерами защиты информации [3].

В условиях быстрого роста информационных технологий и активного развития киберпространства на международной арене возникла потребность в универсальных нормах для защиты данных и предотвращения киберпреступлений. Ведущей международной нормой в данной сфере является Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г., также известная как Будапештская конвенция, которая стала первым международным соглашением, направленным на выработку правовых стандартов по борьбе с компьютерными преступлениями. Основная цель Конвенции – установление общих принципов и минимальных стандартов, касающихся криминализации действий в области информационных технологий. Конвенция обязывает страны-участницы инкриминировать несанкционированный доступ к компьютерным системам, незаконное вмешательство в работу компьютерных систем, подделку и кражу данных. Согласно положениям Конвенции, государства обязаны предусмотреть в своих законодательствах ответственность за указанные деяния, что должно способствовать гармонизации правовых подходов на международном уровне.

Несмотря на то что Республика Беларусь не является стороной Будапештской конвенции, белорусское законодательство активно заимствует ее положения и адаптирует их в национальные нормы, что позволяет эффективно противодействовать киберпреступности и соответствовать международным стандартам. Включение положений международных конвенций в национальное законодательство свидетельствует о стремлении Республики Беларусь следовать международным стандартам и адаптироваться к угрозам, исходящим из киберпространства.

Среди иных нормативных правовых актов, направленных на защиту данных в Республике Беларусь, следует выделить Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [4]. Этот закон регулирует отношения в области создания, хранения, обработки и защиты данных, определяет права и обязанности владельцев информации, а также устанавливает ответственность за нарушения в области информационной безопасности. Закон содержит положения, касающиеся как персональных данных, так и защищаемых государством сведений, что делает его важным элементом правового регулирования в области защиты информации. Он устанавливает обязательность создания в организациях, использующих государственные информационные системы, специализированных подразделений, ответственных за информационную безопасность. Эти подразделения обязаны разрабатывать и внедрять внутренние процедуры и регламенты, направленные на контроль доступа и защиты информации. Ст. 28 названного выше закона прямо указывает, что информационные системы и базы данных подлежат защите, и определяет требования к администрированию доступа к данным. В рамках указанного закона особое внимание уделено защите государственных информационных систем и баз данных, а также персональных данных, которые могут быть объектом кибератак и несанкционированного доступа.

Белорусское законодательство также учитывает принципы и стандарты, выработанные международными организациями, такими как Международная организация по стандартизации и Международная электротехническая комиссия, которые определяют лучшие практики в области управления информационной безопасностью. Применение в Беларуси международного стандарта ISO/IEC 27001:2013, направленного на создание систем управления информационной безопасностью, является значимым шагом в обеспечении защиты данных на уровне организаций и предприятий [5]. Этот стандарт охватывает меры по защите информации, управление рисками и инцидентами безопасности, а также требования к оценке эффективности системы управления информационной безопасностью. Принятие и использование данного стандарта в государственных учреждениях способствует повышению уровня информационной безопасности и соответствует международным требованиям, что особенно важно для интеграции страны в глобальное информационное пространство.

Кроме того, Беларусь активно сотрудничает с международными организациями в области кибербезопасности, что отражается в участии страны в деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В рамках ОДКБ,

например, организуются мероприятия, направленные на выработку единой стратегии борьбы с киберпреступностью и обмен информацией о киберугрозах, что позволяет государствам-членам эффективно координировать усилия и повышать уровень своей информационной безопасности.

Следует отметить, что рядом правовых актов регулируются организационные меры борьбы с несанкционированным доступом к компьютерной информации.

Так, Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» служит основой для организации защиты данных в государственных и частных учреждениях. В соответствии с этим законом каждая организация, использующая информационные системы, обязана создавать специализированные подразделения, отвечающие за информационную безопасность, разрабатывать внутренние регламенты и процедуры для контроля доступа к информации [4].

Организационные меры также охватывают вопросы внутренней структуры работы с конфиденциальной информацией. Внутренние регламенты включают в себя обязательное ознакомление сотрудников с правилами работы с конфиденциальной информацией, а также регулярное обучение и сертификацию персонала, что позволяет поддерживать высокий уровень защищенности данных на всех уровнях. Закон также предписывает обязательность сертификации информационных систем, что помогает предотвратить использование незащищенных и уязвимых технических решений.

Одним из ключевых аспектов организационных мер является контроль над соблюдением порядка работы с информацией, представляющей государственную тайну, что отражено в Законе Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах». Этот закон устанавливает строгие процедуры допуска к информации и предписывает классификацию данных, что позволяет различать уровни доступа и применять более высокие меры защиты к более важным данным. Например, к информации, относящейся к категории государственной тайны, доступ имеют только лица, прошедшие специальную проверку и имеющие соответствующий допуск. Кроме того, организациям предписывается маркировать документы в соответствии с их уровнем секретности и вести учетные записи доступа к таким документам, что снижает риск утери информации [6].

Также постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 августа 2014 г. № 783 «О служебной информации ограниченного распространения и информации, составляющей коммерческую тайну» регламентирует порядок работы с информацией, которая не является государственной тайной, но требует ограниченного распространения [7].

Данное постановление обязывает организации разрабатывать внутренние инструкции по защите служебной информации, проводить обучение сотрудников и устанавливать правила хранения и передачи данных. Таким образом, организациям предписывается тщательно следить за сохранностью конфиденциальных данных, а также делить информацию на категории для обеспечения надлежащего уровня безопасности.

Как и иные государственные органы, Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) играет важную роль в системе противодействия киберпреступности и обеспечения информационной безопасности. Основной задачей МВД в этой области является разработка и реализация мер по выявлению, предупреждению и пресечению противоправных действий, направленных на несанкционированный доступ к компьютерной информации. Именно с этой целью 28 ноября 2002 г. приказом Министра в МВД создано самостоятельное управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий, которое в 2020 г. было переименовано в Главное управление по противодействию киберпреступности. Целью подразделения является выявление, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с нарушениями информационной безопасности. Среди ключевых задач подразделения – защита компьютерных систем государственных учреждений и частных организаций, предупреждение угроз информационной безопасности, а также разработка и реализация профилактических мер по предупреждению киберпреступлений. Важной частью деятельности подразделения является работа по повышению цифровой грамотности и осведомленности граждан о методах защиты информации, а также обеспечение международного сотрудничества с целью обмена информацией о киберугрозах [8, с. 5–8].

Таким образом, действующее законодательство, включающее Уголовный кодекс Республики Беларусь и иные правовые акты, формирует основу для предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, связанных с кибербезопасностью. Эти правовые акты не только определяют ответственность за противоправные действия, но и регулируют деятельность государственных органов и организаций, включая подразделение МВД по борьбе с киберпреступностью. Совершенствование организационных мер подчеркивает комплексный подход государства к решению задач информационной безопасности, стремление создания условий для формирования современной системы кибербезопасности, способной оперативно реагировать на угрозы и обеспечивать защиту компьютерных данных граждан и организаций, что, в свою очередь, способствует укреплению национальной безопасности.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.05.2025).
2. Лахтиков, Д.Н. Противодействие киберпреступности и основы защиты информации : учеб. пособие / Д.Н. Лахтиков, П.Л. Боровик, В.И. Пикта. – Минск : Акад. МВД, 2023. – 249 с.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 8 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21 июня 2023 г. № 268-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.05.2025).
4. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 16 янв. 2023 г. № 237-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.05.2025).
5. Дубров, С.В. Проблемы безопасности в информационных технологиях : учеб.-метод. пособие / С.В. Дубров ; Новосиб. гос. ун-т, фак. физики, каф. физ.-техн. информатики. – Новосибирск : НГУ, 2012. – 259 с. – (Программа развития НИУ-НГУ на 2009–2018 гг.).
6. О государственных секретах : Закон Респ. Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З : в ред. от 17 июля 2018 г. № 132-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.05.2025).
7. О служебной информации ограниченного распространения и информации, составляющей коммерческую тайну : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 авг. 2014 г. № 783 : в ред. от 5 дек. 2024 г. № 906 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.05.2025).
8. Казакевич, Г.А. О мерах МВД по противодействию киберпреступности / Г.А. Казакевич // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 5–8.

УДК 342.9

В.А. Кузьмин, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

С самого древнего времени люди использовали оружие в своей жизнедеятельности. Оружие для них являлось средством, с помощью которого они добывали себе пищу, остерегали свой кров от напастей и т. д.

Многие ученые считают, что оружие являлось средством добычи и выживания, и в Древнем мире не было различия между оружием и орудием, эти два понятия были идентичны по отношению друг к другу.

Вместе с историей оружие развивалось и совершенствовалось, при этом не меняя субъекта своего управления. Совершенствование технологий и науки способствовало развитию оружия и созданию его новых видов. Во все времена вопросу правового регулирования оборота оружия уделялось много внимания со стороны государственных органов власти. Так как именно огнестрельное оружие является самым опасным для жизни человека и гражданина, а защита прав человека и гражданина – главный приоритет государства.

Если обратиться к истории развития правового регулирования оборота оружия в нашей стране, можно прийти к выводу, что впервые оружие рассматривалось как общественно опасный объект в самом древнем нормативно-правовом источнике России – Русской Правде. В этом правовом документе была предусмотрена ответственность за обнажение оружия (меча). Данное правонарушение рассматривалось в качестве оскорбления.

С развитием законодательства России развивалось и правовое регулирование оборота оружия. В 1649 г. с принятием Соборного уложения ответственность ужесточалась. Так, например, рассматривался другой вид ответственности за непосредственное использование оружия и реальную угрозу его применения. Данный вид ответственности говорит о том, что законодательство того времени уже четко осознавало опасность оружия, в связи с чем стремилось поставить под охрану различные общественные отношения, которые могли быть нарушены в результате его неправомерного использования.

При Петре I 14 февраля 1700 г. был принят Указ «О ношении остроконечных ножей и о непродаже оных в рядах». Данным Указом было запрещено носить определенный вид холодного оружия, он содержал первое в истории уголовного права упоминание о запрещенном обороте оружия.

В Уставе благочиния, подписанным Екатериной II в Петербурге 8 апреля 1782 г., в ст. 213 закреплено «запрещение всем и каждому носить оружие, кому указание того не дозволяет, или предписывает». В 1782 г. впервые появилась ответственность за вывоз оружия за границу, к тому же появляется правовая основа вывоза оружия за пределы Российской империи, в этот год был издан Указ, регулирующий вывоз оружия за пределы Российской империи, предусматривающий уплату соответствующих таможенных пошлин. Данный Указ давал полную

свободу торговли, разрешалось продавать за границу всякого рода оружие, а также пушки, бомбы и прочие снаряды.

К 1885 г. появилась уголовная и административная ответственность за незаконное производство, изготовление, хранение и торговлю боевого оружия. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. имелся специальный раздел, предусматривающий уголовную ответственность за совершение данного вида преступления [1]. К тому же в соответствии с требованиями Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1885 г. за хранение и ношение запрещенного оружия, за стрельбу из огнестрельного оружия в местах, где это запрещено. В 1867 г. на Кавказе появилась такая мера предупреждения преступлений с использованием оружия, как его добровольная сдача. Нужно отметить, что такой институт сохранился и в настоящее время, например, в ходе специального комплексного мероприятия «Арсенал», проводимого органами внутренних дел, лица, добровольно сдавшие оружие, не подлежат привлечению к административной и уголовной ответственности за его незаконный оборот.

Права граждан на охоту также регулировались правовыми предписаниями. Данного вида права, в частности, были лишены: лица, состоящие под надзором полиции; лица, наказанные за повреждение чужих лесов или за нарушение правил охоты. Для охоты на чужой земле помимо охотничьего билета требовалось получение письменного дозволения владельцев, казенного и удельного ведомств либо обергофмейстера.

В марте 1903 г. было принято Уголовное уложение [2], которое регулировало ответственность как за преступления, составляющие незаконный оборот оружия, так и за деяния, совершенные с применением оружия.

Анализ нормативных правовых актов и архивных материалов дает основание утверждать, что задолго до революционных событий начала XX в. в стране был установлен строгий разрешительный порядок продажи, приобретения, хранения и ношения оружия. В Российской империи большое значение в регулировании оборота оружия имело региональное законодательство. Если общероссийское законодательство определяло принципы оборота оружия, то региональное – очень подробно и детально его регламентировало. Губернаторы утверждали нормативные правовые акты, регламентировавшие оборот оружия на территории введенных им губерний, областей, выдавали разрешение на право торговли, приобретения и ношения оружия.

В 1905 г. в империи были приняты меры по унификации правового регулирования оборота огнестрельного оружия. 24 ноября 1905 г. императором было утверждено Положение Совета министров «О порядке

хранения и продажи огнестрельного оружия» [3], которое предоставило генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам дополнительные полномочия по регулированию оборота оружия, что было вызвано революционными событиями 1905 г. Указанные должностные лица в местностях, не объявленных в исключительном положении, имели право при наличии чрезвычайных обстоятельств, угрожавших общественному порядку и спокойствию:

издавать на срок не более трех месяцев обязательные постановления относительно порядка хранения и продажи огнестрельного оружия, кроме охотничьих образцов, а также припасов к нему и взрывчатых веществ;

налагать собственной властью за нарушение означенных постановлений в административном порядке взыскания, не превышавшие трехмесячного ареста или денежного штрафа в размере пятисот рублей.

Содеянное наказывалось заключением в тюрьме, а неправильно хранящиеся или приобретенные порох, иные огнестрельные или взрывчатые вещества или снаряды отбирались. Кроме того, суд мог навсегда лишить торговца права торговать такими предметами.

Таким образом, развитие дореволюционного уголовного законодательства свидетельствует о том, что нормы, запрещающие незаконный оборот оружия, появились достаточно поздно – в середине XIX в. до этого времени общественная опасность оружия рассматривалась исключительно во взаимосвязи с возможностью совершения с его помощью некоторых преступлений против личности, собственности и государственных преступлений. Нормы, которые ограничивали оборот оружия, формировались в отечественном праве постепенно, а их содержание являлось преимущественно казуистичным, хотя в целом отражало отношение государства к оружию как предмету, требующему правовой регламентации.

В 1917 г. в связи с разрушением царской России и приходом новой власти коренным образом изменилась вся выстроенная на то время система правового регулирования оборота оружия. Были признаны недействительными все выданные полицией разрешения на ношение и хранение оружия, охрана правопорядка новой Советской властью была поручена новым органам, одним из которых являлась рабоче-крестьянская милиция.

После Февральской революции 1917 г. власти столкнулись с тем, что на руках у населения оказалось большое количество незарегистрированного оружия. Указанное потребовало принятия мер уголовно-правового характера, направленных на изъятие оружия из незаконного оборота. В соответствии с постановлением Временного правительства от 12 июля 1917 г. «О реквизиции оружия у населения Петрограда и его окрестностей» населению предписывалось сдать все холодное и огнестрельное

оружие казенного образца и боеприпасы в течение определенного срока [4]. Оружие не изымалось только у членов партии, но и им было разрешено хранить не более одной винтовки и одного револьвера.

В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 12 июля 1920 г. «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращения с ним» на милицию совместно с ВЧК возлагаются функции по контролю за порядком приобретения, хранения и использования оружия [5].

Декретом СНК РСФСР от 28 июля 1920 г. «Об охоте» было установлено право владения охотничьим ружьем лишь тем лицам, которым органом Народного комиссариата был выдан охотничий билет. Регистрация охотничьего оружия и боеприпасов велась органами НКВД [6].

В 1922 г. был принят и вступил в силу первый Уголовный кодекс РСФСР, который предусматривал ответственность за хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения. Позже, в 1924 г., уголовная ответственность за незаконное хранение оружия сменилась административной (принудительные работы либо штраф до 300 рублей).

Постановление ЦИК СССР от 12 декабря 1924 г. «О порядке производства, торговли, хранения, пользования, учета и перевозки оружия, огнестрельных припасов, разрывных снарядов и взрывчатых веществ» разделило оружие на три категории, в каждой из которых был приведен подробный перечень его разновидностей, также оно установило порядок изготовления, приобретения, использования и хранения оружия только на основании разрешения, выданного органами ОГПУ и милицией [7].

В 30–60-е гг. XX в. надзорная деятельность, связанная с оборотом оружия, претерпела незначительные изменения. Продажа охотничьих гладкоствольных ружей в этот период уже была невозможна без наличия охотничьего билета, а мелкокалиберной винтовки – без разрешения милиции, охотничьи билеты выдавались гражданам, достигшим 16-летнего возраста (в отдельных районах по достижении 14 лет). В целях борьбы с хулиганством было запрещено изготовление, хранение, сбыт и ношение кинжалов, финских ножей и других видов холодного оружия без разрешения милиции.

Постановление СНК РСФСР от 17 февраля 1932 г. ответственными за выдачу разрешений на приобретение, хранение и использование охотничьего и спортивного оружия, боеприпасов к нему, отпуска взрывчатых и детонирующих веществ определило органы Главного управления рабоче-крестьянской милиции, которые и осуществляли надзор за соблюдением установленных правил [8]. В середине 1930-х гг. появился также запрет на изготовление, хранение, сбыт и ношение кинжалов, финских ножей, в том числе на подобное холодное оружие, без разрешения НКВД.

Во время Великой Отечественной войны правовое регулирование оборота оружия осуществлялось в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», дела о преступлениях в сфере оборота оружия рассматривались военным трибуналом [8].

После окончания Великой Отечественной войны жесткость правового регулирования оборота оружия несколько ослабла, и с 1953-го по 1959 г. гладкоствольное оружие находилось в свободной продаже, однако положение изменилось в связи с изданием постановления Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. № 478, отменившего продажу гладкоствольного оружия без соответствующего разрешения [9].

В 1960-е гг. совершенствуется нормативно-правовая база, регулирующая оборот оружия, четко определяются субъекты и объекты правоотношений в этой сфере. Получает развитие ведомственное нормотворчество. Так, в соответствии с Инструкцией о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов к нарезному оружию, открытия стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских, торговли нарезным огнестрельным и холодным оружием, утвержденной приказом МООП СССР от 4 января 1968 г. № 15 [10], милиция выдавала одиннадцать видов разрешений, связанных с оборотом оружия и боеприпасов к нему. Инструкция подробно регламентировала порядок приобретения, хранения и использования оружия и боеприпасов предприятиями, организациями и учреждениями, перевозки оружия и боеприпасов, порядок производства холодного оружия, открытия стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских и магазинов по торговле огнестрельным нарезным и холодным оружием и боеприпасами к нарезному оружию. Особое внимание было уделено приобретению, хранению и использованию оружия гражданами. Общий возрастной ценз на приобретение оружия увеличился до 18 лет. Мелкокалиберное оружие могли приобретать и хранить только мастера стрелкового спорта и охотники-промысловики, а охотничье нарезное оружие и ружья с нарезным стволом – только охотники-промысловики. Разрешения на приобретение и хранение оружия не выдавались лицам:

- а) душевнобольным или слабоумным, признанным такими в установленном законом порядке;
- б) находящимся под судом, следствием и в местах лишения свободы;
- в) судимым за особо опасные, особо тяжкие преступления, особо опасным рецидивистам;
- г) судимым за преступления с применением оружия.

В 1970-х гг. в связи с принятием Советом Министров СССР 23 июля 1975 г. постановления № 646 «Об установлении единого порядка приобретения, учета и хранения охотничьих ружей» была увеличена штатная численность милиции, что позволило сформировать специальные подразделения, осуществляющие контроль за оборотом оружия [11].

В 1980-е гг. продолжается процесс усовершенствования нормативной регламентации оборота оружия и боеприпасов к нему. Законодательством того времени не ограничивается количество охотничьего огнестрельного оружия, которое мог приобрести гражданин, однако владелец оружия обязан был обеспечить его безусловную сохранность и не использовать помимо охоты.

Охотники-любители, имевшие стаж охоты не менее пяти лет и сдавшие зачеты по знанию правил безопасности на охоте, получили право приобретать охотничье нарезное оружие.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1984 г. «Об административной ответственности за нарушение правил приобретения, хранения и использования огнестрельного оружия и боевых припасов» содержал восемь статей, предусматривающих административную ответственность за правонарушения в сфере оборота оружия [12].

Впервые было закреплено положение о систематическом (но не менее одного раза в год) проведении проверок сотрудниками милиции условий хранения ружей у граждан по месту их жительства с привлечением внештатных сотрудников милиции, актива охотобществ, групп контроля и профилактики первичных охотколлективов.

Анализ законодательства 1970–1980-х гг. показывает, что многие вопросы, связанные с правовым регулированием оборота оружия, стали регламентироваться нормативными актами Министерства внутренних дел (МВД). Важное место среди них занял приказ МВД СССР от 1 декабря 1987 г. № 246, который утвердил Инструкцию о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия, боевых припасов к нему, изготовления холодного клинкового оружия, открытия стрелковых тиров, стрельбищ, стрелково-охотничьих стендов, оружейно-ремонтных мастерских, торговли огнестрельным оружием, боевыми припасами к нему и охотничьими ножами. Данный документ, что примечательно, действовал в Республике Беларусь вплоть до 2008 г.

Подводя итог развития законодательства об оружии советского этапа (октябрь 1917 г. – август 1991 г.), следует констатировать, что общественная опасность оружия предопределила необходимость проводимой в указанный период последовательной консолидации нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере обо-

рота оружия. Первостепенной задачей государства на этом этапе становится выработка действенного механизма по осуществлению контроля за оборотом оружия. Центральным звеном данного механизма стало МВД. Во многом это объясняется тем, что значительный объем общественных отношений, складывающихся в сфере контроля за оборотом оружия, регулировался локальными нормативными правовыми актами МВД, как основного субъекта, наделенного контрольными функциями за оборотом оружия.

Список использованных источников

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – СПб. : Сенат. тип., 1885. – 1216 с.
2. Уголовное уложение 1903 г. – СПб. : Тип. М-ва юстиции, 1903. – 288 с.
3. Положение Совета Министров Российской империи «О порядке хранения и продажи огнестрельного оружия» // Свод законов Российской империи. – Изд. 3-е. – СПб., 1913. – Т. XI, ч. 1.
4. О реквизиции оружия у населения Петрограда и его окрестностей : постановление Врем. правительства от 12 июля 1917 г. // Собрание узаконений Временного правительства. – 1917. – № 120.
5. О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращения с ним : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР от 12 июля 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1920. – № 63. – Ст. 381.
6. Об охоте : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР от 28 июля 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1920. – № 71. – Ст. 424.
7. О порядке производства, торговли, хранения, пользования, учета и перевозки оружия, огнестрельных припасов, разрывных снарядов и взрывчатых веществ : постановление Центр. исполн. ком. СССР от 12 дек. 1924 г. // Собрание узаконений СССР. – 1924. – № 82. – Ст. 737.
8. О военном положении : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 27.
9. О мерах по улучшению учета и хранения охотничьего оружия и боеприпасов : постановление Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. № 478 // САПП СССР. – 1959. – № 11. – Ст. 75.
10. Инструкция о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов к нарезному оружию, открытия стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских, торговли нарезным огнестрельным и холодным оружием : утв. приказом МООН СССР от 4 янв. 1968 г. № 15 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1968. – № 3.
11. Об установлении единого порядка приобретения, учета и хранения охотничьих ружей : постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1975 г. № 646 // САПП СССР. – 1978. – № 19. – Ст. 117.

12. Об административной ответственности за нарушение правил приобретения, хранения и использования огнестрельного оружия и боевых припасов : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 14 июня 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1984. – № 25. – Ст. 459.

УДК 343.985

Н.М. Легуцкий, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – *Д.В. Костюкевич*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Холодное оружие является одним из древнейших видов оружия изобретенных человечеством, которое с некоторыми доработками используется и в настоящее время. Первое примитивное оружие появилось еще во времена палеолита и предназначалось для охоты на диких животных. До изобретения земледелия охота являлась основным способом пропитания древнего человека. В качестве орудий для охоты первоначально в ход шли обломки деревьев и камни со сколами, образующими острый конец. Потом они постепенно эволюционировали в дубины и пики. Наиболее древним известным образцом холодного оружия, по мнению ученых, являются Шёнингенские копья, возраст которых составляет более 300 тысяч лет. Данное оружие было найдено недалеко от города Шёнингена, расположенного в Германии, в честь которого они и были названы [1].

Во времена неолита в деревянные дубины стали добавлять осколки камня, а еще позже из палки с заостренным концом получилось копье с наконечником из кремния или кости. Примерно тогда же появились и первые каменные ножи и, вопреки расхожим заблуждениям, они были не так уж и примитивны. Например, в Северной Европе кремниевые кинжалы отличаются совершенством обработки. В наши дни каменные ножи снова вернулись. Их используют в медицине. Так, хирургические операции с использованием каменных лезвий, зажатых в специальные рукоятки, увенчались успехом [2, с. 129].

Изобретение и совершенствование первобытных орудий связано с тактикой охоты на диких животных. Как известно, в первобытные времена в основном проводилась загонная охота: животных загоняли в такое место, где человек мог эффективно применить орудия, способные

поражать дичь, как правило, только на короткой дистанции. Для этого использовались различные заостренные палки, камни, дубины. Однако такое занятие не было безопасным для охотников и требовало от первобытного человека изобретение более совершенных орудий, с помощью которых можно было бы поразить животное на безопасном для охотника расстоянии. С этим связано изобретение первых примитивных образцов метательного оружия – лука и боласа. Болас представлял собой два, три камня диаметром 8–12 см, обернутых кожей и соединенных ремнем длиной до 1 м. Использовался болас путем раскручивания охотником над головой и метания в сторону животного. При попадании в животное болас закручивался вокруг ног животного и оно теряло способность передвигаться в дальнейшем охотник уже добывал добычу пиками и дубинами. В свою очередь, использование боласа требовало от охотника определенных умений и хорошей сноровки, поэтому эволюция метательных видов оружия продолжилась изобретением лука. Первые примитивные луки представляли собой крепкую ветку дерева, соединенную с двух сторон прообразом тетивы, изготовленной из сухожилия или тонкого отрезка кожи животного. Данное метательное оружие могло уже смертельно поражать животное на значительном расстоянии. При этом, в отличие от боласа, оно было многократного применения путем использования значительного числа стрел, изготовленных из дерева и костей животных. На данный момент сохранились лишь наконечники стрел, возрастом 64 тысячи лет, в пещере Сибуду. В ходе анализа наконечников стрел командой исследователей из университета Йоханнесбурга было установлено наличие следов клея на растительной основе с целью закрепления наконечника на деревянном древке. К сожалению, до настоящего времени не было обнаружено ни одного артефакта, который по форме напоминает лук того же возраста, что и наконечники, найденные в пещере Сибуду [3, с. 123].

В результате дальнейшего развития метательного оружия из простого деревянного лука появился составной лук, который изготавливали из сухожилий, дерева и роговых пластин животных. Энергия, отдаваемая таким луком, была значительно выше, чем у простого, он имел меньшие габариты, склейка элементов облегчала его изготовление [4, с. 9–11].

Дальнейшая эволюция холодного оружия была тесно связана с совершенствованием технологии обработки различных материалов и изобретения сверла, в качестве которого использовались трубчатые кости животных, а в качестве абразива – мокрый песок, что позволяло проделывать отверстия в камне. Благодаря этому насаженные на деревянные рукояти каменные топоры и молоты приобретали значительно большую

ударную силу и эффективность. Данные орудия предназначались уже не только для охоты, но и для самообороны и использовались вплоть до 4-го тыс. до н. э. [4, с. 9–11].

Огромным прорывом в истории развития холодного оружия стало открытие меди. Основным преимуществом медных орудий труда была возможность неоднократного ремонта, тем самым возвращая утраченные свойства (остроту), в отличие от каменных и костяных орудий, которые приходилось изготавливать заново. В результате выплавки меди, олова и их сплавления была получена бронза, имеющая некоторые преимущества перед исходными металлами. Она обладает меньшей температурой плавления, чем медь, легко заливается в форму, ее твердость превышает твердость меди за счет содержания в используемом сырье примесей (мышьяк, свинец, цинк и др.), выполняющих роль легирующих элементов. Обработка и изготовление бронзы послужили началом новой эры в истории [5, с. 44–59]. Твердость, вязкость и вес металла позволили объединить остроту каменных ножей и кинжалов с размерами в палец, благодаря чему появился меч. Его незаменимые качества для рукопашной схватки и борьбы с хищниками привели к тому, что меч стал популярным оружием на долгие века. Первый бронзовый меч был найден российским археологом А.Д. Разепкиным в Республике Адыгея. Этот меч на данный момент находится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге и датируется второй третью 4-го тыс. до н. э.

С 1-го тыс. до н. э. (железный век) для изготовления элементов орудий труда, в том числе оружия, стало применяться железо. Появление технологии выплавки его из руды, совершенствование процессовковки и термообработки способствовали улучшению таких качеств холодного оружия, как прочность и долговечность. Орудия труда, в частности оружие из железа, подвергнутое ковке и последующей термообработке (закалке), долго сохраняли остроту режущей кромки, что облегчало их обслуживание в процессе эксплуатации.

Благодаря открытию и обработке железа и появлению стали, много веков меч эволюционировал в зависимости от стиля ведения боя [6, с. 167–222]. Менялся не только клинок, но и рукоятка. Со временем появилась шпага, которая, в свою очередь, имела разделения на колющую и рубящую. У последней одно лезвие обычно затуплялось как обух, а другое было острым. В таком виде это оружие к XVII в. получает название палаш и становится оружием тяжелой конницы. Но основным холодным оружием является сабля, а также один из ее восточных видов – ятаган [7, с. 159–204].

После изобретения арбалета лук стал заметно отходить на второй план, особенно в III–V вв. н. э., в период упадка Римской империи.

Среди славянских народов были распространены ножи, копья и топоры, так как они были доступны каждому крестьянину и горожанину. Это оружие составляло основную часть вооружения у русского войска.

По этому поводу Е.В. Фаленкова пишет: «Период с V–VI в. по XI в. демонстрирует высокий уровень умения древних славян в военном деле. Благодаря торговому пути «из варяг в греки», а также военным походам появляется новое и совершенствуется старое оружие. Переживает буйный расцвет холодное оружие – а именно ножи, копья, рогатины (славянское тяжёлое копье для рукопашного боя или для охоты на крупного зверя), мечи, кинжалы, топоры; метательное холодное оружие – луки, арбалеты и сулицы (небольшие метательные копья)» [8, с. 56–58].

Дальнейшее совершенствование холодного оружия продолжалось в зависимости от целей, для которых предназначались различные виды холодного и метательного оружия, а уже с середины XX в. по настоящее время прослеживается устойчивая сложившаяся тенденция, в основном к совершенствованию функциональных свойств и эксплуатационных качеств холодного оружия: совмещение в конструкции различных видов оружия, применение при его изготовлении полимерных и керамических материалов, достижений порошковой металлургии.

Вместе с появлением и последующим развитием холодного и метательного оружия первоначально его статус никакими законодательными актами не регулировался и только в XVIII в. появился Указ императора Петра I от 14 февраля 1700 г. «О ношении остроконечных ножей и о непродаже оных в рядах». Указом предусматривался запрет на изготовление, ношение и продажу остроконечных ножей по причине того, что «многие люди в дорогах на съездах и на сходах, и в домах, в ссорах и в драках и во пьянстве меж собою такими ножами друг друга режут до смерти, а воры и нарочно с такими ножами ходят по ночам, для своего воровства, и людей режут и грабят». Современным продолжением данного указа является Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии», Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2002 г. № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь», а также ст. 24.29 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и ст. 296 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Таким образом, эволюция холодного оружия отражает ключевые этапы развития человечества – от каменных копий Шёнингена до бронзовых мечей Адыгеи и стальных клинков Средневековья. Простота ранних форм, таких как дубины с каменными вставками или кремниевые

кинжалы, постепенно уступила место технологическому совершенству: металлические наконечники повысили эффективность копий, а открытие железа породило разнообразие специализированного оружия – от сабель до ятаганов. Особый вклад внесли славянские мастера, чьи ножи, топоры и рогатины стали основой вооружения благодаря доступности и универсальности. Интересно, что даже сегодня каменные лезвия находят применение в хирургии, демонстрируя неожиданную преемственность древних технологий. Исторический путь холодного оружия – это не только хроника войн, но и свидетельство изобретательности человека, превращавшего простые материалы в инструменты выживания, охоты и культурного прогресса.

Эволюция холодного оружия от древнейших каменных и бронзовых образцов до современных композитных моделей демонстрирует необходимость постоянного совершенствования экспертных методик по его исследованию, а также по выработке новых для исследования различных видов атипичного оружия.

Список использованных источников

1. Копья из Шёнингена: новое исследование открывает уникальные данные о древних охотниках. – URL: <https://www.pravda.ru/news/science/2219898-prehistoric-lances-shonigen-age-new-findings/> (дата обращения: 31.05.2025).
2. Погодина, А.А. Краткая история холодного оружия / А.А. Погодина // Молодой ученый. – 2021. – № 38. – С. 129.
3. Александрова, О.И. Органические остатки на кремневых изделиях из второго мезолитического слоя пещеры Двойная (по данным трасологического анализа) / О.И. Александрова // Краткие сообщения Института археологии. – 2014. – № 235. – С. 123.
4. Лаппо, Е.А. Судебная экспертиза холодного и метательного оружия : учеб. пособие / Е.А. Лаппо, А.С. Рубис, В.А. Чванкин / под общ. ред. Е.А. Лаппо ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 149 с.
5. Агапов, С.А. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валяковой керамики / С.А. Агапов, А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3. – С. 44–59.
6. Бочкарев, В.С. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий / В.С. Бочкарев, И.Ж. Тутаяева // *Stratum plus*. 2019. – № 2. – С. 167–222.
7. Бочкарев, В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы / В.С. Бочкарев // *Stratum plus*. – 2017. – № 2. – С. 159–204.
8. Фаленкова, Е.В. Оружие как символы военной культуры древних славян / Е.В. Фаленкова, А.Д. Курулюк // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 2-11. – С. 56–58.

А.М. Малецкая, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.А. Реутская*

ПРАВО НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ: УСЛОВИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Право на необходимую оборону является одним из фундаментальных институтов уголовного права, обеспечивающим реализацию конституционного права граждан на защиту личности, жизни и собственности. Однако на практике применение норм, регулирующих необходимую оборону, часто вызывает споры и затруднения как у правоприменителей, так и у самих граждан. Нередко случаи самообороны квалифицируются как преступления, что свидетельствует о существующих проблемах и недостатках в действующем законодательстве.

Современные социально-правовые реалии, в том числе рост преступности, повышение общественной тревожности и необходимость защиты от посягательств, требуют четкой и справедливой регламентации пределов допустимости обороны. При этом необходимо учитывать и вопросы исключения злоупотреблений данным правом.

В условиях реформирования правовой системы Республики Беларусь изучение условий реализации права на необходимую оборону, а также выявление и анализ проблем в действующем законодательстве приобретают особую значимость. Необходимая оборона является важным институтом уголовного права, позволяющей гражданам защищать свои права и законные интересы в условиях реальной угрозы. В ч. 3 ст. 34 УК определено, что при реализации необходимой обороны могут быть превышены ее пределы. Под превышением таких пределов следует понимать явное несоответствие для обороняющегося защиты характеру и опасности преступного посягательства, в случае если посягающему без обязательности умышленно причиняется тяжкое телесное повреждение или же смерть [1].

Для установления факта превышения пределов необходимой обороны требуется одновременное наличие двух критериев: объективного (фактическое несоответствие действий угрозе) и субъективного (осознание несоразмерности оборонительных мер). Только их совокупное наличие позволяет достоверно указывать на перегибы в рамках реализуемого права на защиту.

Объективный критерий предполагает выявление явного, существенного разрыва между средствами и способами защиты и степенью опасности противоправного посягательства. При этом причиняемый нападающему вред должен в действительности существенно превышать ту угрозу, которая исходила от его действий, независимо от субъективного восприятия обороняющегося. Признак явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства имеет диалектическую природу, так как включает в себя как объективный, так и субъективный аспекты. Объективный аспект данного признака характеризуется значительным отклонением тяжести фактического вреда, причиненного нападающему, от уровня угрозы, выраженной в действиях посягающего. Субъективная составляющая, в свою очередь, обуславливает необходимость понимания обороняющимся данного несоответствия. Субъективная сторона преступления является одним из наиболее значимых признаков, которым отводится ключевая роль при квалификации действий, связанных с превышением пределов необходимой обороны. Для правильной правовой оценки таких деяний важно установить наличие вины в действиях обороняющегося. Кроме того, необходимо определить форму этой вины, т. е. выяснить, была ли она умышленной или допущенной по неосторожности, поскольку именно субъективная сторона выступает основополагающим критерием для выявления состава преступления [2, с.158].

Условия правомерности необходимой обороны подразделяются на две группы: относящиеся к посягательству и относящиеся к защите.

Обращаясь к анализу условий правомерности необходимой обороны, рассмотрим условия, относящиеся к посягательству: общественную опасность, действительность и наличность. Под общественной опасностью традиционно понимают способность деяния причинять существенный вред объектам уголовно-правовой охраны. Большинство авторов занимают позицию, согласно которой необходимая оборона возможна только от общественно опасных посягательств, которые предусмотрены Особенной частью УК. Норма уголовного закона также устанавливает, что фактическим основанием возникновения права на необходимую оборону в рамках уголовно-правового отношения может быть только общественно опасное посягательство. Признак общественной опасности и выделяет преступления из числа других правонарушений [3, с. 221]. Следовательно, необходимая оборона от малозначительных деяний недопустима.

Особое значение для правомерности необходимой обороны имеет условие, именуемое действительностью. Это означает, что посягательство должно объективно существовать в реальности, а не быть поро-

ждением субъективного восприятия или воображения обороняющегося. Проще говоря, обороняющийся, применяя силу, обязан действовать на основе реальной, а не мнимой угрозы.

Недопустима необходимая оборона против действий, которые сами совершены в состоянии необходимой обороны. Лицо, совершившее разбойное нападение и встретившее решительный отпор со стороны потерпевшего, не может ссылаться на то, что причинило вред здоровью потерпевшего, чтобы самому избежать причинения им подобного вреда. Во всех случаях не может ссылаться на необходимую оборону и тот, кто своим неправомерным действием спровоцировал ситуацию, при которой окружающие вынуждены были применить в отношении его какие-либо насильственные действия. Следовательно, нуждается в законодательной доработке проблема квалификации ситуаций, при которых лицо само провоцирует нападение или действует агрессивно под видом самообороны.

В теории уголовного права важное место также занимает наличие посягательства, которая признается в следующих случаях:

- 1) на момент защиты посягательство уже началось, но еще не закончилось;
- 2) существует реальная угроза нападения;
- 3) посягательство уже закончилось, но обороняющемуся неясен момент его окончания.

Право обороны возникает не только в момент начала посягательства, но и при наличии реальной угрозы его осуществления (например, при разбойном нападении со стороны нападающего, требующего отдать деньги под угрозой ножа). В некоторых случаях необходимая оборона возможна только при непосредственной угрозе посягательства, поскольку после его начала такой возможности у обороняющегося может и не быть [3, с. 222].

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите от посягательства, играют ключевую роль в определении границ допустимого самозащиты.

- 1) Защита допускается при отражении общественно опасного посягательства на определенный круг объектов: жизнь и здоровье как самого обороняющегося, так и другого лица, их права, а также интересы общества или государства. Буквальное толкование ч. 2 ст. 34 УК свидетельствует, что путем необходимой обороны можно защищать практически любой правоохраняемый объект.

- 2) Вред должен быть причинен непосредственно посягающему, а не третьим лицам, что относится к способу защиты, прямо указанному в

ст. 34 УК: путем причинения вреда посягающему. Вред, причиняемый посягающему, по своему характеру может быть как физическим, так и имущественным: в зависимости от характера и опасности посягательства защищающийся может причинять посягающему вред в виде лишения его жизни, телесных повреждений различной степени тяжести, уничтожения или повреждения принадлежащего ему имущества.

3) При защите не должно быть допущено превышение пределов необходимой обороны. В ч. 3 ст. 34 УК закреплено следующее положение: превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение. Таким образом, простое, т. е. не явное (не чрезмерное), несоответствие не образует превышения необходимой обороны, так как закон разрешает в состоянии необходимой обороны причинить посягающему вред, который может быть меньшим, равным или большим, чем тот, который угрожает [3, с. 224].

Следовательно, реализуя право на необходимую оборону, лицо обязано строго придерживаться условий ее правомерности, которые охватывают как объективные критерии посягательства, так и субъективное восприятие ситуации. Небрежное отношение к этим требованиям может повлечь ответственность на основании уголовного законодательства, что акцентирует важность правовой осведомленности и разумной осмотрительности в подобных ситуациях. В данном случае при превышении пределов необходимой обороны должно быть именно явное внешне видимое несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства [2, с. 57].

Согласно ч. 2 ст. 34 УК не считается преступлением совершение действий в состоянии необходимой обороны, если такие действия направлены на защиту жизни, здоровья, имущества, жилища, прав обороняющегося либо другого лица, а также интересов общества или государства от общественно опасного посягательства и связаны с причинением вреда агрессору, при условии, что не было допущено превышения установленных пределов необходимой обороны. При этом под превышением данных пределов понимается ситуация, при которой совершенные защитные действия явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства, а посягающему умышленно причиняется тяжкий вред здоровью или смерть без реальной необходимости в этом для устранения угрозы.

Подобное содержание нормы приводит к тому, что вопрос о том, какой конкретный вред может быть причинен нападающему, остается на

усмотрение следственных органов и суда. Учитывая оценочный характер данного правила, при его применении судьи опираются не только на положения закона, но и на судебское усмотрение, анализируя в каждом отдельном случае обстоятельства дела для установления границ допустимой защиты и возможного превышения. В связи с этим возникает рациональное предложение о целесообразности расширения на законодательном уровне перечня посягательств, защита от которых могла бы включать причинение любого вреда нападающему.

Анализируя условия правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны, необходимо отметить, что такие условия в равной степени охватывают как характеристики самого противоправного посягательства, так и действия лица, осуществляющего защиту. Однако окончательную оценку этим условиям, исходя из всех обстоятельств конкретного дела, дает суд, основываясь на принципах законности, справедливости и соразмерности защиты фактической угрозе.

Необходимая оборона, являясь важнейшим правовым механизмом защиты личности, общества и государства, остается сложным для правовой интерпретации институтом, требующим дальнейшего совершенствования нормативных оснований для обеспечения единообразного применения в уголовной юстиции [4, с. 50].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Право на необходимую оборону представляет собой один из ключевых институтов уголовного права, обеспечивающий реализацию конституционного права граждан на защиту личности, жизни, здоровья, собственности и иных законных интересов от общественно опасных посягательств.

2. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь, в частности ст. 34 УК, устанавливает условия правомерности необходимой обороны, однако его применение на практике сопровождается значительными трудностями, связанными с оценочными критериями и недостаточной конкретизацией понятий, таких как «явное несоответствие», «реальная угроза» и «общественно опасное посягательство». Законодатель не до конца определил перечень посягательств, от которых допустима необходимая оборона, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике. Целесообразно на законодательном уровне конкретизировать виды посягательств, в отношении которых допустима оборона с причинением вреда, а также выработать практические рекомендации для судов по применению ст. 34 УК.

3. Существенную сложность представляет определение субъективной стороны в действиях обороняющегося, особенно при наличии

стрессового состояния, внезапности нападения и ограниченности времени на принятие решений. Это требует более гибкого подхода со стороны правоохранительных органов и судов при оценке конкретных обстоятельств дела.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.04.2025).

2. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

3. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С.В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А.Л. Савенка, В.С. Яловица ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 387 с.

4. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб. : Пресса, 2003. – 217 с.

УДК 343.8

Т.А. Некрашевич, магистрант научно-педагогического факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.А. Воронаев*

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК, И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Наказание является основной формой реализации государственного принуждения за совершение преступлений. Сущность наказания представляет собой совокупность установленных законом правоограничений: лишение на определенный срок или ограничение определенных свобод, прав, законных интересов личности, а также наделение ее специальными обязанностями, зависящими от вида назначенного судом наказания или иной меры уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 47 Уголовного кодекса Республики Беларусь наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или

ограничении прав и свобод осужденного. К одному из самых строгих видов наказания за совершение преступления относится лишение свободы на определенный срок.

Установленная на законодательном уровне иерархия целей применения наказания позволяет констатировать, что исправление осужденных является одним из центральных направлений деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, а результативность процесса формирования у осужденного готовности к ведению правопослушного образа жизни – основным критерием оценки эффективности их деятельности. На сегодня повышение ее эффективности является одним из приоритетных направлений государственной правовой политики, что требует в том числе соответствующих научных изысканий.

Так, в соответствии с концепцией, разработанной А.Н. Пастушеней, готовность к правопослушному образу жизни – комплекс свойств личности осужденного, влекущих его субъективную необходимость и возможность осуществлять жизнедеятельность, соблюдая при этом требования правовых норм и общепринятой морали в трех центральных сферах жизнедеятельности: сфере взаимодействия с другими людьми, сфере материального обеспечения жизни, сфере потребления и досуга [1, с. 32]. Исходя из этого, процесс исправления представляет собой процесс качественного изменения личности лица, совершившего преступление, при котором у него одновременно формируются положительные и устраняются отрицательные личностные свойства.

Согласно ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь к основным средствам исправления относятся установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие.

Необходимо отметить, что перечень средств не является исчерпывающим. Законодатель указывает, что в процессе формирования у осужденных готовности вести правопослушный образ жизни могут применяться иные средства исправления в целях создания возможностей для добровольного осуществления осужденными учебной, творческой, спортивной и другой деятельности, которая не противоречит установленному порядку исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности и направлена на приобретение значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодоление негативных черт личности.

Как верно подчеркнул С.Л. Рубинштейн, формирование новых и искоренение старых качеств личности осужденных не может являться только следствием применения средств исправления [2, с. 74].

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что сочетание юридических средств в области исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок в совокупности с неюридическим инструментарием правового воздействия (средства массовой информации, получение образования осужденными, участие общественных организаций в процессе воспитательной работы, повышение уровня культуры и правосознания через литературу, кино, искусство и др.) формирует сложный, многогранный процесс, который и является правовым воздействием на осужденных к лишению свободы на определенный срок.

В свою очередь, самостоятельная работа осужденного над собой обуславливает правильное восприятие правового воздействия, снижает у осужденного внутреннее сопротивление к нему. Кроме этого, саморазвитие и самовоспитание осужденного создает фундамент для его благополучной ресоциализации в период после отбывания наказания, где значимым моментом является поведение самого бывшего осужденного, уровень его заинтересованности в положительной интеграции в общество.

Для выявления путей повышения эффективности правового воздействия на осужденных к лишению свободы на определенный срок следует детально рассмотреть проблемные вопросы применения неюридических средств правового воздействия, в том числе средства массовой информации.

Средства массовой информации обладают значительным потенциалом в деле оказания правового воздействия, в том числе на осужденных к лишению свободы. А. Бандура в своей теории социального научения подчеркнул, что СМИ, демонстрируя примеры поведения окружающих, также могут становиться источником научения [3, с. 18].

В соответствии с гл. 47 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений в исправительных учреждениях (ПВР ИУ) предусмотрены радио- и телепередачи. Жилые помещения, клубы, библиотеки, комнаты воспитательной работы, общеобразовательные школы, профессионально-технические училища, помещения камерного типа в исправительном учреждении радиофицируются. Телевизоры устанавливаются в комнатах воспитательной работы, при их отсутствии в иных помещениях отряда по решению администрации учреждения, комнатах психологической разгрузки, клубах, комнатах длительных свиданий, общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах. Время радиотрансляции и просмотра телепередач определяется распорядком дня ИУ и осуществляется под контролем администрации ИУ. Тематика передач определяется администрацией ИУ исходя из целей и задач воспитательной работы.

Для оказания эффективного правового воздействия на осужденных к лишению свободы на определенный срок при трансляции передач следует заострять больше внимания на информации, раскрывающей сущность и содержание права, его признаки, особенности реализации, необходимость его соблюдения, а также информации, разъясняющей порядок применения различных правовых норм.

В данном аспекте к проблемному вопросу осужденных при отбывании наказания в виде лишения свободы следует отнести ознакомление с правовой базой с точки зрения изучения законов, подготовку соответствующих обращений в государственные органы, а также обжалование решений органов правопорядка.

В связи с этим предлагаем дополнить право осужденных в области использования глобальной компьютерной сети Интернет и изложить п. 57.18 ПВР ИУ следующим образом:

« – использовать глобальную компьютерную сеть Интернет для доступа к информационным ресурсам учреждения образования, в котором осужденный получает образование в дистанционной форме, а также в целях получения правовой информации... ».

Отметим, что предоставление бесконтрольного доступа к сети Интернет может способствовать совершению осужденными правонарушений и преступлений. Необходимо учесть, что доступ к сети Интернет должен быть ограничен в части переписки с родственниками и иными гражданами. В целях предотвращения совершения правонарушений и преступлений в компьютерных кабинетах с доступом в сеть Интернет должны быть установлены камеры видеонаблюдения, а также осуществляться постоянный контроль за осужденными в компьютерном классе со стороны работников ИУ.

К следующему средству правового воздействия на осужденных, требующего углубленного внимания, следует отнести получение образования в ИУ.

Большинство осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ИУ Республики Беларусь, имеют низкий уровень образования. Необходимо отметить, что повышение уровня образования осужденных, в том числе посредством получения высшего образования, является значимым средством предупреждения преступлений и правонарушений, так как осужденные, уровень образования которых выше общего среднего, реже совершают преступления, в отличие от осужденных, имеющих более низкий уровень образования.

Следует подчеркнуть, что в последнее время в Республике Беларусь стремительно развивается система получения высшего образования

осужденными к лишению свободы. Получение образования в дистанционной форме способствует трудоустройству после отбывания наказания. В том случае, если осужденные не успели завершить получение образования в связи с освобождением по отбытии наказания, они могут продолжить обучаться на дневной или заочной форме получения образования, реализуя принцип непрерывности образования.

Получение высшего образования в ИУ организовано посредством дистанционного обучения, для чего созданы специальные центры дистанционного образования (например, в ИУ «ИК № 22» управления ДИН МВД по Брестской области, ИУ «ИК № 2» управления ДИН МВД по Могилевской области, ИУ «ВК № 2» управления ДИН МВД по Могилевской области). Вопросом, требующим совершенствования в сфере получения осужденными высшего образования, является внедрение современных информационных технологий, без которых затруднительно создавать и использовать новые знания и навыки. В данном аспекте О.А. Шаков справедливо подчеркивает, что организация и реализация обучения осужденных в ИУ невозможны без использования компьютерных и мультимедийных средств обучения [4, с. 99].

В связи с этим центры дистанционного обучения необходимо оснащать современной компьютерной техникой, позволяющей получать и всесторонне использовать новые знания и навыки, что требует соответствующего финансирования. Данный вопрос можно решить при помощи взаимодействия наблюдательных комиссий при областных, районных, городских исполнительных комитетах, местных администрациях с учреждениями образования и работодателями, заинтересованными в приеме на работу осужденных после освобождения.

При рассмотрении путей эффективности оказания правового воздействия на осужденных к лишению свободы на определенный срок следует также рассмотреть участие общественных организаций в процессе воспитательной работы.

В рамках воспитательной работы ИУ на постоянной основе организуют встречи с такими общественными организациями, как Белорусская православная церковь, Белорусское Общество Красного Креста, Республиканское общественное объединение «Центральная служба анонимных алкоголиков», Республиканское общественное объединение «Люди ПЛЮС», с целью общественного воздействия на осужденных по преодолению негативных черт личности (склонностей, зависимостей, привычек).

Следует отметить перспективность участия в таких встречах лиц, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Указанные лица оказывают наибольшее влияние на осужден-

ных, так как смогли преодолеть имевшиеся зависимости и на данный момент ведут правопослушный образ жизни, занимаются социально значимой деятельностью.

Ключевыми субъектами оказания правового воздействия на осужденных к лишению свободы на определенный срок являются начальники отрядов. Действующие нормативные правовые акты требуют от начальника отряда исполнения ряда функциональных обязанностей: от согласования управленческих решений с другими службами до решения многочисленных социальных и бытовых проблем осужденных.

Исследователи в области пенитенциарной психологии, А.И. Мокрецов, В.В. Голубев, А.В. Шамис, акцентируют внимание на том, что начальники отрядов, относясь к категории сотрудников ИУ, обязанных по роду своей деятельности находиться с осужденными в непосредственном контакте, наиболее подвержены личностным изменениям, в том числе профессиональной деформации [5]. Часто данное понятие связывают со снижением эффективности профессиональной деятельности, а также с изменениями человеческих качеств.

Для повышения профессионализма и компетентности начальников отрядов следует организовать взаимодействие сотрудников ИУ с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями.

Решение вопроса о повышении эффективности взаимодействия сотрудников ИУ с образовательными учреждениями позволит детально выработать обоснованную систему воспитательной работы с осужденными к лишению свободы на определенный срок. В данном аспекте целесообразно планирование мероприятий по научному обеспечению процесса воспитательной работы с осужденными совместно с территориальными органами уголовно-исполнительной системы, а также с образовательными учреждениями.

Таким образом, эффективность оказания правового воздействия на осужденных к лишению свободы на определенный срок напрямую связана с применением неюридического инструментария правового воздействия. Эффективное оказание правового воздействия способствует процессу исправления осужденного, качественному изменению его личности, при котором у него одновременно формируются положительные и устраняются отрицательные личностные свойства.

Список использованных источников

1. Пастушеня, А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция : монография / А.Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1998. – 207 с.

2. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. [и др.] : Питер, 2015. – 705 с.
3. Бандура, А. Теория социального научения : пер. с англ. / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 318 с.
4. Шаков, О.А. Проблемы и перспективы применения современных компьютерных средств в учреждениях уголовно-исполнительной системы в период реформирования (в направлении психологической, воспитательной и социальной работы с осужденными) / О.А. Шаков, А.А. Бабкин, Д.Ю. Крюкова // Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: современное состояние и перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 27–28 окт. 2011 г. : в 2 т. / Акад. Федер. службы исполн. наказаний России. – Рязань, 2011. – Т. 2. – С. 99.
5. Мокрецов, А.И. Рабочая книга пенитенциарного психолога : учеб. пособие / А.И. Мокрецов, В.П. Голубев, А.В. Шамис. – М. : Изд-во Гл. упр. исполн. наказаний МВД России, 1997. – 208 с.

УДК 347.189

Я.С. Нестерович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПСЕВДОНИМОВ (ВЫМЫШЛЕННЫХ ИМЕН) КАК СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Имя – самый распространенный институт гражданского права, равно как и право на него является одним из фундаментальных личных неимущественных прав всех граждан. История имен насчитывает не одно тысячелетие, ведь до сих пор достоверно установить время происхождения имен не представилось возможным. Всю сознательную историю своего существования люди, они же граждане, давали друг другу имена. Родители называли своих детей в честь предков, явлений, событий [1, с. 133]. Так, в соответствии со ст. 18 Гражданского кодекса (ГК) Республики Беларусь каждый гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию, собственное имя и отчество (если таковое имеется), если иное не вытекает из законодательства.

Вместе с тем диспозиция ст. 18 ГК Республики Беларусь вводит еще одну дефиницию, которая будто бы «осталась в тени» классического име-

ни – псевдоним (вымышленное имя). Но только ли в нашей стране, наряду с именем классическим, существует имя вымышленное? Что же из себя представляет псевдоним как средство индивидуализации участников правоотношений в гражданском законодательстве зарубежных стран? Каковы правовые аспекты его приобретения и использования? Насколько он получил распространение? Какова сфера его применения? Как осуществляется защита права на псевдоним? Именно поиском ответа на данные вопросы обуславливается актуальность и новизна данной статьи.

Изучение особенностей правового регулирования приобретения и использования псевдонимов (вымышленных имен) как средств индивидуализации участников гражданских правоотношений представляет особый интерес в условиях глобализации, развития международных коммуникаций и цифровизации общественных отношений. Разнообразие правовых систем, культурных традиций и подходов к регулированию псевдонимов позволяет выявить общие тенденции, особенности и проблемы, которые могут быть учтены в том числе и при совершенствовании законодательства нашей страны.

Наиболее близкой нам страной по уровню развития юридической мысли и техники является Российская Федерация (РФ). В соответствии со ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственное имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая [2]. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя). Само право на псевдоним рассматривается как элемент права на имя, т. е. личное неимущественное право.

Псевдоним (вымышленное имя) в РФ по своей сути представляет собой один из способов индивидуализации человека. Это может быть как творческий псевдоним, так и уменьшительно-ласкательное (семейное) имя, прозвище, сетевой ник и т. д., а сам псевдоним рассматривается как средство индивидуализации, обеспечивающее конфиденциальность.

Ст. 1265 ГК РФ признает право автора публиковать произведение под псевдонимом как часть личных неимущественных прав. Причины использования псевдонима роли не играют: важно только, чтобы автор самостоятельно решил опубликовать произведение под псевдонимом.

Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» также допускает использование псевдонимов журналистами и авторами публикаций [3].

Специальной процедуры регистрации псевдонимов в РФ не предусмотрено. Согласно ст. 19 ГК РФ гражданин вправе использовать псев-

доним в гражданских правоотношениях без формального закрепления. В творческой сфере псевдонимы указываются в договорах, публикациях или реестрах авторских обществ. Для предпринимательской деятельности псевдонимы могут быть зарегистрированы как товарные знаки.

Ст. 1483 ГК РФ устанавливает, что в качестве товарных знаков не могут быть зарегистрированы обозначения, тождественные имени, псевдониму или производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного в РФ на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника. Псевдоним не должен повторять имя другого лица.

С псевдонимом в том числе тесно связано и право авторства в РФ. Так, в соответствии со ст. 1265 ГК РФ право авторства подразумевает право признаваться автором произведения, право автора на имя, право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, т. е. анонимно. Данные права неотчуждаемы и непередаваемы, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от этих прав ничтожен.

При опубликовании произведения анонимно или под псевдонимом (за исключением случая, когда псевдоним автора не оставляет сомнения в его личности) издатель (п. 1 ст. 1287 ГК РФ), имя или наименование которого указано на произведении, при отсутствии доказательств иного считается представителем автора и в этом качестве имеет право защищать права автора и обеспечивать их осуществление. Это положение действует до тех пор, пока автор такого произведения не раскроет свою личность и не заявит о своем авторстве. Таким образом, возможность автора решать вопрос о том, под каким именем опубликовать произведение, гарантируется законом. Организации, использующие произведение, обязаны выпустить его под тем именем, которое назвал автор. При этом в договоре должны быть указаны действительное имя автора и сведения об избранном им псевдониме или об анонимном издании произведения.

В Украине вымышленное имя также является средством индивидуализации участника гражданских правоотношений, тогда как право на него относится к личным неимущественным правам. Псевдоним в соответствии со ст. 28 ГК Украины может быть использован вместо настоящего имени гражданина при осуществлении отдельных гражданских прав [4]. Правовая природа псевдонима связана с правом на имя и другими личными неимущественными правами, закрепленными в ст. 270 ГК Украины, включая честь, достоинство и деловую репутацию. При осуществлении предпринимательской деятельности псевдоним мо-

жет пересекаться с объектами интеллектуальной собственности, такими как торговые марки, правовое регулирование которых обеспечивается нормами гл. 44 ГК Украины.

Гражданское законодательство Украины не требует обязательной регистрации псевдонима в качестве средства индивидуализации, так как последний приобретается путем фактического использования в гражданском обороте. Кроме того, национальное законодательство допускает смену имени на псевдоним, однако в таком случае псевдоним перестает быть именем вымышленным и становится обычным именем в его классическом понимании.

Сходная ситуация наблюдается и в Республике Казахстан (РК). Так, в соответствии со ст. 15 ГК РК законодательством могут быть предусмотрены случаи анонимного приобретения гражданами прав и осуществления обязанностей или использования псевдонима (вымышленного имени) [5]. Подобно РФ и Украине, в РК не требуется официальной регистрации псевдонима (вымышленного имени) в качестве средства индивидуализации, достаточно просто его фактического использования.

В других странах романо-германской правовой семьи, например в Федеративной Республике Германия (ФРГ), псевдоним традиционно связывается с личными неимущественными правами. Так, в ФРГ, согласно § 12 Гражданского уложения, лицо, чье право на имя нарушено посредством неправомерного использования, вправе требовать прекращения такого нарушения [6]. Использование псевдонимов как средств индивидуализации участников гражданских правоотношений допускается, особенно в творческой сфере, и защищается в рамках общих норм о личности и интеллектуальной собственности, хотя их приобретение прямо не регулируется и не требует регистрации. Вымышленные имена могут быть задокументированы в договорах или публикациях, тогда как в коммерческой деятельности регистрируются как товарные знаки согласно Закону ФРГ о товарных знаках [7].

Ст. 57 ГК Французской Республики закрепляет имя гражданина как объект правовой охраны, а псевдоним признается в контексте авторского права и защиты персональных данных [8]. Как таковой регистрации псевдонимов во Франции не требуется. При опубликовании произведений, являющихся объектами авторского или смежных прав, допускается использование вымышленных имен, а защита соответствующих прав, если личность автора не раскрыта и его настоящее имя неизвестно, обеспечивается издателем.

В странах англосаксонской правовой семьи, таких как Великобритания и США, подход к псевдониму определяется прецедентным пра-

вом. В Великобритании, согласно Закону об авторском праве, дизайне и патентах 1988 г., автор вправе использовать псевдоним при обнаружении произведения [9]. Псевдонимы, ассоциируемые с конкретным лицом, могут охраняться как товарные знаки. В США псевдонимы популярны в индустрии развлечений и бизнесе. Федеральный закон о товарных знаках 1946 г. позволяет регистрировать псевдонимы как товарные знаки, если они обладают различительной способностью [10]. Среди ярких примеров таковых – «Мадонна» или «Леди Гага».

В Великобритании и США псевдонимы принимаются без формальной регистрации, но для целей предпринимательской деятельности регистрируются в уполномоченных государственных органах в качестве товарных знаков.

Что касается сферы применения вымышленных имен, то это, как было отмечено ранее, связано, как правило, только с авторским и смежными правами либо с осуществлением предпринимательской деятельности, однако в последнем варианте речь идет в том числе и об имущественных правах, где практика сводится к использованию товарных знаков.

В странах СНГ в уголовном процессе, согласно ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса РФ и ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса Украины, псевдонимы могут применяться для защиты свидетелей и потерпевших, обеспечивая их безопасность и конфиденциальность для достижения всех целей уголовного процесса [11, 12].

Проведенный сравнительно-правовой анализ норм гражданского законодательства зарубежных стран позволяет выявить общие для всех стран проблемы правового регулирования искомых отношений:

1. Наиболее значимой из таковых является отсутствие обязательной процедуры регистрации псевдонимов. С одной стороны, это значительно упрощает их приобретение и использование в гражданских правоотношениях, однако с другой – является главным препятствием при идентификации и аутентификации участника правоотношений. Так, если гражданин уже использует псевдоним, однако не зарегистрировал его в установленном порядке, он может столкнуться с целым рядом трудностей в вопросе подтверждения своей личности, поскольку у него отсутствуют какие-либо официальные документы, подтверждающие регистрацию его вымышленного имени, а также то, что именно он осуществлял какие-либо значимые юридические действия (например, при заключении гражданско-правовых договоров использовал в качестве реквизита вымышленное имя).

В некоторых странах законодательно урегулирована процедура смены имени либо фамилии в соответствии с используемым псевдонимом,

однако суть проблемы несколько иная – в вышеописанном случае псевдоним как таковой перестает быть именем вымышленным и становится именем личным, что априори является противоположным дефиниции псевдонима, тогда как вопрос заключается в том, чтобы использовать псевдоним наряду с личным именем в определенных случаях при соответствующей необходимости.

2. В качестве альтернативы использования вымышленных имен предлагается их употребление в качестве товарных знаков и знаков обслуживания с учетом особенностей их правового регулирования законодательством об интеллектуальной собственности.

3. Отсутствие надлежащего законодательного регулирования отношений в цифровой среде является еще одной выявленной проблемой. На сегодня активно развиваются информационно-коммуникационные технологии, происходит глобальная цифровизация населения, следствием чего является смещение вектора личного общения из пространства «реального» в пространство «цифровое» – различные мессенджеры, форумы, чаты, социальные сети, которые находятся в глобальной компьютерной сети Интернет. Большинство пользователей так или иначе стремятся к анонимности и конфиденциальности при общении, особенно если в результате дискуссий затрагиваются какие-либо общественно-социальные вопросы и «лбами» сталкиваются друг с другом субъекты с противоположным мнением.

Ввиду несовершенства правового регулирования правоотношений в данном цифровом пространстве нередко встречаются угрозы, запугивания, оскорбления и другое негативное воздействие на граждан, которые отстаивают свою точку зрения в противовес чьей-то, в свете чего данные граждане видят предпочтительным сокрытие своих реальных персональных данных и использование вымышленных («никнеймы», «юзернеймы», сетевые имена и др.). Исходя из своей сути, данные имена являются придуманными, ненастоящими, т. е. вымышленными, что означает использование псевдонимов. Это приводит к тому, что любой гражданин может использовать случайную комбинацию букв, которая даст совпадение с псевдонимом, используемым кем-то из граждан. Единственным из препятствий в описанном казусе на данный момент может являться лишь техническое ограничение интернет-ресурса возможности использовать уже ранее зарегистрированное гражданином вымышленное имя.

Таким образом, отсутствие законодательной процедуры регистрации создает риски дублирования и неправомерного использования псевдонимов. Подходы законодательства рассматриваемых стран подчерки-

вают необходимость баланса между свободой использования псевдонимов и их правовой охраной. В вопросе правового регулирования использования псевдонима (вымышленного имени) в правоотношениях сегодня необходим комплексный подход, включающий правовые, организационные и технологические меры. В частности, необходимо совершенствовать законодательство и правоприменительную практику в области защиты права на использование псевдонима и разработать эффективные механизмы защиты в цифровой среде.

Полагаем, что фундаментом для совершенствования законодательства, регулирующего гражданские правоотношения, целесообразно считать концепцию создания автоматизированной информационной системы «Средства индивидуализации личности. Псевдонимы» [13, с. 82]. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос об унификации норм гражданского законодательства в рамках межгосударственных объединений, таких как СНГ, например, через модельные акты, которые ввиду практического сходства гражданского законодательства в области использования псевдонимов способствовали бы гармонизации правового регулирования. Это позволит устранить пробелы, обеспечив баланс между конфиденциальностью, защитой прав и общественной безопасностью.

Список использованных источников

1. Нестерович, Я.С. Имя гражданина как средство индивидуализации участников гражданских правоотношений: становление и развитие правового регулирования / Я.С. Нестерович // Курсантский вестник : сб. науч. ст. обучающихся / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2024. – Вып. 9. – С. 133.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 8 авг. 2024 г. № 237-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 27.04.2025).
3. О средствах массовой информации : Закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 : в ред. от 23 нояб. 2024 г. № 411-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 27.04.2025).
4. Гражданский кодекс Украины : 16 янв. 2003 г. № 435-IV : в ред. от 12 марта 2025 г. // Континент : информ. система (дата обращения: 30.04.2025).
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) : принят Верхов. Советом Респ. Казахстан 27 дек. 1994 г. : в ред. от 1 сент. 2024 г. // Континент : информ. система (дата обращения: 05.05.2025).
6. German Civil Code // Federal Ministry of Justice. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/index.html (date of access: 10.05.2025).
7. Act on the Protection of Trade Marks and other Signs // Federal Ministry of Justice. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_markeng/index.html (date of access: 10.05.2025).

8. Code civil : version consolidée au 14 mai 2025 // Legifrance : le service publ. de la diffusion du droit. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721 (date of access: 18.05.2025).

9. Copyright, Designs and Patents Act 1988 // The official home of UK Legislation. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (date of access: 20.05.2025).

10. Lanham Trade-Mark Act // Federal Trade Commission. – URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/statutes/lanham-trade-mark-act> (date of access: 21.05.2025).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 21 апр. 2025 г. № 101-ФЗ // Консультант-Плюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 27.05.2025).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Украины : 13 апр. 2012 г. № 4651-VI : в ред. от 4 дек. 2024 г. // Континент : информ. система (дата обращения: 27.05.2025).

13. Паращенко, В.В. Псевдоним (вымышленное имя) как средство индивидуализации личности в публично-правовых и частно-правовых отношениях: теоретико-прикладные проблемы правового регулирования / В.В. Паращенко, Я.С. Нестерович // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 2. – С. 82.

УДК 343

Н.А. Осипова, выпускница факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.А. Шаматуйский*

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ
ПО МАТЕРИАЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 371¹, 371²
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», а также в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2024 г. № 48 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы» вопросам противодействия незаконной миграции уделяется пристальное внимание руководства Министерства внутренних дел, Государственного пограничного комитета Республи-

ки Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь [1, с. 39–41]. Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь регламентировано Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» и иными законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

В содержание деятельности органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела входит установление наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ст. 371¹ «Организация незаконной миграции» и ст. 371² «Нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а именно выявление следующих обстоятельств:

- конкретный механизм прибытия иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Республики Беларусь (время, место, обстоятельства пересечения Государственной границы Республики Беларусь), а также наличие данных, подтверждающих незаконный въезд на территорию Республики Беларусь (отсутствие либо наличие документов, необходимых для пересечения границы);

- установление факторов, способствующих незаконному транзитному проезду через территорию Республики Беларусь (время и место въезда, причины отсутствия необходимых документов, время и место выезда в предполагаемую страну назначения);

- установление обстоятельств, способствующих незаконному пребыванию иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Республики Беларусь (проживание, трудоустройство, финансирование) [2, с. 111–113].

Анализ ситуации, связанной с преступлениями, предусмотренными ст. 371¹, 371² УК, свидетельствует о значительном сокращении в Республике Беларусь в 2024 г. количества уголовных дел, предварительное расследование по которым окончено, в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. по ст. 371¹ УК – 32 %, ст. 371² УК – 22,8 %. Несмотря на невысокую статистическую распространенность в стране данной категории преступлений, в настоящее время возникают проблемные моменты, понижающие эффективность противодействия общественно опасным деяниям. Рассмотрим их более подробно.

1. Выявление преступлений, предусмотренных ст. 371¹, 371² УК, напрямую зависит от интенсивности и эффективности комплекса мероприятий, проводимых органами дознания по обнаружению подозреваемых.

2. Проблемы, связанные с доказыванием признаков преступлений, предусмотренных ст. 371¹, 371² УК, при проведении проверки по материалам, а именно одним из важнейших обстоятельств, подлежащих установлению на стадии возбуждения уголовного дела, является доказывание умысла [3, с. 367–371], в частности по ст. 371¹ УК – на осуществление организации, руководства либо содействия незаконной миграции, а по ст. 371² УК – на возвращение нарушителя в Республику Беларусь после его депортации либо высылки с территории Республики Беларусь.

По ст. 371² УК также возникают трудности при доказывании факта выезда за пределы Республики Беларусь иностранного гражданина в случае добровольной депортации либо высылки как необходимого условия для наступления уголовной ответственности.

Для установления указанных обстоятельств органам дознания целесообразно использовать весь спектр предоставляемых уголовно-процессуальным законом возможностей:

- получение объяснения у всех возможных свидетелей общественно опасного деяния (лиц, задержавших правонарушителя, сотрудников Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, лиц, с которыми нарушитель контактировал, и др.);

- осмотр предметов и документов, изъятых в результате личного обыска при задержании нарушителя. Органам дознания следует обращать внимание на наличие (отсутствие) документов, удостоверяющих личность, проездных билетов и посадочных талонов, подтверждающих перемещение соответствующим видом транспорта, и др. Особо тщательному осмотру подлежит мобильное устройство, как источник значимой информации, представляющий интерес для правильного разрешения материала проверки [3, с. 367–371].

3. Одним из вопросов, понижающих эффективность взаимодействия между органами дознания и Следственным комитетом при передаче материалов проверки для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, является подтверждение факта пересечения иностранными гражданами, в отношении которых приняты решения о депортации либо высылке с территории Республики Беларусь, Государственной границы на белорусско-российском участке. При передаче материалов проверки представители Следственного комитета не всегда имеют «правильное» представление о Государственной границе на указанном участке, требуя при этом наличие некоторых документов, содержание которых не способствует установлению признаков преступления,

в частности акт передачи иностранного гражданина правоохранительным органам сопредельного государства, который в настоящее время не предусмотрен ведомственными нормативными правовыми актами Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Уголовная ответственность по ст. 371² УК наступает в случае, когда лицо, будучи депортированным или высланным из Республики Беларусь, вновь до истечения срока запрета въезда незаконно пересекло Государственную границу Республики Беларусь на участке, где не установлен соответствующий правовой режим ее охраны, согласно Закону Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь», и пребывает на ее территории [4, с. 828].

Так, 11 января 2025 г. вступило в силу Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств-участников Договора о создании Союзного государства (далее – Соглашение). В Республике Беларусь оно ратифицировано Законом № 57-З, в Российской Федерации – Федеральным законом от 27 января 2023 г. № 2-ФЗ. Одной из целей заключения Соглашения явилось стремление Республики Беларусь и Российской Федерации урегулировать порядок пересечения иностранными гражданами и лицами без гражданства совместной границы государств-участников Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.

Принятие Соглашения и его вступление в силу повлекло существенные изменения в административно-правовом режиме Государственной границы Республики Беларусь, ранее сложившемся на белорусско-российском участке со стороны Республики Беларусь, где:

- до настоящего времени не проведены делимитация и демаркация, в связи с чем Государственная граница Республики Беларусь с Российской Федерацией на местности не обозначена;

- не был определен порядок пересечения государственной границы;

- отсутствуют пункты пропуска, где осуществляется пограничный и, при необходимости, иные виды контроля;

на прилегающей к границе территории не введена пограничная зона (пограничная полоса) [5].

Согласно приложению к Соглашению к путям автомобильного сообщения, через которые иностранные граждане и лица без гражданства въезжают на территорию каждого из государств сторон и выезжают с этой территории, относят:

Республика Беларусь	Участок пути автомобильного сообщения	Российская Федерация
Витебская область	Юховичи – Долосцы (А-117 Опочка – Новополоцк)	Псковская область
	Езерище – Невель (М-20 Киев – Санкт-Петербург)	
	Лиозно – Кругловка (А-141 Витебск – Смоленск)	Смоленская область
	Редьки Красная Горка (М-1 Минск – Москва)	
Могилевская область	Звенчатка – Дубовичка (А-101 Бобруйск – Москва)	
Гомельская область	Селище – Новозыбков (М-13 Гомель – Брянск)	Брянская область

До заключения соответствующих международных договоров границе Республики Беларусь с Российской Федерацией придан статус Государственной границы Республики Беларусь (п. 1 постановления Верховного Совета № 2379-ХІІ). Административно-территориальные единицы Республики Беларусь, прилегающие к государственной границе с Российской Федерацией, включены в приграничную территорию согласно п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 9 марта 2009 г. № 125 «О некоторых вопросах охраны Государственной границы Республики Беларусь».

Из этого следует, что иностранные граждане и лица без гражданства, пересекающие государственную границу на белорусско-российском участке вне установленных мест, указанных в Соглашении, нарушают установленный порядок ее пересечения. При выявлении таких деяний и с учетом вышеуказанных особенностей функционирования данного участка государственной границы действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 24.20 «Нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Что касается Российской Федерации, то со второй половины 2016 г. она осуществляет пропуск граждан в Российскую Федерацию из Республики Беларусь через установленные контрольные посты при наличии действительных документов, в том числе в случае необходимости российской визы. Нарушение указанного порядка влечет ответственность иностранных граждан либо лиц без гражданства по ч. 2 ст. 18.1 «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации

либо правил въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Кроме того, на границе Смоленской, Псковской и Брянской областей с Республикой Беларусь установлена пограничная зона.

По общему правилу, изложенному в ст. 17 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», при въезде (проходе) в пограничную зону лица обязаны иметь при себе документы, удостоверяющие личность, и индивидуальные либо коллективные пропуска, выдаваемые органами пограничной службы. Что касается граждан Республики Беларусь, что следуют в пограничную зону, установленную вдоль российско-белорусского участка государственной границы на территории Российской Федерации, только по документам, удостоверяющим личность, то невыполнение указанных требований влечет административную ответственность по ст. 18.2 «Нарушение пограничного режима в пограничной зоне» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5].

Таким образом, ввиду того, что белорусско-российский участок государственной границы не делимитаризован и не демаркирован, не совсем ясно, каким образом должна быть исполнена депортация либо высылка иностранных граждан на территорию Российской Федерации, в данном случае представляется целесообразным доставление иностранных граждан именно в наземные пункты пропуска, расположенные на автомобильных путях сообщения, указанных в Соглашении, и их передача правоохранительным органам Российской Федерации.

Обозначенные проблемы при проведении проверки по материалам о преступлениях, предусмотренных ст. 371¹, 371² УК, могут быть устранены несколькими путями:

- подготовка межведомственных методических рекомендаций, направленных на повышение эффективности доследственной проверки о преступлениях рассматриваемого вида;

- разработка «межведомственной инструкции», которая бы предусмотрела уголовно-процессуальные, криминалистические и организационно-управленческие аспекты проведения проверки и последующей передачи материалов для принятия решения о возбуждении уголовного дела [3, с. 367–371];

- определение порядка передачи иностранных граждан на белорусско-российском участке государственной границы, в отношении которых приняты решения о депортации либо высылке с территории Республики Беларусь на межправительственном уровне, для устранения противоречий по факту пересечения государственной границы иностранными гражданами.

Таким образом, совершенствование работы по предупреждению незаконной миграции в настоящее время остается одним из приоритетных направлений для Республики Беларусь в сфере борьбы с преступностью. Проявления незаконной миграции, способные оказать негативное влияние на экономику страны, угрожающее здоровью населения, вызывает у граждан стремление требовать их уголовной наказуемости. В то же время осуждение лиц, совершивших преступления в сфере миграции, способно побудить их к правовому поведению, к прекращению либо несовершению актов преступного поведения, и, следовательно, способно выполнять функцию предупреждения преступности.

Список использованных источников

1. Казаков, А.В. Незаконная миграция как первоочередная проблема пограничной безопасности Республики Беларусь / А.В. Казаков, А.С. Тарас // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : респ. науч.-практ. конф. (Минск, 2 июня 2017 г.) : тез. докл. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2017. – С. 39–41.
2. Андреянченко, Д.В. Доследственная проверка в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции. Обстоятельства, подлежащие доказыванию / Д.В. Андреянченко // Философия права. – 2015. – № 3. – С. 111–113.
3. Информационный бюллетень Следственного комитета Республики Беларусь. – 2020. – № 1 : Расследование преступлений в сфере таможенного и пограничного контроля. – 469 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
5. Что изменилось в пересечении границы Беларуси и России с 11.01.2025 // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 20.05.2025).

УДК 341.3

И.А. Прокопович, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – *О.А. Дементей*

О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ

В современную эпоху глобализации общественных отношений характер их развития между государствами и иными субъектами междуна-

родного права играет ключевую роль в установлении мирового порядка и всеобщей безопасности. Это обусловлено еще и тем, что международное право, помимо указанной роли, охватывает широкий спектр вопросов: права человека, международная торговля, экология и защита окружающей среды, а также право войны и мирного разрешения конфликтов.

Важным фактором стабильного и эффективного функционирования международного права является добросовестное поддержание международных отношений государств и иных субъектов международного права, которые используют свои политические силы и возможности в рамках международных норм.

В настоящее время актуальным является вопрос об обеспечении безопасности и урегулировании международных споров с использованием мирных средств в условиях поддержания современных международных отношений. В этой связи создаются определенные механизмы, направленные на обеспечение мира и коллективной безопасности как на универсальной основе (например, Организация Объединенных Наций (ООН)), так и на региональной (например, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и т. п.). Для успешного функционирования этой системы безопасности существует ряд международных договоров, в которых закреплены нормы о разоружении, о неприменении силы, о запрете испытаний оружия массового уничтожения, также нормы, которые устанавливают безъядерный и ненасильственный мир.

Однако государства, в соответствии со своим суверенитетом, имеют право проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику по своему усмотрению. При этом такая политика не всегда соответствует требованиям международного права. На данные случаи международным сообществом выработаны специальные средства принуждения такого государства к соблюдению норм международного права.

В целом институт принуждения предполагает собой особый механизм, направленный на недопущение совершения недружественных или противоправных действий со стороны другого государства, и представленный реторсиями, санкциями и контрмерами. Среди указанных средств особое внимание, по нашему мнению, следует уделить санкциям, которые имеют различные интерпретации и, соответственно, кардинально разные способы их реализации в современных международных отношениях.

Так, на сегодня существует проблема применения «односторонних санкций», которые еще трактуются как односторонние принудительные меры и имеют другую правовую природу, в отличие от санкций в классическом своем понимании.

Если обратиться к трудам Е.Ф. Довгань, то под **санкциями** она понимает «принудительные меры, принимаемые в соответствии с учредитель-

ными документами какой-либо международной организации, особенно на основании гл. VII Устава ООН, т. е. это принудительные меры, принимаемые международными организациями против государств-членов в связи с нарушением права этих международных организаций, а также СБ (Совет Безопасности) ООН на основании гл. VII Устава ООН. Санкции не должны носить характер наказания, а должны применяться в целях побуждения выполнения международного обязательства» [1, с. 398].

Очевидно, что государства и международные организации, прибегая к санкциям, преследуют исключительно свои политические цели. Государства и международные организации, стремясь, тем или иным образом, повлиять друг на друга, ни при каких обстоятельствах не хотят признавать, что применяемые ими средства давления выходят за рамки международного права и всячески пытаются обосновать их правомерность.

Также главным оправданием введения односторонних санкций является то, что они вводятся государствами в пределах их суверенных полномочий или международными организациями в пределах своей компетенции. Нужно также учитывать, что санкции не имеют экстерриториального эффекта и приводят к юридическим последствиям только в пределах юрисдикции вводящего их государства. При этом использование экстерриториальных односторонних санкций противоречит одному из основополагающих принципов международного права – принципу невмешательства во внутренние дела государств. Еще одно важное замечание приводят Д.С. Боклан и В.В. Коваль в качестве вывода о том, что односторонние санкции не удовлетворяют совокупным критериям легитимной контрмеры: они не эквивалентны санкциям СБ ООН, так как при их применении отсутствует система «сдержек и противовесов» в виде определения степени угрозы миру и безопасности и учета гуманитарных исключений [2, с. 6–23].

Определенный интерес вызывают цели Устава ООН, а именно ст. 1, где прописан определенный перечень целей, таких как:

1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;
2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира;
3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гу-

манитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, и

4. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей [3].

Для достижения этих целей ООН действует в соответствии с определенными принципами, которые прописаны в ст. 2 ее Устава:

- суверенное равенство Членов ООН;
- добросовестное выполнение обязательств по Уставу ООН;
- разрешение международных споров мирными средствами;
- отказ от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости или каким-либо способом, несовместимым с целями Устава ООН;
- невмешательство во внутренние дела государств;
- обеспечить, чтобы все государства, которые не являются Членами ООН, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности [3].

Принципы, которые дополняют цели ООН, не являются исчерпывающими. Кроме принципов, прописанных в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права (1970 г.), также были добавлены еще три принципа в Заключительном акте Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, такие как:

- нерушимость границ;
- территориальная целостность государств;
- уважение прав человека [4, с. 19].

Исходя из этого, можно сказать, что Устав ООН, без каких-либо притеснений, возлагает юридическое обязательство на соблюдение вышеперечисленных принципов.

Но научное осмысление проблематики данной темы также вызывает ряд противоречий. Как отмечает Е.Ф. Довгань, так называемые целевые санкции, которые существуют в настоящий период, по своей форме нарушают широкий перечень закрепленных в международном праве прав человека: «Так, запрет до пуска на территорию признается нарушающим свободу передвижения (Европейская конвенция прав и основных свобод человека 1950 года (далее – ЕКПЧ), ст. 2; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (далее – МПГПП), ст. 12), право на неприкосновенность личной и семейной жизни (МПГПП, ст. 17; ЕКПЧ, ст. 8), право на жизнь в случае отказа в допуске на территорию по медицинским показаниям (МПГПП, ст. 6; ЕКПЧ, ст. 2). Финансовые санкции рассматриваются как нарушающие право

на личную и семейную жизнь, право на имущество (ЕКПЧ, ст. 8; Протокол 4 к ЕКПЧ, ст. 1; Доклад специального докладчика по поощрению и защите прав человека в рамках борьбы с терроризмом (A/HRC/4/26), 29.01.2007, пп. 38–41)» [5, с. 126–127].

Стоит еще раз обобщить, что практика «односторонних санкций» весьма неоднозначна, и вопрос о правомерности их применения в доктрине международного права исследован недостаточно. В современных условиях единственным законным средством принуждения государства являются санкции, одобренные СБ ООН. Решения СБ ООН обладают высшей легитимностью в международной правовой системе. Основным документом, на основании которого могут быть введены санкции, является Устав ООН. Согласно п. 7 ст. 2 Устава ООН самой Организации запрещено «вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Однако в настоящий период вопросы, касающиеся прав и свобод человека, вышли за пределы государственных границ и стали предметом международного внимания. Положение п. 7 ст. 2 Устава ООН имеет и продолжение, которое предписывает определенные исключения. Она же позволяет, в свою очередь, ООН вмешиваться во внутренние конфликты, которые создают реальную угрозу международному миру. Только в таком случае СБ ООН имеет право ссылаться на гл. VII Устава ООН и применять принудительные меры [3].

Тем не менее, когда речь идет о применении односторонних санкций, то главной особенностью является наличие или отсутствие разрешения СБ ООН. Однако «*de facto*» односторонние санкции, вводимые такими крупными государствами и субъектами международного права, как США или Европейский союз (ЕС), могут быть сравнимы по политическим и экономическим последствиям с санкциями СБ ООН. Это означает, что если односторонние санкции введены в отсутствие санкций СБ ООН или их объем выше санкций СБ ООН, то это может отрицательно повлиять на усилия СБ ООН по поддержанию мира и безопасности. Следует иметь в виду, что односторонние санкции могут негативно сказываться на третьих государствах, о чем ведет речь К. Геворгян: «Кроме того, такие санкции влекут негативные последствия и для третьих государств: правомерное (с точки зрения санкций СБ) сотрудничество третьих государств и их юридических лиц со страной, подвергающейся санкциям, может оказаться неправомерным с точки зрения «односторонних санкций», и если это сотрудничество осуществляется в той или иной мере через посредство государства, вводящего «односторонние санкции» (перевозка товаров через его территорию, перевод средств через его банки и т. д.), оно может оказаться под угрозой» [6].

С учетом анализа международной практики можно отметить, что проблемы, вызванные введением односторонних санкций, не остаются бесследными и затрагивают важные сферы человеческой жизни. Так, по мнению Е.Ф. Довгань, односторонние санкции негативно сказываются на проблеме беженцев в международном праве [7, с. 33]. Еще одной проблемой является отказ доноров в оказании гуманитарной помощи тем странам, в отношении которых государством этого донора были применены санкции, что приводит к страху этого донора быть подвергнутым наказанию за оказание гуманитарной помощи. Это приводит к тому, что гуманитарные организации вынуждены поставлять и предоставлять меньший объем средств для оказания помощи [7, с. 44]. Политика учреждения банковской системы также негативно влияет на деятельность гуманитарных организаций. Это выражается в замораживании счетов не только этих организаций, но и их сотрудников за совершение финансовых переводов или за иные операционные действия с целью оказания гуманитарной помощи в государства, в отношении которых введены санкции. Также в этом случае усложняется сам процесс банковского перевода, повышаются затраты при его осуществлении через посредников, а также время получения для конечного адресата, что существенно усугубляет участь лиц, которым эта помощь направляется. По мнению Е.Ф. Довгань, возникают трудности и с выплатой и перечислением заработной платы лицам, которые работают на местах в тех странах, в отношении которых были введены санкции, не учитывая тот факт, что эти лица являются сотрудниками данных гуманитарных организаций [7, с. 29–30; с. 43–44].

В заключение отметим, что введение односторонних санкций является одной из тех мер, которые по своим последствиям могут быть сопоставимы с последствиями вооруженных конфликтов. Односторонние санкции, вводимые США и ЕС, могут быть сравнимы по политическим и экономическим последствиям с санкциями СБ ООН. Большая часть их санкционных мер, по сути, нарушает нормы международного права, в частности, они влияют на права человека в гуманитарной сфере, начиная от продовольственной, медицинской, образовательной и трудовой, заканчивая миграционной сферой.

Проблемы, которые возникают из-за нарушения принципа недискриминации, не дают в полной мере осуществлять гуманитарную деятельность соответствующих организаций. Деятельность гуманитарных организаций никак не связана с политикой, основная цель – помочь людям, пострадавшим от вооруженного конфликта, достижение которой становится сложнее по причине введенных односторонних санкций. Также деструктивный характер имеет и принцип неизбирательности односторонних санкций, который приводит к негативным последствиям

относительно всего населения государства. Поэтому очень важно проводить гуманитарную оценку, обсуждение норм международного права и использовать определенные механизмы международного права в качестве инструмента для кооперации международного сотрудничества на уровне ООН.

Список использованных источников

1. Международное публичное право. Общая часть : учеб. пособие / Е.Ф. Довгань [и др.] ; под ред. Е.Ф. Довгань. – Минск : БГУ, 2023. – 463 с.
2. Боклан, Д.С. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования / Д.С. Боклан, В.В. Коваль // Московский журнал международного права. – 2024. – № 1. – С. 6–23. – URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/2778> (дата обращения: 28.05.2025).
3. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text/> (дата обращения: 28.05.2025).
4. Международное право : учеб. пособие / Н.Н. Меньшенина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2016. – 100 с.
5. Довгань, Е.Ф. Механизмы защиты прав человека в случае введения односторонних принудительных мер в деятельности специальных механизмов Совета ООН по правам человека / Е.Ф. Довгань // Право.by. – 2017. – № 5. – С. 126–127.
6. Геворгян, К. «Односторонние санкции» и международное право: обращение к читателям журнала «Международная жизнь» / К. Геворгян // Международная жизнь. – 2012. – № 8. – URL: interaffairs.ru/jauthor/720 (дата обращения: 28.05.2025).
7. Довгань, Е.Ф. Односторонние принудительные меры, МГП и беспристрастная гуманитарная деятельность: интервью с Еленой Довгань / Е.Ф. Довгань // Международный журнал Красного Креста. – 2021. – № 916-917. – С. 29–44.

УДК 343.2

К.А. Русецкий, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.А. Реутская*

АНАЛИЗ СУЩНОСТИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ЦЕЛИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Наказание в виде лишения свободы на определенный срок является одним из наиболее обсуждаемых видов наказаний, оставаясь клю-

чевым инструментом в системе наказаний большинства стран. Однако в современном обществе, стремящемся к гуманизации правоприменительной практики, изучение и переоценка роли данного вида наказания приобретает особую актуальность. Глубокий анализ этого вида наказания, его роли, проблем и перспектив назначения является необходимым для улучшения системы уголовной юстиции, повышения эффективности профилактики преступлений и защиты прав человека. С учетом современных вызовов особую актуальность приобретает поиск баланса между необходимостью обеспечения безопасности общества и соблюдением базовых принципов уголовного права.

Наказания, связанные с изоляцией от общества, являются одним из важнейших элементов уголовного права. Несмотря на развитие различных альтернативных видов наказаний, именно изоляция от общества остается одним из наиболее распространенных средств борьбы с преступностью. Наказания, связанные с лишением свободы, исторически воспринимаются как основной способ защиты общества от преступников, и преследуют определенные цели, нашедшие свое отражение в ст. 44 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь. Так, целями уголовной ответственности и наказания являются: исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами, а также восстановление социальной справедливости.

Наказания, связанные с изоляцией от общества, в свою очередь, преследуют несколько ключевых целей. Во-первых, это цель предупредительного характера, которая заключается в принудительной изоляции преступника от общества и предупреждения совершения им новых преступлений [1, с. 49]. Цель исправления, в свою очередь, направлена на непосредственную нейтрализацию негативных качеств в личности осужденного и одновременное формирование положительных черт и привычек с последующей реинтеграцией осужденного в общество. Важно отметить и принудительный аспект, который заставляет осужденного осознать последствия своих действий и нести ответственность за их совершение. Восстановление социальной справедливости как цель предполагает не только возмещение физического и морального вреда потерпевшим, но и полное исследование всех обстоятельств дела, вынесение справедливого приговора в отношении конкретного лица как итоговый результат [2, с. 112]. Несомненно, перед лишением свободы стоит первостепенная задача морального исправления и перевоспитания осужденного, а в случае невозможности его исправления и (или) перевоспитания – изоляции от общества в целях общепредупредительного

воздействия. Считаем важным в определении того или иного вида наказания приводить именно его цель, так как само определение должно носить не только информацию о сроках и тяжести преступлений, за которое оно может быть назначено, но и саму цель применения данного вида наказания, самой важной из которых является исправление лица, совершившего преступление.

В настоящее время в Республике Беларусь к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, относят арест, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы, которые закреплены в ст. 48 УК Республики Беларусь. Каждое из них имеет свои специфические особенности, порядок назначения и исполнения. В целом указанные наказания дублируют друг друга по характеру правоограничений, что может привести к ряду проблем, которые затрудняют как правоприменение, так и восприятие закона обществом. Современная система правосудия опирается на альтернативные наказания в целях эффективного реагирования на различные виды преступлений. Это разнообразие не является случайным и сформировано для достижения баланса между справедливостью, гуманностью и эффективностью воздействия на виновное лицо. Однако избыточное количество дублирующих наказаний говорит о недостатках в законодательной технике [3, с. 154]. Обозначенное свидетельствует о необходимости детального рассмотрения понятия и правовой природы наказаний, связанных с изоляцией от общества, обращаясь в первую очередь к лишению свободы.

Проанализировав различные взгляды ученых, их понимание и толкование понятия наказания в виде лишения свободы, можно условно разделить все точки зрения на три основных подхода.

В рамках первого подхода наказание в виде лишения свободы рассматривается как принудительная изоляция лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, от общества и помещение его в специальное учреждение. Так, А.Д. Чернов определяет, что «под лишением свободы понимается такой вид наказания, который предусматривает изоляцию осужденного от общества с обязательным помещением его в учреждение, исполняющее наказание, на указанный в приговоре срок» [4, л. 43]. Проанализировав приведенное понятие, мы можем сделать вывод, что оно принципиально не отличается от закрепленного в УК Республики Беларусь. Следующим признаком, который также выделяется в рамках первого подхода, является помещение осужденных в исправительное учреждение, так как именно этот признак играет ключевую роль в системе уголовного правосудия: исправительные учреждения обеспечивают изоляцию лиц, совершивших преступления, от общества; предостав-

ляют осужденным возможность для образования, профессионального обучения и психологической поддержки.

В рамках второго подхода лишение свободы рассматривается как мера государственного принуждения. Данного мнения придерживаются такие ученые, как Е.А. Марина, которая понимает лишение свободы как меру государственного принуждения: «лишение свободы – одна из мер государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, реализация которой осуществляется органами государства в принудительном порядке» [5, с. 16]. По мнению Е.А. Мариной, понятие лишения свободы на данном этапе не соответствует концепции развития уголовно-исполнительной системы, и в подтверждение автор указывает на тот факт, что в определении отсутствует такой признак, как «физическая изоляция», а, ввиду его отсутствия, мы можем подразумевать как физическую, так и духовную изоляцию осужденного. Сходное определение предлагает и Ф.М. Качаев [2, с. 110]. На наш взгляд, подобное понимание играет ключевую роль в системе уголовной юстиции по нескольким причинам: принуждение обеспечивает соблюдение закона, а лишение свободы выступает как инструмент правоприменительной системы для обеспечения соблюдения закона. Более того, демонстрация неотвратимости наказания, а именно применение лишения свободы на определенный срок и других наказаний, связанных с изоляцией от общества, показывает неотвратимость наказания за преступление. Следовательно, лишение свободы как мера государственного принуждения играет важную роль в поддержании законности и порядка в обществе и обеспечивает защиту граждан.

Обращаясь к третьему подходу, приведем определение В.А. Козначеева, который понимает лишение свободы «как самое суровое наказание, назначаемое по приговору суда, лицу, признанному виновным в совершении преступления» [6, с. 75]. Указанный автор также отмечает, что эффективность его применения, как и любого другого вида наказания, определяется достижением определенных целей, в нашем случае – это восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Е.Ю. Кокуш, в свою очередь, полагает, что лишение свободы на определенный срок занимает в системе наказаний важное место. Это один из наиболее строгих видов наказания, который оказывает существенное воздействие на человека, так как его объектом является личная свобода осужденного [7, с. 10]. В своей работе автор ориентирует на необходимость взвешенного, обдуманного подхода к применению данного наказания, с чем мы полностью согласны.

Изложенное позволяет сформулировать определение исследуемого понятия. Так, под лишением свободы следует понимать вид наказания, заключающийся в изоляции осужденного от общества с целью его исправления, путем содержания в условиях исправительного учреждения, сопровождаемое реабилитационными и образовательными программами, направленными на восстановление личности осужденного и его последующую успешную реинтеграцию в общество. Отметим, что обозначенные выше авторы определяют лишение свободы на определенный срок либо как одно из самых суровых наказаний, либо как самое суровое наказание ввиду того, что лицо, осужденное к лишению свободы, лишается одного из самых важных конституционных прав – свободы, с чем нельзя не согласиться. Рассматриваемый вид наказания оправданно считается самым суровым по нескольким причинам: лишение свободы ведет к физической изоляции от общества, что лишает его свободы передвижения и возможностей вести обычную жизнь; условия содержания в исправительных учреждениях могут оказывать значительное психологическое давление на осужденного; лишение свободы влияет не только на самого осужденного, но и на его семью и социальное окружение; относительно длительные сроки заключения могут привести к утрате навыков, необходимых для нормальной жизни после освобождения; негативный настрой общества по отношению к людям, отбывавшим лишение свободы. Именно эти причины являются итогом отнесения лишения свободы к одному из самых суровых видов наказаний. Рассматривается оно как самое суровое и из-за своей комплексной природы, включающей физическую, психологическую, социальную изоляцию.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Наличие определенных целей того или иного вида наказания необходимо. Так, наказания имеют своей целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами, а также призваны способствовать восстановлению социальной справедливости.

2. Анализ определений понятия «лишение свободы» демонстрирует существование различных подходов, которые по-разному раскрывают сущность и признаки исследуемого вида наказания. Под лишением свободы следует понимать вид наказания, заключающийся в изоляции осужденного от общества с целью его исправления путем содержания в условиях исправительного учреждения, сопровождаемое реабилитационными и образовательными программами, направленными на восстановление личности осужденного и его последующую успешную реинтеграцию в общество.

Список использованных источников

1. Савин, А.А. Цели уголовного наказания / А.А. Савин // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 100-3. – С. 48–50.
2. Качаев, Ф.М. Лишение свободы на определенный срок и достижение им целей уголовного наказания / Ф.М. Качаев / Современные научные исследования: теория, методология, практика : сб. науч. ст. – Уфа, 2022. – С. 110–115.
3. Реутская, Е.А. О необходимости установления обозримых границ наказания в виде лишения свободы / Е.А. Реутская // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апр. 2015 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – С. 154.
4. Чернов, А.Д. Лишение свободы как вид уголовного наказания (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Чернов Александр Дмитриевич ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 1998. – 187 л.
5. Марина, Е.А. Лишение свободы на определенный срок: понятие, содержание, виды исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Марина Елена Андреевна ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2008. – 19 с.
6. Казначеев, В.А. Лишение свободы как вид наказания и элемент юридической ответственности / В.А. Казначеев, Н.А. Сураев / Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России. – Самара, 2020. – Вып. 8, ч. 2. – 89 с.
7. Кокош, Е.Ю. К вопросу о назначении осужденным к лишению свободы на определенный срок вида исправительного учреждения / Е.Ю. Кокош // Вестник студенческого научного общества «Донецкий национальный университет». – 2018. – Т. 4, № 10-2. – С. 10.

УДК 343.8

П.И. Сацук, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.Л. Боровик*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА И (ИЛИ) ИНСТРУМЕНТОВ

Одной из задач в современной криминологии, посвященной исследованию преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов, является изучение личности правонарушителя. Это обусловлено тем, что преступность представляет

собой сложное социальное явление, проявляющееся в девиантном поведении индивида, всестороннее объяснение которого возможно лишь на основе глубокого анализа совокупности характеристик, формирующих преступника как социальную личность [1, с. 3].

В научной литературе, посвященной исследованию личности преступника, представлены различные подходы к определению ее структуры. Обобщенный анализ существующих позиций позволяет выделить две основные научные концепции. Согласно первой из них, которую разделяют такие ученые, как С.Н. Абельцев, Ю.М. Антонян, Н.Т. Ведерников, К.Е. Игошев, А.С. Кривошеев, А.Н. Пастушеня и др., структура личности преступника определяется совокупностью его психологических и социальных характеристик. Представители второй концепции (И.И. Аминов, Ф.В. Глазырин, Н.Н. Демидов, В.А. Жбанков, А.М. Кустов, И.А. Макаренко, П.П. Цветков и др.) рассматривают личность преступника как комплексное образование, включающее не только социальные и психологические, но и биологические (морфологические, физические, анатомические) компоненты.

Анализ уголовных дел в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов, расследованных на территории Республики Беларусь, показывает, что в структуре личности преступника рассматриваемой категории наиболее значимыми с учетом обозначенного подхода являются уголовно-правовые, социально-демографические и нравственно-психологические характеристики личности лица.

Рассмотрим указанные характеристики более подробно.

Так, в уголовно-правовых характеристиках особого внимания заслуживает мотивация преступного поведения, которая, с одной стороны, раскрывает внутренние (психологические) причины конкретного преступления, связанные с процессом формирования мотива, а с другой – динамику развития преступного деяния от момента принятия решения действовать определенным образом до наступления общественно опасного последствия. К числу наиболее характерных особенностей лиц, совершающих рассматриваемые деяния, относятся специфические мотивы их преступного поведения, среди которых преобладает корысть, выражающаяся в стремлении к наживе, алчности, потребности в приобретении материальных благ и склонности к обеспечению легкого образа жизни.

Корыстная цель незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов выступает обязательным и, по сути, основополагающим признаком состава анализируемого преступления. Однако в ряде случаев она не является единственной побудительной силой преступного поведения. На наш взгляд, при совершении данного вида преступлений

может проявляться совокупность дополнительных мотивационных факторов. Научно обоснованной с психологической точки зрения является классификация мотивов преступного поведения, включающая такие разновидности, как мотивы самоутверждения, замещения, самооправдания, а также защитные и игровые мотивы. Эти формы мотивации могут существенно дополнять основную корыстную направленность, влияя на особенности реализации преступного замысла.

Наличие указанных дополнительных мотивов подтверждается материалами уголовных дел, возбужденных по ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Анализ этих материалов свидетельствует о том, что лицам, совершающим незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов, нередко присущи стремления, выходящие за рамки исключительно корыстных побуждений. В частности, для них характерно желание утвердиться на социально-психологическом уровне – добиться признания и одобрения со стороны ближайшего окружения, а также на индивидуальном уровне – повысить собственную самооценку посредством противоправной деятельности.

Также характерными для лиц, совершающих хищения, являются мотивы самооправдания, проявляющиеся в отрицании собственной вины и отсутствии чувства раскаяния. Эти мотивы сопровождаются нейтрализацией или устранением внутренних нравственных запретов, что способствует снижению морального контроля при нарушении уголовно-правовых норм. В результате возникает субъективное ощущение внутреннего освобождения от ответственности за совершенное деяние, что, в свою очередь, формирует устойчивую установку на оправдание противоправного поведения.

Анализ практики расследования уголовных дел, проведенный автором, свидетельствует о том, что совершение незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов, как правило, не требует активных физических действий, что существенно отличает их от традиционных форм преступности. Вследствие этого киберпреступники часто не испытывают страха быть случайно обнаруженными или задержанными. Высокая предсказуемость последствий своих действий и низкий уровень неопределенности в ходе преступной деятельности позволяют таким субъектам не только заранее планировать противоправные действия, в том числе в неблагоприятных для них условиях, но и совершать преступления систематически, на протяжении длительного времени.

Приобретенные в процессе противоправной деятельности криминальные знания, умения и навыки позволяют киберпреступникам эффективно маскировать свои действия под легальную деятельность либо пол-

ностью скрывать их от правоохранительных органов. Это способствует затруднению выявления и расследования преступлений, а также активному противодействию оперативным и следственным мероприятиям.

Лица, совершающие преступления в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) платежных инструментов, как правило, действуют в составе законспирированных, высокоорганизованных преступных групп, обладающих четкой структурой и распределением ролей. Эти группы часто действуют в транснациональном масштабе, используя возможности глобальной сети Интернет для высокоскоростного обмена информацией, в том числе с применением ресурсов DarkNet – сегментов сети, подключенных к сети Интернет, но требующих специальных программных средств, алгоритмов и паролей доступа. Такой уровень технической оснащенности обеспечивает высокий уровень анонимности, оперативности и защищенности преступной коммуникации.

Рассмотрим более детально *социально-демографические характеристики*.

Возраст. Анализ эмпирических данных, полученных в ходе специальных исследований, позволяет выделить три основные возрастные группы компьютерных преступников: 11–15 лет, 17–25 лет и 30–45 лет. Первая категория характеризуется преимущественно мотивацией, связанной с любознательностью и стремлением к самоутверждению. Представители данной группы, как правило, совершают хищения путем получения доступа к реквизитам и PIN-кодам банковских платежных карточек, осуществляя взломы систем безопасности с целью самореализации.

Во вторую группу входят в основном студенты, чья преступная активность нередко продиктована желанием расширить свои знания и навыки, в том числе через несанкционированный доступ к различным информационным системам и базам данных, с последующим использованием полученной информации в преступных целях.

Третья возрастная группа включает в себя лиц, которые осознанно совершают компьютерные преступления, как правило, с корыстной целью, либо в интересах деструктивного воздействия на информационную инфраструктуру.

Однако отечественные исследователи подчеркивают, что указанная классификация имеет ограниченную применимость к постсоветскому пространству ввиду таких факторов, как недостаточная информатизация, низкий уровень доступа к специализированному образованию в области ИТ и ограниченные технические ресурсы населения. При этом в экспертной среде существует мнение, что у компьютерных преступников в принципе отсутствует четко выраженный верхний возрастной предел.

В частности, в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) платежных инструментов наибольшую долю составляют лица в возрасте от 30 лет и старше – 57,49 %. В возрастной группе от 18 до 29 лет зафиксировано 37,45 % правонарушений. Доля несовершеннолетних в 2023 г. составила 5,06 %, при этом количество преступлений, совершенных лицами в возрасте от 14 до 15 лет, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту – с 0,2 % в 2012 г. до 1,75 % в 2023 г.

Возраст и связанный с ним жизненный опыт служат важным фактором в успешной маскировке преступной деятельности. Зрелые преступники обладают более выраженными способностями к легализации противоправных действий, применяют тактики противодействия следствию (затягивание расследования, выдвижение сложно проверяемых версий, формулирование расплывчатых показаний, создание образа «жертвы обстоятельств»), что значительно осложняет процесс установления истины.

Анализ полового состава преступников, совершающих преступления в рассматриваемой сфере, показывает устойчивое доминирование мужчин, на долю которых приходится примерно две трети всех зарегистрированных преступлений. В 2023 г. доля женщин среди выявленных лиц составила 31,61 %, при этом существенных колебаний данного показателя в течение анализируемого периода не наблюдалось.

Половые особенности личности преступника следует учитывать при организации следственных действий, особенно при допросе. Знание психологических и поведенческих различий, обусловленных полом, может способствовать установлению более прочного психологического контакта и получению криминалистически значимой информации.

Уровень образования. Лица, причастные к совершению преступлений в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) платежных инструментов, характеризуются высоким уровнем образовательной дифференциации – от неоконченного среднего образования до наличия нескольких высших, в том числе технических, образований. При этом значительная часть указанных лиц демонстрирует склонность к точным наукам и обладает профессиональными компетенциями в технических или смежных областях. Также среди них распространено знание английского языка, по меньшей мере – на уровне, достаточном для чтения технической и специализированной литературы.

Анализ эмпирических данных показывает, что 36,3 % лиц, совершивших преступления по ст. 222 УК, имели либо высшее техническое образование, либо профессиональный опыт работы в сфере высоких технологий. При этом 54,4 % не имели формального технического образования, однако владели необходимыми практическими навыками рабо-

ты с программно-техническими средствами, что позволяло им реализовывать противоправные действия в рассматриваемой сфере.

Наличие высшего образования у преступника предоставляет возможность для осуществления прогностических оценок, значимых для организации расследования и судебного разбирательства. Как правило, высокоинтеллектуальные правонарушители используют такие методы и механизмы преступной деятельности, которые затрудняют процесс выявления и доказывания их виновности. Они склонны к маскировке своих действий, стремятся придать им видимость легитимности, что требует от следственных органов применения специальных знаний и средств.

Трудовая занятость и место учебы. Согласно результатам исследований, проведенных организациями в области банковской безопасности, у лиц, совершивших хищения крупных денежных сумм с использованием компьютерных технологий, нередко формируются устойчивые криминогенные установки. Эти установки обусловлены изменениями в мышлении, после чего возврат к легальной занятости становится маловероятным.

В 2023 г. доля неработающих и необучающихся среди выявленных преступников составила 65,08 %, при этом прослеживается устойчивая тенденция к росту данного показателя. Доля работающих составила 22,37 %, с тенденцией к снижению. Участие служащих в совершении преступлений остается незначительным и в 2023 г. составило 0,88 %, удерживаясь на уровне около 1 % в течение всего анализируемого периода.

На момент совершения преступления 5,54 % правонарушителей являлись учащимися (средних, профессионально-технических и высших учебных заведений). В большинстве случаев ими совершались преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 222 УК, что указывает на преимущественную вовлеченность данной категории в преступления, сопряженные с предварительным сговором либо использованием специализированных знаний и средств.

Гражданство. Доля иностранных граждан среди лиц, совершающих преступления в рассматриваемой сфере, остается сравнительно небольшой, но демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. В 2023 г. она составила 2,24 % от общего числа установленных преступников.

Анонимность как криминогенный фактор. Анонимность, предоставляемая цифровой средой, существенно снижает вероятность идентификации правонарушителя и способствует формированию чувства безнаказанности. Возможность предоставления ложной информации о себе, создание альтернативных цифровых образов личности, участие в онлайн-взаимодействиях под вымышленными именами и аватарами ни-

велирует моральные и психологические барьеры. Такая анонимность не только облегчает совершение преступления, но и создает иллюзию вседозволенности, особенно когда первопричины преступного поведения коренятся в реальных, социально-экономических обстоятельствах. В этих условиях цифровая анонимность становится инструментом психологического дистанцирования от реального «я», позволяя преступнику действовать без внутреннего чувства ответственности за противоправные поступки.

Проанализируем нравственно-психологические характеристики.

Семейное положение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что среди лиц, установленных в качестве обвиняемых по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов, 40,1 % состояли в зарегистрированном браке. Вместе с тем значительная часть из них характеризуется нестабильным семейным положением и склонностью к ведению одинокого, «холостяцкого» образа жизни, что часто связано с интенсивным погружением в деятельность, связанную с использованием компьютерной техники, и ограничением социальных контактов вне криминальной среды.

Состояние опьянения. В 2023 г. 37,74 % преступлений по ст. 222 УК были совершены лицами в состоянии алкогольного опьянения. На протяжении анализируемого периода данный показатель варьировался в пределах 35–40 %, оставаясь стабильно высоким. При этом подавляющее большинство таких преступлений приходилось на ч. 2 ст. 222 УК – преступления, совершенные группой лиц или по предварительному сговору.

Склад характера. Анализ следственно-судебной практики и показаний обвиняемых указывает на наличие у них специфических личностных черт. Для таких лиц характерны свободолобие, выраженный эгоцентризм, склонность к изоляции, предпочтение ночного образа жизни и ограниченный круг общения, преимущественно в виртуальном пространстве. В повседневной коммуникации они активно используют компьютерный сленг, малопонятный лицам без технической подготовки, демонстрируют высокий уровень конкретизации при формулировании вопросов, настойчиво уточняя интересующие их детали.

Обобщенный психосоциальный портрет. Типичными представителями категории лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов, являются лица в возрасте 30 лет и старше, как правило – участники организованных преступных групп, взаимодействие в которых преимущественно осуществляется в дистанционном и анонимном формате. Им свойственна замкнутость, предпочтение виртуальной реальности, устойчивое ис-

пользование компьютерной терминологии, наличие склонности к точным наукам, владение английским языком и профессиональная занятость в технических или инженерно-технологических сферах.

Указанные лица демонстрируют высокий уровень логического и аналитического мышления, креативность в построении преступных схем, умение рисковать, а также нередко обладают способностью вызывать доверие у посторонних лиц. При наличии неопровержимой доказательной базы они, как правило, переходят к активному сотрудничеству со следствием, что свидетельствует об их рациональности и прагматичном подходе к уголовно-правовой ответственности.

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Личность преступника является ключевым элементом криминалистического анализа, так как позволяет не только выявить особенности мотивации, поведения и структуры преступной деятельности, но и прогнозировать возможные способы ее реализации и тактику противодействия следственным мероприятиям. Изучение личности правонарушителя в данном виде преступлений невозможно без междисциплинарного подхода, включающего криминалистику, психологию и социологию.

2. Возрастной и социальный портрет преступника имеет четко выраженные тенденции. Наибольшую долю составляют лица в возрасте от 30 лет и старше (57,49 %), обладающие жизненным и профессиональным опытом, позволяющим эффективно маскировать преступную деятельность. Значительную часть составляют также молодые лица (18–29 лет), причем наблюдается рост преступности среди несовершеннолетних. Это указывает на необходимость ранней профилактики цифровой преступности и повышения уровня цифровой грамотности среди молодежи.

3. Образовательный и профессиональный уровень преступников часто достаточно высок. Более трети из них имеют высшее техническое образование, а большинство – опыт работы с программно-техническими средствами. Это позволяет сделать вывод о высокоинтеллектуальном характере рассматриваемой преступности, требующей от правоохранительных органов соответствующих знаний и технической подготовки.

4. Анонимность цифровой среды способствует формированию криминогенного поведения. Возможность скрыть свою личность, действовать в удаленном режиме и за пределами национальной юрисдикции усиливает ощущение безнаказанности. Именно анонимность является фактором, формирующим у субъекта искаженное восприятие собственной ответственности, что требует совершенствования как правовых механизмов идентификации, так и технических средств противодействия.

5. Нравственно-психологический портрет преступника характеризуется эгоцентризмом, замкнутостью и склонностью к виртуализации социальных связей. Такие лица, как правило, предпочитают ночной образ жизни, используют специализированный жаргон и проявляют творческий подход при решении задач преступного характера. Их мотивация преимущественно корыстная, но часто сопровождается дополнительными мотивами – самоутверждения, игровыми, защитными и самооправдания.

Список использованных источников

1. Чуфаровский, Ю.В. Юридическая психология : учеб. для вузов / Ю.В. Чуфаровский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Моск. центр учеб. и практ. лит., 1999. – 464 с.

УДК 343.2

В.Б. Ходер, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.И. Бахур*

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Актуальность изучения прикосновенности к преступлению заключается в том, что данное явление при совершении кем-либо преступления или преступлений значительно усложняет задачу правоохранительных органов по их раскрытию и расследованию. Говоря иначе, прикосновенность к преступлению посягает на принцип неотвратимости наказания. Кроме того, прикосновенность к еще готовящемуся преступлению может стать достаточно стойким условием для доведения его до стадии оконченного преступления. Исходя из вышеуказанного, актуальность проблемы можно расширить до того, что прикосновенность к преступлению способствует росту количества совершаемых преступлений, латентности преступлений и, соответственно, ухудшению криминологической обстановки.

Для повышения эффективности борьбы с указанными общественно опасными деяниями необходимо совершенствование норм уголовного права, основой чего является изучение исторического опыта развития соответствующего уголовно-правового института. Таким образом, проведение ретроспективного анализа норм о прикосновенности к преступ-

лению, действовавших на территории Республики Беларусь, представляется весьма актуальным.

До образования Великого Княжества Литовского (ВКЛ) на территории Республики Беларусь преимущественно действовало обычное право, а сама территория входила в состав Киевской Руси, где первым письменным источником права, содержащим нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения, являлась Русская Правда [1, с. 134]. Составы прикосновенности к преступлению в пространной редакции содержались в ст. 32, 112, 113 [2, с. 118–141]. Первая устанавливала ответственность в виде штрафа в размере трех гривен за укрывательство беглого челядина в течение трех дней. Вторая устанавливала ответственность в виде штрафа в размере «5 гривен, а за робу 6 гривен» за дачу хлеба или указания пути беглому холопу. Объективная сторона третьего состава выражается в виде поэтапных деяний: поимка беглого холопа, уведомление его господина и потеря холопа. Данный состав является привилегированным, так как за первое деяние ответственность за последнее снижается: «платить ему 4 гривны, а пятая за поимку засчитывается ему, а если будет роба, то <платить> 5 гривен, а шестая за поимку засчитывается ему» [3].

Следующим этапом развития Беларуси было ВКЛ, где наиболее значимыми нормативно-правовыми документами являлись Статуты. Так, в Статуте ВКЛ 1529 г. содержались следующие составы:

«... если бы наши подданные скрывали в своих домах и имениях подозрительных людей, преступников, разбойников, изгнанных из страны или давали им какие-нибудь советы, или оказывали помощь в ущерб обществу, или пользовались заведомо краденными вещами и это было бы доказано, то виновный должен быть наказан так же, как перечисленные выше преступники ...» (арт. 30 разд. 7 Статута ВКЛ 1529 г.) [4]. В данном составе имеется несколько альтернативных действий, но для нашего вопроса представляют интерес общественно опасные действия, выраженные в виде укрывательства подозрительных людей, преступников и т. п. в своих домах и пользование заведомо краденными вещами, которые в современной доктрине признаются формами преступной прикосновенности;

«... если бы кто-нибудь заведомо укрывал пойманного с поличным вора или разрешил ему жить в своем имении, или явного вора выкупил своими деньгами от виселицы, то таковой, если было бы это доказано надлежащим образом, будет обязан всем возместить весь ущерб, который причинен воров, скрывающимся в его имении» (арт. 6 разд. 13 Статута ВКЛ 1529 г.) [4]. Объективная сторона данного деяния выра-

жается в виде альтернативных действий: укрывательство пойманного с поличным вора, разрешение вору проживания в своем имении, выкуп вора от смертной казни. Второе и первое действия рассматривать в виде укрывательства преступника, так как они оба направлены на сокрытие преступника от уголовного преследования. Однако, говоря о третьем действии, необходимо отметить, что оно происходит после отправления правосудия, а значит не может быть отнесено к прикосновенности к преступлению.

Состав прикосновенного деяния можно найти и в Статуте ВКЛ 1588 г.: «А если бы было найдено в доме поличное, и дети и жена при этом были, и они, зная об этих краденых вещах, пользовались этими краденными вещами, тогда они будут обязаны возместить причиненный вред ...» (арт. 23, разд. 14 Статута ВКЛ 1588 г.) [5].

Когда территория Беларуси вошла в состав Российской империи, на нее стало распространяться и ее законодательство. В рамках рассматриваемого вопроса интерес представляет Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.), которое разделено на 12 разделов, первый из которых можно рассматривать как Общую часть, а все последующие – как Особенную часть [6]. Здесь впервые появляется прямое указание на субъектов прикосновенности к преступлению. Так, в отделении первом главы первой первого раздела Уложения 1845 г. содержались нормы, касающиеся института «участия в преступлении», а в ст. 14 данного отделения описываются лица, которые «сверх того из прикосновенных к делу и преступлению признаются»:

1. «Те, которые имели власть и возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо, допустили содеяние оного»;

2. «Те, которые, не имея никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оного заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали или продали другим похищенные или отнятые у кого-либо, или же иным противозаконным образом добытые вещи»;

3. В то же время ст. 15 этого же отделения содержит описание иных участников прикосновенности к преступлению, а именно «те, которые, зная об умышленном или уже содеянном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности».

Данные нормы-дефиниции использовались в Особенной части Уложения 1845 г., например, ссылочная норма ст. 266 предусматривала уголовную ответственность попустителей и укрывателей по отношению к опре-

деленным преступлениям, связанным с «сопротивлением распоряжениям правительства и неповиновением установленным от одного властями».

Как отмечает Н.С. Косякова, данному институту уделялось внимание и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, датированном 1864 г., а именно, согласно ст. 172, за укрывательство похищенного виновные подвергались наказаниям, определенным за саму кражу [2, с. 118–141]. Там же содержались и еще некоторые составы прикосновенных деяний (приобретение заведомо краденого или полученного путем обмана имущества).

Уголовное уложение 1903 г., в отличие от ранее рассмотренного Уложения 1845 г., в главе «О преступных деяниях и наказаниях» никаких упоминаний о прикосновенности к преступлению не содержало. Вместе с тем в гл. 7 «О противодействии правосудию» Уголовного уложения 1903 г. указывался перечень составов преступлений, за прикосновенность к которым наступала уголовная ответственность:

ст. 162 предусматривает уголовную ответственность в виде заключения в тюрьму за «неизвещение» властям или потенциальному потерпевшему о «замышленном» (здесь: преступлении, прошедшем стадию возникновения умысла) или оконченном тяжком преступлении, когда такое преступление было «действительно учинено»;

диспозиция ст. 163 содержала сходные признаки объективной стороны, но в качестве основного преступления императивно выступали ссылочно указанные в этой же статье (и в зависимости от основного преступления варьировалась ответственность: срочная каторга, ссылка на поселение, заключение в крепость);

ст. 164 предусматривает ответственность за недонесение об участнике определенных этой же диспозицией тяжких преступлений в такой же форме, что и ст. 163: в зависимости от основного преступления: срочная каторга, ссылка на поселение, заключение в крепость;

ч. 2 ст. 166 содержит состав следующего преступления: «... повреждение, сокрытие или захват неприобщенного еще к производству по уголовному делу вещественного или письменного доказательства тяжкого преступления или преступления с целью скрыть от правосудия такое преступное деяние или виновного в учинении одного». Данное деяние по общему правилу наказывалось заключением в тюрьму;

ст. 170 содержит обстоятельства, в связи с которыми укрыватель или недонеситель не подлежат уголовной ответственности: «если извещение было бы обвинением недонесителя или члена его семьи в учинении тяжкого преступления или преступления. Если укрываемо было преступное деяние, в учинении коего участвовал сам укрыватель или член его семьи. Если укрываем был член семьи укрывателя»;

ст. 643 и 644 предусматривают ответственность специальных субъектов прикосновенности к преступлению в виде попустительства и недонесения. При этом санкции, предусмотренные данными статьями, являются альтернативными и выражено это крайне ярко (есть много наказаний, которые зависят от характера основного преступления, а в ст. 644 еще и от субъективной стороны прикосновенности) [7].

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., который применялся на территории Беларуси, имелись нормы, предусматривающие ответственность:

- 1) ст. 89, за недонесение об определенных достоверно известных контр-революционных преступлениях (лишение свободы на срок до года);
- 2) ч. 2 ст. 76, за пособничество, укрывательство банд, отдельных их участников, сокрытие добытого и следов преступления (смертная казнь);
- 3) ст. 107, за невыполнение должностным лицом действий, которые «он по обязанности своей службы должен был выполнить» (лишение свободы на срок до или более года, в зависимости от субъективной стороны) [8].

Несколько по-иному законодатель оформил рассматриваемый институт в рамках УК БССР 1928 г. Так, в первом разделе «Общие положения», в ст. 26 было указано, что «Недонесение о совершенном или готовящемся преступлении преследуется только в случаях, указанных в настоящем Кодексе». К таковым относятся случаи, предусмотренные ст. 63-4, 73, содержащие уголовную ответственность за недонесение военным служащим о готовящейся или совершенной измене в первом случае, и за недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении – во втором [9].

Сходный с УК БССР 1928 г. принцип построения института прикосновенности к преступлению можно проследить и в УК БССР 1960 г. Так, в рамках Общей части, а именно в гл. 2 «О преступлении», в ст. 18 и 19 указывалось, что уголовная ответственность за заранее не обещанное, соответственно, укрывательство и недонесение о преступлении наступала лишь в случаях, предусмотренных в ст. 86, 185, 186. В диспозиции ст. 86 основным преступлением должно было быть ссыльно указанное государственное преступление, а в ст. 185 и 186 – иные, также ссыльно указанные преступления (при этом следует отметить, одинаковые для двух указанных составов) [10].

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы об историческом развитии прикосновенности к преступлению в рамках отечественного уголовного права:

1. В истории отечественного права прикосновенность к преступлению, исходя из письменных памятников права, зарождается в период Киевской Руси, и в основном она была связана с укрывательством бе-

глых рабов. В дальнейшем, во времена ВКЛ, данный институт начинает затрагивать кражи, государственные преступления и т. п. Преимущественно ответственность за такие деяния выражалась в наказании материального характера (штраф либо возмещение ущерба), а также в равной укрываемого преступника ответственности.

2. Юридическую технику построения уголовно-правового института прикосновенности к преступлению, начиная от Киевской Руси и заканчивая БССР, можно условно разделить на три вида:

а) описание прикосновенных деяний либо лиц, их совершивших, полностью изложено в Общей части уголовного законодательного акта, а статьи Особенной части используют указанные положения. Так было в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г.;

б) Общая часть уголовного законодательства содержит ссылочные на Особенную часть нормы, которые указывают на то, что ответственность за прикосновенные деяния следует только в случаях, указанных в этих статьях. Такая техника часто применялась в советском законодательстве, в частности в УК БССР 1928, 1960 гг.;

в) прикосновенные деяния не упоминаются в Общей части вообще, но их составы содержатся в рамках Особенной части. При этом данный вид можно подразделить на подвиды: в одном случае состав основного по отношению к прикосновенному деянию прямо указывался в диспозиции соответствующей статьи (Русская Правда, Статуты ВКЛ), в другом – состав основного преступления указывался в форме ссылки на соответствующую статью в рамках диспозиции прикосновенного деяния (УК БССР 1928 г., УК БССР 1960 г.). Кроме указанных имеет место «смешанная» техника, т. е. использование двух этих подвидов одновременно (Уголовное уложение 1903 г.).

Список использованных источников

1. Вениосов, А.В. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие / А.В. Вениосов, В.А. Данилов / под общ. ред. А.В. Вениосова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2021. – 505 с.

2. Косякова, Н.С. Возникновение и развитие в российском уголовном праве института прикосновенности к преступлению (дооктябрьский период) / Н.С. Косякова // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 3. – С. 118–141.

3. Русская Правда (пространная редакция). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 15.04.2025).

4. Статут ВКЛ 1529 г. – URL: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/statut_vkl_1529_goda (дата обращения: 15.04.2025).

5. Статут ВКЛ 1588 г. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
7. Уголовное уложение 1903 г. – URL: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda (дата обращения: 15.04.2025).
8. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. – URL: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda (дата обращения: 15.04.2025).
9. Уголовный кодекс БССР 1928 г. – URL: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda (дата обращения: 15.04.2025).
10. Уголовный кодекс БССР 1960 г. – URL: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/ob_utvergdenii_UK_BSSR_1960_goda (дата обращения: 15.04.2025).

УДК 343.13

В.В. Шатило, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.Ю. Левченко*

О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСГУМАЦИИ

Эксгумация является одним из четырнадцати следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) [1]. Поскольку осуществление указанного процессуального действия тесно связано с нормами этики и морали, организационными и процессуальными сложностями, следователь обязан тщательно подготовиться к ее проведению. При этом следует иметь в виду, что эксгумация часто направлена на получение доказательств, которые не могут быть получены в ходе проведения иных следственных и процессуальных действий. Это обусловлено возможностью обнаружения следов преступления при проведении осмотра уже захороненного трупа при отсутствии иных фактов, указывающих на признаки совершенного преступления. Часто эксгумация проводится в последнюю очередь, когда иные способы собирания доказательств исчерпаны, а в результате совокупности всех проведенных процессуальных действий не было получено достаточное количество доказательств.

Несмотря на свою специфичность, данное следственное действие регламентируется не отдельной статьей УПК, а лишь ч. 3, 4 и 5 ст. 205 «Осмотр трупа. Эксгумация», в которых отражены понятие и отдельные аспекты проведения вышеуказанного процессуального действия. В них содержатся фактические и юридические основания проведения эксгу-

мации, круг участников, чье присутствие предписано при ее осуществлении, а также прямое указание на необходимость составления протокола. Изучив научные статьи и труды ученых, исследовавших порядок и особенности проведения указанного следственного действия, считаем необходимым отметить некоторую неполноту его регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь.

Исследуя сущность и положение вышеназванного процессуального действия в системе следственных действий, следует рассмотреть две основные концепции.

Такие ученые, как А.Е. Кригер, Д.А. Натура, В.Ю. Стельмах, В.В. Кальницкий, определяют эксгумацию как самостоятельное следственное действие и приводят следующую аргументацию в обоснование своей позиции.

Так, по мнению А.Е. Кригера, эксгумация – это самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребенного трупа из места официального захоронения, производимого в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя (определению суда) для осмотра (в том числе повторного), опознания или экспертного отождествления захороненного трупа, получения образцов для сравнительного исследования, экспертного исследования (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств по делу, а также для патологоанатомического исследования, направленного на обнаружение и изъятие вещественных доказательств с последующим захоронением трупа [2, с. 10].

В своих трудах Д.А. Натура придерживается точки зрения о том, что эксгумация – это самостоятельное следственное действие, заключающееся в извлечении трупа (его останков) из места захоронения, осмотре его и объектов, находящихся при нем, обследовании гроба и могилы с последующим захоронением в целях установления новых доказательств, проверки и уточнения имеющихся, а также, с учетом полученных результатов и в случае необходимости, обеспечения познания иных обстоятельств дела в ходе последующего предъявления трупа для опознания и (или) его экспертного исследования [3, л. 30].

Помимо самостоятельности в указанных выше определениях ученые также отмечают иные особенности эксгумации, такие как особый объект извлечения, а также место, условия и основания ее проведения.

В противовес вышеизложенному следует уделить внимание позиции таких ученых-процессуалистов, как И.Ф. Герасимов, Л.И. Кукреш, С.А. Шейфер. Например, последний относит эксгумацию не к следственным, а скорее к обеспечивающим процессуальным действиям, от-

мечающая обязательность проведения иных следственных действий, следующих за извлечением трупа из места захоронения. Основным доводом лишения эксгумации признака самостоятельности выступает тот факт, что часто доказательства получают не в процессе ее проведения, а только после, в рамках последующих следственных действий [4, с. 24].

Вместе с тем, исследуя самостоятельность эксгумации, следует также рассмотреть этот ее аспект через призму наличия сходства и различий с такими следственными действиями, как осмотр, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, что позволит нам дополнительно подчеркнуть специфику именно рассматриваемого процессуального действия.

Например, в соответствии с точкой зрения А.А. Койсина, эксгумация подлежит отнесению к разновидности выемки либо осмотра [5, с. 64].

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данную теорию, необходимо сравнить указанные следственные действия, выявив их сходства или различия.

Определяя первым критерием для сравнения юридическое основание для проведения перечисленных следственных действий, нельзя не отметить их определенное сходство. Для проведения эксгумации выносится постановление следователя, которое в обязательном порядке должно быть санкционировано прокурором или его заместителем. В исключительных случаях постановление о ее проведении может быть вынесено Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, и в таком случае получения санкции прокурора не требует. В случае с выемкой постановления могут вынести следователь или орган дознания. В определенных случаях, например, при выемке документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, постановление следователя или органа дознания должно быть санкционировано прокурором или его заместителем. В случаях вынесения указанного постановления Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, как и в случае с эксгумацией, санкция прокурора не требуется.

Подчеркивая схожесть эксгумации с выемкой, можно также выделить такой признак, как известность местонахождения изымаемых объектов еще до начала следственного действия. При выемке поисковые мероприятия либо сведены к минимуму, либо полностью отсутствуют, лицу, ее проводящему, точно известно, где, у кого, какие объекты подле-

жат изъятию. При проведении эксгумации следователь также располагает данными о месте захоронения трупа, т. е. точно знает, где он погребен, и в некоторых случаях может установить его личность, т. е. точно идентифицировать изымаемый объект. Однако дальше сходства эксгумации с выемкой в данном аспекте заканчиваются. Если проведение выемки направлено исключительно на изъятие конкретных предметов, документов и иных вещей (при этом отсутствует цель подробно описать и исследовать обнаруженные объекты), то эксгумация часто проводится с целью извлечения трупа или его останков и его подробного и комплексного исследования (на месте проведения либо в судебно-экспертной организации).

Извлечение трупа из официального места захоронения по своей сути является изъятием объекта из определенного места, и в этом аспекте мало чем отличается от выемки, сущность которой как раз в этом и заключается. При эксгумации должна соблюдаться совокупность двух условий, таких как наличие определенного объекта – трупа человека или его останков, и официальность места захоронения. В случае если труп извлекается не из официального места захоронения, например, при преступной либо так называемой случайной эксгумации (например, когда труп был обнаружен при проведении строительных работ), то его изъятие может осуществляться в рамках иных следственных действий (осмотр, обыск, выемка и др.). Если отсутствует сам объект – труп либо его останки, то проводить эксгумацию также будет невозможно.

Учитывая, что в процессе проведения эксгумации могут осуществляться действия по обследованию трупа или его останков (как на месте извлечения, так и в судебно-экспертной организации), их изъятие для проведения экспертизы, а также изучение самого места захоронения (в том числе гроба), можно сделать вывод о том, что указанное процессуальное действие содержит в себе признаки таких следственных действий, как осмотр и получение образцов для сравнительного исследования (после которого нередко назначается экспертиза).

Рассматривая сходства и различия эксгумации с получением образцов для сравнительного исследования, стоит отметить, что и в первом, и во втором случае лицо, проводящее следственное действие, получает необходимые образцы (в случае эксгумации это могут быть кости, зубы, фрагменты тканей и органов) и направляет их для дальнейшего исследования эксперту.

Рассмотрев подходы к самостоятельности эксгумации и сравнив ее с иными следственными действиями, считаем необходимым отдельно заострить внимание на процессуальной регламентации указанного процессуального действия в действующем УПК.

Ст. 205, в которой закреплён порядок проведения осмотра трупа и эксгумации, размещена в гл. 23 «Осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент» УПК. Отсутствие в названии данной главы указания на эксгумацию позволяет предположить, что законодатель относит эксгумацию не к самостоятельным, а скорее к обеспечивающим следственным действиям, и считает, что ее проведение возможно только в случае необходимости осмотра трупа или его исследования экспертом. Однако, видится, что объединение в одной статье двух следственных действий (осмотр трупа и эксгумация) является довольно спорным решением и приводит к неправильному пониманию эксгумации, как придаточного к осмотру трупа следственного действия. По нашему мнению, подобная позиция в корне неверна. В связи с чем, опираясь на вышеизложенные доводы, считаем возможным предложить вариант совершенствования процессуальной регламентации рассматриваемого следственного действия путем разделения ст. 205 «Осмотр трупа. Эксгумация» УПК на ст. 205 «Осмотр трупа» и ст. 205¹ «Эксгумация».

Ч. 1 ст. 205¹ УПК должна содержать расширенное определение исследуемого следственного действия, в связи с чем предлагаем изложить ее в следующей редакции: «Извлечение трупа человека (его фрагментов) из места официального захоронения с целью его осмотра, предъявления его для опознания, назначения и проведения экспертизы, а также для установления иных обстоятельств (эксгумация) проводится следователем, лицом, производящим дознание, как правило, с участием специалиста в области судебной медицины, в присутствии понятых или с применением средств аудио-или видеофиксации».

В ч. 2 указанной статьи необходимо закрепить процессуальные особенности подготовки и проведения следственного действия, в связи с чем ее целесообразно изложить в следующей редакции: «При необходимости проведения эксгумации Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, а также следователь или лицо, производящее дознание, выносят постановление. Постановление следователя или лица, производящего дознание, должно быть санкционировано прокурором или его заместителем. Постановление подлежит предъявлению до начала следственного действия администрации места захоронения, а также членам семьи или родственникам умершего, и обязательно для них».

Следует отметить, что отсутствие указания на необходимость уведомления родственников об эксгумации может противоречить этическим и религиозным убеждениям граждан Республики Беларусь. В свя-

зи с этим считаем важным закрепить обязанность следователя уведомить членов семьи и родственников покойного о необходимости проведения эксгумации, при этом сохраняется обязательность указанного постановления для данных лиц.

Ч. 3 данной статьи должна содержать более подробную регламентацию порядка составления и содержания протокола эксгумации, в связи с чем подлежит изложению в следующей редакции: «В ходе проведения эксгумации либо непосредственно после ее проведения составляется протокол, в котором должны быть отражены точное местонахождение места погребения, круг участников, применявшиеся научно-технические средства, способы фиксации порядка проведения следственного действия, глубина залегания и размеры гроба, его состояние, положение трупа в нем, характеристика трупа, одежда и предметы, находящиеся на трупе и внутри гроба, и иные сведения, имеющие значение для принятия решения по результатам проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении или предварительного расследования уголовного дела».

В ч. 4 ст. 205¹, опираясь на опыт законодателя Российской Федерации, следует отразить необходимость восстановления места погребения после окончания следственного действия, а также порядок возмещения расходов на его восстановление и отнесение данных расходов к числу процессуальных издержек, в связи с чем изложить в следующей редакции: «Расходы, связанные с проведением эксгумации, транспортировкой трупа (его фрагментов), при наличии такой необходимости, последующим захоронением трупа и восстановлением места его погребения, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном ст. 163 настоящего Кодекса». В связи с вышеизложенным ст. 162 УПК, содержащая перечень процессуальных издержек, также подлежит дополнению соответствующим пунктом.

Подводя итог вышеизложенного, мы можем утверждать, что вследствие наличия таких особенностей эксгумации, как особый объект – труп человека или его останки, место ее проведения – место официального захоронения, круг участников, учитывая повышенную сложность организации, в том числе религиозные, моральные и этические нюансы, эксгумацию следует считать все же самостоятельным следственным действием, результаты которого уже сами по себе имеют доказательственное значение. В связи с этим данное процессуальное действие подлежит более детальной законодательной регламентации, содержащейся в отдельной статье.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.05.2025).
2. Кригер, А.Е. Проблемы производства эксгумации и использование ее результатов при расследовании уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Кригер Алексей Егорович ; Барнаул. юрид. ин-т МВД России. – Барнаул, 2006. – 22 с.
3. Натура, Д.А. Эксгумация на предварительном следствии и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Натура Денис Александрович ; Краснодар. юрид. ин-т МВД России. – Краснодар, 2002. – 219 л.
4. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М. : Юрид. лит., 1981. – 128 с.
5. Койсин, А.А. Эксгумация трупа – осмотр или выемка! / А.А. Койсин // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 1. – С. 64.

УДК 343.9

И.Д. Швед, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.А. Чванкин*

ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ФИКСАЦИИ, ИЗЪЯТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАСЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ

Одними из наиболее распространенных следов, обнаруживаемых на местах происшествия, являются следы подошв обуви, орудий взлома и шин транспортных средств. Именно по указанным категориям в настоящее время ведется трасологический учет следов, изымаемых с мест происшествий.

Стоит обратить внимание, что природа (материал) следовоспринимающих объектов очень разнообразна, что создает некоторые трудности при обнаружении, фиксации и изъятии данных следов. Традиционные методы не всегда позволяют произвести изъятие следов без утраты криминалистически значимой информации. Наиболее характерно проявляются недостатки традиционно применяемых методов, в частности слепочных масс, в ситуации с объемными следами обуви, образованными на мокрым грунте или снегу. Аналогичная проблема существует и в отношении следов ходовой части автомобиля, а именно следов протек-

тора шин как объекта трасологического исследования. Также существует ряд проблем, связанных с исследованием следов и их идентификации по фотоизображениям, а именно различные условия освещения, значительная радиальная и горизонтальная дисторсия изображения и пр.

Изучением вышеуказанных и иных вопросов занимается большое количество ученых и исследователей. В частности, известны работы Н.П. Майлис, М.В. Беляева, П.В. Севостьянова и др. [1, с. 34–39; 2; 3, с. 171–177].

Анализируя работы в данной области, мы пришли к ряду умозаключений. Так, по нашему мнению, решение имеющихся проблем может быть найдено путем внедрения в процессы фиксации и исследования следов методов 3D-сканирования. Применение данных методов обусловлено их существенными преимуществами: легкость в использовании (специалисту не требуются специальные навыки для применения 3D-сканеров), быстрое получение результата (не нужно тратить время на затвердевание слепочной массы), высокая точность измерений, сведение к минимуму экспертных ошибок, связанных с возможностью неправильно интерпретированного признака, электронная форма фиксации, а также возможность применения в плохих погодных условиях, при недостаточной освещенности и на сложных поверхностях. Методы 3D-сканирования уже активно применяются в других сферах, таких как медицина, культура и образование, так как обеспечивают переход на качественно новый уровень при решении поставленных задач. По нашему мнению, 3D-сканеры в полной мере соответствуют критериям научной обоснованности, эффективности и безопасности, предъявляемым к методам, применяемым в целях фиксации и анализа трасологических объектов (следов).

Моделирование в криминалистике и судебной экспертизе отличается от создания моделей в естественно-технических областях, так как создается в целях фиксации и исследования доказательств с соблюдением определенных процессуальных норм. Вопросами разработки теоретических и методических основ моделирования в криминалистической науке занимались Г.Л. Грановский, А.Р. Ратинов, И.М. Лузгин, В.А. Образцов, Н.С. Полевой, В.Я. Колдин, Т.С. Волчецкая и др.

На практике наиболее универсальными средствами фиксации следов признаны портативные 3D-сканеры с технологией использования структурированного света. В отличие от стационарных систем, они могут быть оперативно применены непосредственно на месте происшествия, в сложных условиях освещенности, на ограниченном пространстве, на неровных и загрязненных поверхностях. Исследования, прове-

денные автором, подтвердили высокую эффективность таких приборов, в том числе моделей COLIBRY MINI (Россия, Thor 3D) и SCANTECH AXE-B17 (КНР, Scantech HSCAN).

Оба прибора обеспечивают качественную фиксацию следов при разрешении от 0,1 до 0,2 мм, чего достаточно для большинства задач трактологического анализа. При этом китайская модель отличается меньшей погрешностью (до 0,3 мкм на метр) и более развитым программным обеспечением, позволяющим выполнять профилографический анализ, наложение и сопоставление моделей, а также экспорт в удобных форматах. Более того, высокая стоимость устройства и невозможность использования мобильных источников питания делают его применение в условиях повседневной экспертной работы затруднительным.

Модель COLIBRY MINI, несмотря на несколько более высокую погрешность и менее интуитивный интерфейс ПО, обладает рядом несомненных преимуществ: приемлемая стоимость, соответствие критериям информационной безопасности, российское происхождение, что упрощает процесс сертификации и закупки для государственных органов. Проведенные тестирования показали, что она полностью удовлетворяет требованиям к фиксации большинства следов обуви, орудий и транспортных средств. Такой сканер может быть рекомендован к внедрению в повседневную деятельность экспертно-криминалистических подразделений.

Одним из перспективных направлений развития является создание полностью автономных мобильных 3D-сканеров, сочетающих высокое качество фиксации, компактность, низкое энергопотребление и устойчивость к внешним условиям. Такой подход позволит интегрировать 3D-фиксацию в осмотры места происшествия и оперативно передавать модели в экспертные подразделения. Подобные устройства уже разрабатывались, в частности, модель DRAKE от Thor 3D предлагала систему со сменными объективами и встроенным сенсорным экраном, но была снята с производства из-за низкого спроса. Однако криминалистическая сфера предъявляет иные требования, и потому перспективы подобных решений следует рассматривать отдельно.

Технологии 3D-сканирования в судебно-экспертной деятельности способны значительно оптимизировать работу специалистов при осмотре мест происшествия, а судебных экспертов при проведении экспертиз и исследований, с целью решения задач по раскрытию и расследованию преступлений.

Распространение таких методов, как 3D-моделирование, 3D-печать, которые могут быть использованы на различных этапах как судебно-экспертного исследования, так и предварительного расследования в це-

лом, приводит к тому, что 3D-технологии вполне могут быть выделены в отдельную область в криминалистике и судебной экспертизе. В работах В.Б. Вехова, С.А. Ковалева, О.А. Харламовой обоснована необходимость теоретического осмысления метода моделирования для дальнейшего внедрения инновационных технико-криминалистических средств и методов в криминалистическую деятельность [4, с. 104–108; 5, с. 279–281]. Имеется достаточное количество исследований, посвященных применению 3D-методов для фиксации множества следов, начиная со следов рук, ног, обуви, фрагментов человеческих останков, орудий и инструментов, оружия, транспортных средств и целого места происшествия. За рубежом уже встречается такое понятие, как 3D-Forensic Science – «3D-судебная экспертиза», которая объединяет 3D-визуализацию, 3D-моделирование и 3D-печать. Зарубежные ученые указывают, что это направление отвечает целям реконструкции преступления и предоставляет инструменты для его 3D-визуализации в зале суда, чтобы помочь суду лучше воспринимать и понимать собранные доказательства. Подчеркивается, что главной целью применения 3D-технологий является дополнение результатов, полученных экспертом, и представление материалов, которые помогут суду лучше понять доказательства, имеющиеся в деле. Представляется, данная область возникла как результат интеграции подходов, разработанных в различных областях технического, естественно-научного, криминалистического знания.

Моделируя вещественное доказательство, судебный эксперт должен учитывать, что каждый объект индивидуален и содержит в себе наряду с признаками, которые необходимы для решения вопроса экспертизы, много других признаков, которые не имеют к нему отношения. При изготовлении физических моделей добиться осуществления таких задач достаточно трудно, так как свойства объекта, от которых бы эксперту хотелось освободить модель, могут обнаруживаться в процессе ее исследования. Кроме того, способ создания модели может формировать дополнительные шумы, препятствующие исследованию признаков объекта. Данная ситуация характерна при изготовлении моделей – слепков, плоскостных копий следов, в которых наряду с признаками следообразующего объекта фиксируются неровности, пузыри, наплывы, посторонние включения. Любая физическая модель также содержит признаки, которые возникли в результате отображения материала, используемого при ее изготовлении. Например, углубления и наплывы на гипсовых слепках, забитые порошком детали в следах папиллярных узоров и т. д. Данные недостатки физических моделей и позволяют экспертам обратиться к более совершенным средствам фиксации и модели-

рования, которое выражается в активном использовании цифровых компьютерных технологий.

В отличие от выявления и фиксации признаков в следах с помощью способов получения двухмерной графики (фотографии, кадры видеозаписи), при вращении которых объект будет иметь неправильную форму и перспективные искажения, 3D-модель отображает глубину/высоту объекта, тем самым формируя объем, и давая адекватное представление о форме и расположении признаков в пространстве. При решении идентификационных задач судебной экспертизы данное преимущество позволяет расширить идентификационный комплекс признаков за счет выявления «признаков в признаке», когда один крупный признак может быть разбит на более мелкие, а также обнаружить такие признаки на полигональных моделях, которые могут не просматриваться из-за текстуры самой следовоспринимающей поверхности, и не отображаются на фотоизображении объекта. Указанный фактор также позволяет расширить комплекс признаков при установлении пригодности объекта для идентификации.

Оперируя понятием «3D-модель», почти никто из ученых не раскрывает сущность и содержание данного понятия. И.О. Несмиянова употребляет термин «цифровая модель», делая упор на цифровую форму фиксации информации, а применительно к 3D-моделям указывает на их создание с помощью 3D-сканирования и соответствующего программного обеспечения. Как мы выяснили из рассмотрения технологий получения 3D-моделей, они могут быть получены не только с помощью 3D-сканеров, но и с помощью компьютерной техники, так и на смартфоне. Нам видится, что 3D-модель в судебной экспертизе представляет собой цифровой объект, создаваемый в трех измерениях с помощью специализированного программного обеспечения, который в процессе исследования воспроизводит объект-оригинал, обладая его существенными свойствами, позволяет получить информацию о нем в целях установления фактов (вынесения суждений о факте), имеющих значение для раскрытия и расследования преступления, рассмотрения дела в суде.

Фиксация, изъятие и сохранение информации о следах преступления, обстановки места происшествия во время следственных действий, в ходе производства судебной экспертизы – одно из основных приложений для 3D-технологий, при котором отсканированные данные либо снятые для дальнейшего построения 3D-моделей могут быть сохранены и заархивированы для будущего изучения и использования. Бесконтактный способ получения модели позволяет освободить ее от влияния признаков применения следокопировальных материалов и в то же время сохранить объект-оригинал без изменений. Сохранение в цифровом виде

гарантирует, что зафиксированную информацию можно исследовать неоднократно, на любом этапе расследования, даже если первоначальное доказательство подверглось изменениям (обстановка места происшествия, посмертные изменения, повреждения на теле потерпевшего).

Таким образом, синтез теоретического анализа и практических разработок создает предпосылки для оптимизации и цифровизации процессов работы с вещественными доказательствами, что в перспективе способно повысить точность, скорость и объективность судебно-экспертных исследований.

Список использованных источников

1. Беляев, М.В. Возможности трехмерного сканирования трасологических объектов / М.В. Беляев // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17–18 мая 2018 г. / С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – СПб., 2018. – С. 34–39.
2. Основы трасологии и трасологической экспертизы для слушателей факультета повышения квалификации : курс лекций / Н.П. Майлис [и др.]. – М. : Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. – 578 с.
3. Севастьянов, П.В. Развитие методов и средств фиксации невербальной доказательственной информации на основе технологии 3D-сканирования / П.В. Севастьянов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4. – С. 171–177.
4. Вехов, В.Б. Теоретические аспекты компьютерного моделирования в расследовании преступлений / В.Б. Вехов, С.А. Ковалев // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – № 1-4. – С. 104–108.
5. Харламова, О.А. К вопросу о перспективах развития частного экспертно-учения о моделировании как элементе совершенствования судебно-экспертной деятельности / О.А. Харламова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 279–281.

УДК 348.9

К.А. Шустерман, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тум*

О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-КОРРУПЦИОНЕРА

В настоящее время одной из главных задач государства является борьба с коррупционной преступностью. Исследователи-криминологи уделяют значительное внимание изучению личности преступника-коррупционера, что имеет существенное значение при разработке мер, направ-

ленных на предупреждение совершения коррупционных преступлений. На наш взгляд, изучение личностных характеристик коррупционных преступников, понимание их мотивации к совершению правонарушений, а также выявление категории граждан, которые могут быть подвержены вовлечению в коррупционные отношения, поможет разработать эффективные методы борьбы с коррупционной преступностью.

Прежде чем рассмотреть особенности личности преступника-коррупционера, следует отметить, что нет единого определения указанному понятию. А.И. Марданов понимает под личностью коррупционного преступника индивида, который участвует в коррупционных практиках, таких как взяточничество, мошенничество или злоупотребление своим положением и обладает мотивацией к личной выгоде за счет незаконного использования своего статуса или влияния, а также характеризуется определенными социальными, психологическими и профессиональными особенностями, способствующими совершению подобных преступлений. А.А. Кашкаров рассматривает личность коррупционера как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования, адаптивные механизмы поведения и характер социального взаимодействия, при этом отмечает, что личность коррупционера существенным образом отличается от личности других преступников, они обладают исключительными деловыми качествами, высоким уровнем трудоспособности, имеют высшее образование и часто не одно. Стоит отметить, что под личностью коррупционного преступника также понимается набор качеств, особо значимых в обществе и приобретенных в процессе занимаемой должности, служебного положения, а также использование их для достижения корыстных, личных целей [1, с. 101].

Для личности преступника-коррупционера, как и для большинства лиц, совершающих преступления, характерны глубокие искажения нравственности и морали, негативное отношение к уголовно-правовым запретам на совершение преступлений и деформация сознания.

Итак, рассмотрим, какие же особенности свойственны личности коррупционера:

- в общей массе лиц, совершающих коррупционные преступления, доминирующее положение занимают преступники мужского пола (исключение составляют сферы образования, здравоохранения и фарминдустрии, где традиционно в профессиональном плане преобладают женщины);

- преобладают лица в возрасте старше 30 лет;

- преступники имеют высокий образовательный уровень;

- большинство лиц имеют семью, детей, т. е. социально благополучное семейное положение;
- лиц, ранее судимых, в том числе тех, у кого судимость снята или погашена, немного;
- у преступников преобладают мотивы личного обогащения, стремления занять в жизни более высокое социальное и должностное положение;
- лица, совершающие коррупционные преступления, отличаются властолюбием, корыстолюбием, неуважением к закону [2, с. 197].

Вышеперечисленные особенности подтверждаются современной статистикой и анализом лиц, совершивших преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Рассмотрим некоторые из них.

Многолетние исследования коррупционной преступности показывают, что среди коррупционных преступников мужчин значительно больше, чем женщин. Эта тенденция наблюдается и в актуальных статистических показателях Республики Беларусь за последние годы (2020–2023). По половому признаку коррупционные преступники распределены следующим образом: мужчины – 75 %, женщины – 25 %. Возможно, такое распределение коррупционеров-мужчин и коррупционеров-женщин больше связано не с криминальной активностью, а со степенью участия женщин в сфере социального управления. В тех сферах жизнедеятельности, где женщины представлены больше, там и уровень их коррупционной активности выше.

Среди наиболее значимых социально-демографических параметров коррупционных преступников выделяют их возрастные характеристики. За последние годы возрастная структура коррупционеров в среднем такова: в возрасте от 20 до 24 лет – 4 %; от 25 до 29 лет – 7 %; от 30 до 34 лет – 7 %; от 35 до 39 лет – 14 %; от 40 до 44 лет – 16 %; от 45 до 49 лет – 14 %; свыше 50 лет – 38 %. Средний возраст составил 44 года. Данное положение можно объяснить тем, что возможность принятия определенных решений, за которые люди будут платить незаконное вознаграждение, приобретает человек лишь с занятием им высокой должности, а представители более молодого возраста не имеют соответствующего должностного положения [3, с. 46]. Назначению на высокую должность, как правило, предшествует получение образования, карьерный рост, что требует продолжительного стажа трудовой деятельности. Вместе с тем стоит отметить, что лица старшего поколения имеют уже сформированную личность с устоявшимися жизненными установками и мировоззрением, большой профессиональный опыт, знания, связи, что создает условия для совершения коррупционного преступления

и помогает им более обдуманно выстроить свое противоправное поведение, в том числе с точки зрения возможных негативных последствий. В ряде случаев это позволяет им избежать огласки и ответственности.

Среди преступников преобладают лица с высшим образованием. На фоне других категорий преступников образовательный уровень коррупционеров был всегда высок. И этот факт объясняется тем, что аппарат органов власти и управления комплектуется квалифицированными специалистами. За те же последние годы лица, имеющие высшее образование, в числе совершивших данный вид преступления составляют 79 %; среднее специальное – 21 %.

Стоит упомянуть и статистические данные, касающиеся семейного положения указанной категории правонарушителей. Большинство из них оказались женаты/замужем – 67 %; разведены – 20 %; холосты/не замужем – 13 %. По мнению А.С. Доржиева и Е.А. Погребняк, несмотря на то, что в общеуголовных преступлениях, как правило, наличие семьи у человека является антикриминогенным фактором, так как семья в большинстве случаев оказывает положительное, позитивное влияние на личность, в случае с коррупционными преступлениями наблюдается обратная тенденция. Наличие семьи, наоборот, побуждает человека к совершению коррупционного преступления. Указанная модель поведения вызвана стремлением человека улучшить не только свое материальное положение, но и материальное положение членов своей семьи (улучшение условий жилья, приобретение нового автомобиля, покупка дорогостоящих подарков и т. д.). Такая мотивация для лица, совершающего коррупционное преступление, формирует у него устойчивый умысел на совершение данного вида преступлений.

Немаловажным является вопрос признания вины осужденным. Свою вину в совершенном коррупционном преступлении признали более половины из них, а именно – 52 %; не признали вину – 30 %; признали частично – 18 %. Стоит сказать, что признание обвиняемым своей вины значительно упрощает работу правоохранительных органов, поскольку сокращает усилия по раскрытию и расследованию преступлений, облегчает процесс доказывания и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, позволяет экономить материальные затраты и сократить сроки предварительного расследования [3, с. 47].

Помимо вышеперечисленных особенностей, коррупционерам свойственны такие качества, как уравновешенность, индивидуализм, стремление к улучшению своего материального положения любым путем, в том числе преступным, безразличие к национальным интересам, отчужденность от устремлений и целей большинства граждан, общества,

знание психологии людей, приспособленчество, зависть, жадность, нигилистическое отношение к законам, извращение общественных принципов и нравственных начал, отсутствие самокритики и завышенная самооценка, предприимчивость, алчность, цинизм, наличие привычек и интересов, требующих материальных затрат [4, с. 34].

Выделяемые исследователями особенности личности отражают комплекс специфических черт преступника и позволяют не только спрогнозировать варианты его поведения в конкретной ситуации, но и обеспечить выработку предупредительных и профилактических мероприятий антикоррупционного характера.

При исследовании личности коррупционера необходимо обратить внимание на мотив преступления. Личностью коррупционера при совершении преступного посягательства движут мотивы самооправдания своего поведения, предполагающие отрицание своей вины, отсутствие раскаяния за содеянное деяние при нарушении уголовно-правовых запретов, отсутствие барьеров сдерживающего нравственно-правового контроля. Личности такого преступника свойственна сообразительность, умение быстро реагировать при возникновении сложных ситуаций, интеллектуальная мыслительная активность в преступном направлении, что выступает свидетельством наличия у субъекта игрового мотива посягательства [5, с. 98]. Рассматривая мотивационную сферу преступника-коррупционера, Е.А. Иванцова выделяет следующие особенности:

1) у личности преступника-коррупционера присутствует определенная деформация структурной иерархии своих личных побуждений, что часто связано с индивидуализмом, завышенной самооценкой, эгоизмом, стремлением к улучшению своего материального положения любым путем, в том числе и преступным;

2) преступник-коррупционер обладает низким уровнем этических ценностей: принимая участие в коррупционных схемах, преступники разрушают нравственные принципы и утрачивают чувство собственного достоинства и честности;

3) ключевую роль в деятельности преступника-коррупционера играет чувство «безнаказанности». Это чувство подталкивает к дальнейшим коррупционным действиям и укрепляет уверенность в способности избежать ответственности за свои деяния. Изучая свойства и качества личности преступника-коррупционера, целесообразно использовать его типологию, в основе которой преобладают корыстные побуждения [1, с. 87].

Исходя из мотивов совершаемых преступлений выделяются следующие типы личности коррупционера: корыстолюбивый, престижный и игровой. Корыстолюбивый тип последовательно, целеустремленно и

постоянно стремится к удовлетворению своих материальных и иных потребностей, наращивает свое личное благосостояние, используя должностное положение, полномочия и связи. Престижный тип основные усилия направляет на использование криминальных денег для поддержания своего личного статуса, имиджа в так называемых элитарных сферах общения, проведения досуга и т. п. У игрового типа на первом месте не власть и деньги, а сам процесс использования власти. Особенности его коррупционного поведения связаны с чувством балансирования на грани законопослушного и преступного поведения, созданием благоприятных условий для того, чтобы нарушать закон, находясь при должности [6, с. 89].

На основании данных типов личности коррупционера можно выделить еще одну отличительную особенность субъекта коррупционной преступности: наличие корыстной мотивации, однако необходимо понимать, что встречаются и иные мотивы преступлений: повышение авторитета, обладание властью, корпоративная солидарность, месть за несправедливость действий со стороны руководства.

Перейдем к рассмотрению следующей классификации коррупционных преступников. Основным критерием здесь выступает способ совершения преступлений, по которому можно условно разделить всех коррупционных преступников на несколько самостоятельных групп, в свою очередь образующих небольшие подгруппы. В криминологии выделяются следующие виды преступников-коррупционеров:

1) коррупционеры-расхитители, т. е. лица, совершающие преступления коррупционной направленности (присвоение чужого имущества), при помощи своего служебного положения либо статуса или полученной власти;

2) коррупционеры-взяточполучатели (их обычно именуют «коррупционерами», придавая узкий смысл этому термину, ведь эта категория считается наиболее часто встречаемой);

3) корруптеры (взятокодатели) – лица, передававшие взятку коррупционерам для решения каких-либо дел и решения своих интересов;

4) лица, на определенных должностях в государственных органах власти и местного самоуправления, которые используют власть, находящуюся в их руках, служебное положение для удовлетворения личных целей корыстной направленности, причиняя тем самым существенный вред в экономической, политической, социальной сфере, государству и обществу. Их еще называют «коррупционерами-злоупотребителями» [3, с. 46].

Стоит упомянуть и классификацию личности коррупционера, основанную на эмоционально-психологической характеристике правонарушителя.

Во-первых, исследователи выделяют «инициативный» тип. Для него характерны следующие психологические особенности: искаженное представление об общественных ценностях; стойкая убежденность в собственной исключительности и вседозволенности; вера, что цель в виде достижения необходимого уровня собственного благосостояния оправдывает использование любых, в том числе аморальных и противоправных средств; властность, целеустремленность и решительность. Используя свое должностное положение, они могут создавать искусственные трудности и иные негативные условия для граждан и организаций с целью последующего решения возникающих проблем за индивидуальное вознаграждение. Коррупционная деятельность данных лиц является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности, а потому носит, как правило, затяжной продолжительный характер.

Этот тип видится нами наиболее общественно опасным, так как его представители изначально настроены на использование своих служебных полномочий для совершения корыстных противоправных действий, а значит уже изначально обладают корыстной мотивацией и негативными качествами, присущими коррупционерам, чего нельзя сказать о следующих типах правонарушителей.

Второй тип в предлагаемой классификации получил название «конформный». Представители данного типа характеризуются, преимущественно, следующими чертами характера: покладистость и неконфликтность, безынициативность, внушаемость. Особенность данных преступников заключается в их стремлении придерживаться тех устоев и традиций, которые уже сформированы коллективом, в составе которого они осуществляют профессиональную деятельность. Изначально представители конформного типа не стремятся к совершению должностных преступлений, а, возможно, и осуждают тех, кто осуществляет коррупционную деятельность. Однако, попадая в сформировавшуюся коррупционную среду, они начинают совершать коррупционные правонарушения, в большей степени, руководствуясь корпоративной, а не корыстной мотивацией. Страх потерять псевдоуважение и доверие со стороны сослуживцев-коррупционеров, а впоследствии стать изгоем и быть уволенным под каким-либо предлогом оказывают на данное лицо гораздо большее мотивационное воздействие, нежели стремление к незаконному обогащению.

Третий тип представленной классификации определяется в качестве «вынужденного». Для представителей данной типологической группы характерны следующие черты: слабовольность, низкий уровень интеллекта и неспособность к аналитическому мышлению, доверчивость, за-

ниженная самооценка, трусость. Коррупционер данного типа, в отличие от вышеуказанных, вообще не имеет коррупционных установок. Совершение корыстных преступлений и иных правонарушений осуществляется спонтанно и, как правило, по ярко выраженной инициативе третьих лиц. Данного человека относительно легко запугать якобы грозящими ему негативными последствиями отказа от коррупционного поведения и сотрудничества с взяточдателем или его представителем [6, с. 89].

Несмотря на многообразие классификаций и подходов к рассмотрению личности преступника-коррупционера, широкий круг особенностей и качеств указанной категории правонарушителей, различные мотивы совершения коррупционных преступлений, их объединяет наличие общественной опасности, способность причинить вред отношениям, охраняемым нормами закона, неудовлетворенность личности своим социальным статусом и положением, отстранение от общепринятых правил поведения, ценностей и норм, существующих в обществе, отсутствие упорства и желания удовлетворения потребностей законным способом и трудом, низкий уровень правового сознания.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что изучение и анализ особенностей личности преступника-коррупционера, а также понимание типологии указанной категории лиц позволят в первую очередь разработать и применять эффективные меры по борьбе с коррупционной преступностью, а также предотвратить вовлечение в коррупционные отношения лиц, которые потенциально могут стать частью коррупционных схем преступников.

Список использованных источников

1. Криминология : учебник / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – 394 с.
2. Ахмедханова, С.Т. Особенности личности преступника-коррупционера в системе образования / С.Т. Ахмедханова // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8. – С. 197.
3. Казакевич, С.М. Изучение личности коррупционного преступника как источник криминологической информации (на примере Республики Беларусь) / С.М. Казакевич // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 3. – С. 46–47.
4. Волконская, Е.К. Типология личности преступника-коррупционера / Е.К. Волконская // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 34.
5. Глазкова, Л.В. Личность коррупционера как компонента системы коррупции / Л.В. Глазкова, Н.С. Грудинин // Современное право. – 2017. – № 2. – С. 98.

6. Яворский, М.А. Социально-криминологический портрет современного коррупционера / М.А. Яворский, М.Е. Степанов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 5-2. – С. 86–89.

УДК 348.9

Т.А. Ясинская, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Т.Г. Терещенко*

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕРАХ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Насильственная преступность остается одной из самых острых социальных проблем современного общества. За последние десятилетия наблюдаются существенные изменения в структуре и масштабах насильственных деяний, что обусловлено как социально-экономическими факторами, так и изменениями в культуре и общественном сознании. Характер преступлений варьируется в зависимости от условий жизни населения, что заставляет специалистов переосмысливать традиционные методы криминологического анализа и профилактики. Эти выводы подтверждаются статистическими данными, полученными в результате сравнительных исследований в различных регионах, где наблюдаются как негативные тенденции, так и положительные сдвиги благодаря внедрению инновационных мер предупреждения.

Многоаспектность насильственной преступности обусловлена комплексным взаимодействием внешних и внутренних детерминант, обуславливающих ее существование, а также научным осмыслением самого понятия насилия. Так, по мнению С.И. Буз, под насилием, как правило, следует понимать намеренное причинение вреда человеку другим лицом; при этом возможно и бесконтактное, психологическое насилие [1, с. 37]. В этой связи мы видим разнообразие форм воздействия на личность, в чем наблюдается один из немаловажных признаков насилия.

Кроме того, на социальном уровне существенное влияние детерминации оказывают факторы, связанные с неравенством, маргинализацией определенных групп населения, дефицитом социальных ресурсов и институциональными проблемами. В условиях социального стресса и нарушения общественных норм возникает риск формирования агрессив-

ных моделей поведения. С другой стороны, психологические особенности личности – импульсивность, склонность к агрессии, недостаточная эмоциональная регуляция – также играют важную роль в предрасположенности к насилию. Результаты ряда исследований демонстрируют, что взаимодействие социокультурного давления и индивидуальных психологических факторов может значительно обуславливать вероятность совершения насильственных деяний.

Одним из главных объяснений насильственной преступности является теория социального напряжения, согласно которой насилие возникает как реакция на дисбаланс между общественными ожиданиями и реальными возможностями индивида. В условиях экономического кризиса, социальной нестабильности и маргинализации отдельных групп населения уровень конфликтности возрастает, что способствует формированию агрессивных моделей поведения. Исследования показывают, что длительное пребывание в стрессовых условиях, вызванных социальным неравенством, может приводить к росту насильственных преступлений, особенно среди молодежи и социально уязвимых слоев населения [2, с. 115–116].

Другим важным аспектом является то, что уровень насильственности связан с особенностями коллективных норм и культурных установок. В обществах, где насилие воспринимается как допустимый способ разрешения конфликтов, вероятность его проявления значительно выше. Например, распространенность криминальных субкультур, в которых агрессия является способом самоутверждения, способствует формированию устойчивых моделей насильственного поведения. Кроме того, ослабление традиционных форм социального контроля, таких как институт семьи и образовательные учреждения, приводит к снижению эффективности механизмов социализации, что также увеличивает риск преступных действий.

Одной из ключевых особенностей насильственной преступности является игнорирование преступником прав и свобод жертвы. В основе преступного поведения лежит стремление к доминированию, подавлению чужой воли и демонстрации силы. Это проявляется в различных формах: от физического насилия до психологического давления и угроз.

Многие насильственные преступления совершаются в состоянии аффекта или под влиянием сильных эмоций. В таких случаях преступник действует импульсивно, не оценивая последствия своих действий. Это отличает насильственные преступления от заранее спланированных преступных деяний, таких как мошенничество или кража.

Насильственные преступления часто связаны с особенностями личности потерпевшего. Исследования показывают, что жертвами насилия чаще становятся лица, находящиеся в уязвимом положении: дети, пожилые люди, женщины, а также лица, ведущие асоциальный образ жизни. Виктимологический анализ позволяет выявить группы риска и разработать меры по их защите.

Как указывалось ранее, насильственная преступность тесно связана с социальными условиями. Высокий уровень безработицы, бедность, кризис института семьи и распространение криминальных субкультур способствуют росту насильственных преступлений. В обществах с высоким уровнем социальной напряженности насилие может восприниматься как допустимый способ разрешения конфликтов.

В преступных группировках насилие часто используется как инструмент контроля и самоутверждения. В таких сообществах агрессивное поведение становится нормой, а жестокость – способом демонстрации силы. Это способствует распространению насильственных моделей поведения среди молодежи и лиц, находящихся в криминогенной среде, среди осужденных.

Насильственные преступления имеют тенденцию к эскалации. Например, бытовые конфликты могут перерасти в тяжкие преступления, а мелкие акты агрессии – в систематическое насилие. Стоит учитывать, что насильственные действия провоцируют ответную агрессию и способствуют росту преступности.

Лица, совершающие насильственные преступления, часто обладают специфическими психологическими характеристиками: низким уровнем самоконтроля, склонностью к импульсивным действиям, эмоциональной нестабильностью. В некоторых случаях насильственные преступления совершаются лицами с психическими расстройствами, что требует особого подхода к их профилактике.

Отдельное место занимает такая особенность насильственной преступности, как высокий уровень общественной опасности. Насильственные преступления наносят значительный ущерб не только отдельным жертвам, но и обществу в целом. Они формируют атмосферу страха, подрывают доверие к правовым институтам и способствуют росту социальной напряженности. В отличие от преступлений имущественного характера, насильственные деяния часто имеют необратимые последствия, включая физический и психологический вред потерпевшим.

Насильственная преступность в отдельных ее видах характеризуется высокой латентностью, что означает значительное расхождение между официально зарегистрированными преступлениями и реальным уровнем

нем насильственных деяний в обществе. По мнению ряда исследователей, на каждое раскрытое преступление приходится до восьми случаев, которые остаются вне поля зрения правоохранительных органов и не фиксируются в статистических отчетах.

Этот феномен обусловлен рядом факторов. Во-первых, многие преступления не доходят до стадии официального расследования из-за нежелания потерпевших обращаться в правоохранительные органы. Это особенно актуально для преступлений, совершенных в семейно-бытовой сфере, где жертвы могут испытывать страх перед агрессором, зависимость от него или сомнения в эффективности правовой защиты.

Во-вторых, определенная часть насильственных преступлений остается нераскрытой из-за недостатков в оперативно-розыскной деятельности, нехватки доказательной базы или сложности установления личности преступника. В условиях высокой латентности преступности официальные данные могут не отражать реальную картину, что затрудняет разработку эффективных мер предупреждения и борьбы с насильственными преступлениями [3, с. 218].

Приведем некоторые статистические данные в этой связи. Хотя их доля в общей структуре преступности относительно невелика (до 10 %), они представляют собой значительную угрозу для общества из-за тяжести последствий и высокой степени общественной опасности. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение факторов, способствующих совершению таких преступлений, а также разработка эффективных стратегий их предупреждения и борьбы с ними.

Анализ динамики преступности за последние пять лет показывает снижение уровня насильственных преступлений в стране. Среди факторов, повлиявших на этот процесс, можно выделить экономический кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг., который оказал значительное влияние на развитие государства и привел к росту преступности в 2000-х гг. (пиковые значения приходились на 2006–2007 гг.). Экономическая нестабильность сопровождалась ослаблением правовых и социальных институтов, что способствовало увеличению числа насильственных преступлений.

Кроме того, в 1990–2000-х гг. на уровень преступности повлияли такие факторы, как распространение культа силы, высокий уровень алкоголизации населения, морально-идеологический вакуум, правовой нигилизм и недостатки в деятельности правоохранительных органов. Эти обстоятельства способствовали формированию криминогенной среды, что отразилось на статистике преступности в указанный период.

Несмотря на снижение количества насильственных преступлений в Республике Беларусь, вопрос разработки и совершенствования мер по их предупреждению остается достаточно актуальным.

В первую очередь, необходимо совершенствовать индивидуальные меры, направленные на работу с потенциальными преступниками и лицами, склонными к агрессивному поведению. Ранняя диагностика девиантного поведения и психологическая коррекция могут существенно снизить вероятность совершения насильственных преступлений. Ключевые направления индивидуальной профилактики могут включать психологическую работу с лицами, склонными к агрессивному поведению и импульсивности, реабилитационные программы для освобожденных из мест лишения свободы, направленные на их социализацию, контроль за лицами с психическими расстройствами, если они представляют или могут представлять опасность для общества.

Виктимологическая профилактика направлена на снижение вероятности становления жертвой преступления. Исследования показывают, что определенные группы населения (женщины, дети, пожилые люди) чаще подвергаются насильственным преступлениям. Меры такой профилактики должны основываться на выявлении потенциальных потерпевших и предотвращении их неосмотрительного, рискованного, легкомысленного, распущенного, провокационного поведения (скандалистов; постоянно конфликтующих лиц, попадающих в состоянии опьянения в виктимные ситуации; лиц, склонных к случайным компаниям, следованию приглашениям незнакомых людей, легкомысленному поведению в общественных местах, и т. д.). Данные лица также должны быть взяты на профилактический учет [4, с. 162–164]. Также в рамках указанной профилактики следует проводить обучение гражданам методам самозащиты и безопасному поведению, развивать систему поддержки жертв насилия (горячие линии, кризисные центры).

В современном мире огромную роль на поведение людей, их образ жизни и другие аспекты, в том числе на уровень насильственной преступности, оказывают средства массовой информации (новостные интернет-ресурсы, газеты и т. д.), социальные сети, кинематограф и т. п. Так, если в новостях человек видит одобрение насилия над кем-либо, а в фильмах ему с положительной стороны демонстрируют персонажа, который применяет насилие к остальным людям и совершает иные антиобщественные действия, то такой человек может сделать вывод о том, что применение насилия является социально приемлемым и достаточно простым способом решения конфликтов и проблем. В связи с этим следует проводить информационную профилактику, которая будет заключаться в контроле за контентом, который пропагандирует насилие, популяризации ненасильственных моделей поведения через искусство и медиа, образовательных программах, направленных на формирование культуры мирного разрешения конфликтов.

С целью предупреждения насильственной преступности следует пересмотреть также уголовное законодательство по вопросу соответствия совершаемого насильственного преступления и назначаемого за него наказания (вероятно, необходимо ужесточить ответственность за данную категорию преступлений), совершенствовать работу правоохранительных органов в данной сфере, развивать международное сотрудничество по этому вопросу с другими государствами.

Анализ насильственной преступности показывает, что она представляет собой сложное социальное явление, имеющее многофакторную природу. Ее особенности включают высокий уровень общественной опасности, агрессивно-пренебрежительное отношение к жертвам, выраженную эмоциональную составляющую и зависимость от социальных условий.

Динамика насильственной преступности демонстрирует постепенное снижение ее уровня на территории Республики Беларусь за последние два десятилетия, что связано с изменением социально-экономической ситуации, усилением профилактических мер и стабилизацией работы правоохранительных органов. Однако остается проблема латентности: реальная картина преступности может значительно отличаться от официальных статистических данных, что затрудняет оценку эффективности существующих мер.

Предупреждение насильственной преступности требует комплексного подхода, включающего индивидуальную профилактику (психологическая работа с потенциальными преступниками), социальные меры (укрепление института семьи, борьба с факторами криминогенного риска), виктимологическую защиту (меры по предотвращению виктимизации потенциальных жертв), правовые меры (совершенствование законодательства и работы правоохранительных органов) и информационное воздействие (формирование культуры мирного разрешения конфликтов, развитие института медиации, службы семейных психологов и т. п.).

Список использованных источников

1. Буз, С.И. Зарубежный опыт профилактики насильственной преступности / С.И. Буз // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 37.
2. Шиханцов, Г.Г. Криминология : учеб. пособие / Г.Г. Шиханцов. – Минск : Тесей, 2006. – 295 с.
3. Нестерович, Я.С. Сравнительный анализ насильственных преступлений в Республике Беларусь / Я.С. Нестерович // Научный поиск курсантов. – Могилев, 2023. – 578 с.
4. Органов, А.А. Предупреждение насильственных преступлений против жизни и здоровья / А.А. Органов // Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки. – 2009. – № 6. – С. 162–164.

Системные требования: Браузеры Internet Explorer 7.0 и выше, Firefox 10.0, Chrome, Yandex, Opera, программа для просмотра PDF-файлов.

Компьютерная верстка в программе InDesign. Расширение .pdf.
Доступно для Windows, macOS, Linux.

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Выпуск 10

Объем издания: 2,12 МБ.

Дата подписания к использованию 23.10.2025.

Издатель:

учреждение образования

«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.

Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.

Тел. +375(29) 289-21-10, www.amia.by, www.rio@amia.by